DK
83
.P6

Class

Book

YUDIN COLLECTION

1049
300

КНЯЗЬ

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ

БОГОЛЮБСКІЙ.

№ 540

соч.

М. ПОГОДИНА

Pogodin, Mikhail Petrovich

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1850.

DK83
.P6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 11-го дня, 1850 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

ГОСПОДИНУ ПРЕЗИДЕНТУ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ГРАФУ

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ,

посвящаетъ,

въ знакъ искренней благодарности,

М. Погодинъ, Академикъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый отрывокъ изъ моей Русской Исторіи, о жизни Великаго Князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, состоитъ изъ *трехъ* отдѣленій, кои напечатаны были порознь въ Москвитянинѣ и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и теперь оттуда издаются вмѣстѣ:

1. Повѣствованіе.
2. Изслѣдованіе.
3. Свидѣтельства.

Читатели увидятъ, что *повѣствованіе* основывается въ строгомъ смыслѣ на *свидѣтельствахъ*, а свидѣтельства, со всѣми возникающими изъ нихъ вопросами, разобраны критически *въ изслѣдованіи*.

Нѣкоторыя, впрочемъ не многія, обстоятельства этого времени не вошли въ повѣствованіе, какъ принадлежащія общей Исторіи, и на оборотъ присоединены другія, собственно біографическія, потому что оно извлечено было для Журнала.

Такимъ образомъ я обработываю всю Русскую Исторію. Древнѣйшей ея части, отъ начала государства до Монгольскаго ига, посвящено три тома, къ которымъ принадлежитъ *восемь томовъ* Изслѣдованій, теперь печатаемыхъ, уже гораздо за половину.

Мнѣ желательно услышать замѣчанія и мнѣнія публики объ этомъ образчикѣ, — чтобъ воспользоваться по возможности ими при изданіи полнаго труда, которому посвящена была вся моя жизнь, — кромѣ необходимыхъ, впрочемъ краткихъ, отлучекъ, какъ бы для отдохновенія, въ области журнальную и современно-литературную. *М. П.*

1850 года.
Мая 4 дня.

I.

ПОВѢСТВОВАНІЕ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ.

(Князь Андрей родился около 1110 года, и былъ вторымъ сыномъ Князя Юрья Володимировича Долгорукаго отъ перваго брака, съ Половецкой Княжной, Аепиной дочерью, Осеневой внукой, на которой женилъ его отецъ въ 1107 году.

Юрій получилъ въ удѣлъ Суздальское княжество очень рано, жилъ тамъ почти безвыѣздно лѣтъ тридцать слишкомъ; тамъ, слѣдовательно, должны были родиться, или, по крайней мѣрѣ, провести молодость всѣ его дѣти, и между ними Князь Андрей.

Андрея женилъ онъ послѣ 1130 года на дочери богатаго боярина Степана Ивановича Кучка, владѣльца береговъ Москвы рѣки, казненнаго имъ, какъ говоритъ преданіе, справедливо или нѣтъ, за какую-то дерзость.

Въ 1146 году, по смерти старшихъ братьевъ Юрья, великое княжество Кіевское, подвластное на время Князю изъ чужаго, Олегова рода, Всеволоду, сдѣлалось предметомъ спора между соперниками, не имѣвшими на него вовсе никакого права: Изяславомъ Мстиславичемъ, племянникомъ Юрья, и Олеговичами, братьями послѣдняго Князя.

Юрій, который привязанъ былъ душею къ Югу, не смотря на свое долгое пребываніе на Сѣверѣ, и окружалъ себя здѣсь Кіевскими и прочими Русскими названіями, давая ихъ новымъ городамъ своимъ въ Суздальской области, — который хотѣлъ промѣнять ее еще прежде брату Ярополку, — рѣшился теперь, какъ сынъ Мономаховъ, предъявить свое право, и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, испытать счастье. Онъ принялъ съ удовольствіемъ предложеніе Святослава Ольговича, и подалъ тотчасъ помощь, чтобъ выручить ему брата Игоря, а себѣ поискать Кіева.

Первый личный его походъ относится къ 1149 году. Всѣ сыновья должны были ему сопутствовать. Счастіе помогло Юрью: онъ одержалъ подъ Переяславлемъ совершенную побѣду надъ своимъ племянникомъ, занялъ Кіевъ, и роздалъ сыновьямъ удѣлы: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышгородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль.

Но всего этого ему показалось еще мало. «Выгоню Изяслава и перейму волость его!» сказалъ онъ, и пошелъ съ воями на племянника въ наслѣдственный удѣлъ его, Володимиръ Волынскій.

Въ этомъ-то походѣ является впервые на позорищѣ Исторіи Князь Андрей, бывшій тогда уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, и мы отсюда начнемъ описаніе его подвиговъ, сколько ихъ сохранили современныя лѣтописи.)

....Юрій, выступая въ походъ, послалъ къ Луцку старшихъ сыновей, Ростислава и Андрея, съ Половцами. Они расположились у Муравицы[1]. Андрей стоялъ впереди, за нимъ Ростиславъ. Вдругъ, ночью, всполошился станъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Половцы бросились бѣжать съ воеводою своимъ Жирославомъ. Ростиславъ, испуганный, послалъ звать брата, тороня его скорѣе назадъ. Тотъ не тронулся съ мѣста. Собственная дружина приступила къ нему: «чего ты ждешь, Князь? Отъѣзжай прочь, или хочешь добыть себѣ сорома?» Твердый Андрей не послушался никого, стерпѣлъ весь пополохъ, и дождался свѣта. Поутру, увидя, что Половцевъ никого нѣтъ, и что ему одному дѣлать нечего, онъ отошелъ спокойно къ брату, куда съѣхались и всѣ ихъ Князья.

Рѣшено было воротиться къ Дубну и ждать помощи отъ Великаго Князя.

---

[1] Нынѣ мѣстечко Волынской губерніи, Дубенскаго повѣта, по дорогѣ изъ Дубна въ Луцкъ.

Между тѣмъ Юрій заходилъ уже къ Луцку съ другой стороны. Младшіе Князья, узнавъ объ его прибытіи, двинулись туда двумя дорогами.

Приближаясь къ городу, они точно увидѣли стяги своего отца, а дружину городскую, выходящую напасть на его товары[1]. Андрей вздумалъ ударить тотчасъ на Лучанъ.... братьямъ это было не въ догадъ, даже стягъ его не былъ взволочѐнъ[2].... Стремительно бросился онъ, сопровождаемый дружиною, на непріятельскихъ пѣшцевъ[3], и изломалъ копье въ первомъ супротивнѣ. Пѣшцы, не выдержавъ его натиска, оборотились назадъ по гроблѣ къ городу; Андрей въ запальчивости погнался за ними, уже одинъ, безъ дружины, потерявшей его въ схваткѣ изъ виду. Только изъ меньшихъ дѣтскихъ[4] двое увидѣли издали своего Князя, попадающаго въ бѣду, и поскакали къ нему на помощь, — а онъ уже былъ обступленъ врагами; двумя копьями пораненъ былъ его конь; третье ударилось въ лукъ сѣдельный; Нѣмчинъ напиралъ на него съ рогатиною.... Тогда только онъ опомнился! Вотъ хочетъ мнѣ быть смерть Ярославча[5], помыслилъ онъ въ сердцѣ, обратился съ молитвою къ мученику Ѳеодору, (котораго память въ тотъ день праздновалась), выхватилъ мечь и оборонился отъ удара, — все это происходило въ мгно-

---

1 Станъ назывался товарами. Стягъ — знамя.
2 Т. е. знамя его не было поднято и распущено.
3 Пѣшцы—пѣшіе воины, пѣхота.
4 Дѣтскіе, отроки—младшая дружина.
5 Ярославъ Ярополковичь былъ такъ убитъ подъ Володимиромъ въ 1132 году.

веніе ока, — одинъ изъ дѣтскихъ его уже убитъ, а онъ какъ-то ловко успѣлъ поворотить коня, и тотъ, весь истекая кровью, вынесъ его изъ толпы враговъ. Доскакавъ до стана, вѣрный конь палъ мертвый отъ ранъ на землю. Отецъ Юрій, дядя Вячеславъ и всѣ братья обрадовались безъ памяти, увидя его живаго, спасшагося чудесно отъ видимой смерти; «мужи отни дали ему похвалу великую, зане мужески сотвори, паче всѣхъ бывшихъ ту.» Андрей велѣлъ погребсти коня своего надъ рѣкою Стыремъ, жалѣя его удали.

Андрей смолоду былъ столь же мягкосердеченъ, какъ и мужественъ: когда Изяславъ, послѣ шестинедѣльной осады Луцка, доведенный до крайности, подъ грозою Галицкой помощи Юрью, началъ просить мира, Андрей старался подвигнуть отца къ великодушію, между тѣмъ какъ старшій его братъ Ростиславъ, лично обиженный Изяславомъ, и особенно Юрій Ярославичь, всячески побуждали его къ войнѣ. «Отче господине,» — говорилъ ему Андрей, «милостивый на свой родъ, а болѣе всего на христіанъ,—помяни слово Писанія: се коль добро и красно еже жити братіи вкупѣ; не слушай Ярославича, примири къ себѣ сыновца[1], не губи своей отчины. Миръ стоитъ до рати, а рать стоитъ до мира.» — Отецъ исполнилъ его просьбу.

Когда, въ слѣдующемъ году, Кіевъ былъ взятъ обратно Изяславомъ, мы видимъ Андрея, помогающаго, по приказанію отца, брату Ростиславу, при нападеніи Изяславова сына Мстислава на Переяславль.

---

[1] Т. е. братняго сына—племянника.

Потомъ, когда Кіевъ опять достался Юрью, вслѣдствіе стѣсненія Изяслава Юрьевымъ сватомъ, Владимиркомъ Галицкимъ, Андрей посыланъ былъ отъ отца въ Переяславль примирить тамъ союзныхъ Половцевъ, которые опустошали страну, не смотря ни на чьи убѣжденія, въ чемъ онъ и успѣлъ, и вскорѣ получилъ себѣ новый удѣлъ, — Туровъ, Пинскъ и Пересопницу.

Сюда приходилъ къ нему, какъ прежде къ брату его Глѣбу, «розирая нарядъ его, и какъ городъ стоитъ», неутомимый Изяславъ, но долженъ былъ уйдти безъ успѣха, потому что Андрей, осторожнѣе брата, утвердилъ городъ и совокупилъ дружину. Впрочемъ онъ принялъ на себя опять посредничество, и просилъ отца о надѣленьѣ Изяслава, однако безъ успѣха.

Тогда Изяславъ обратился, по родству, къ союзникамъ своимъ Венграмъ, собрался съ новыми силами, и взялъ Кіевъ почти изъѣздомъ, успѣвъ уйдти отъ Владимирка Галицкаго и сопутствовавшаго ему Андрея.

Юрій не могъ перенести равнодушно своей потери: во что бы ни стало, ему надо было Кіева, и онъ, въ слѣдующемъ году, сгадавъ съ сыновьями, началъ новую войну, въ коей Андрей долженъ былъ принять, разумѣется, дѣятельное участіе.

Послѣ многихъ движеній и переходовъ они явились наконецъ подъ Кіевомъ, и лѣтопись сохранила здѣсь еще черту его храбрости, необыкновенной даже въ то бранное время.

Долго бившись вмѣстѣ съ племянникомъ Володимиромъ черезъ Лыбедь, Андрей не вытерпѣлъ,

переправился черезъ рѣку съ Половцами, и погналъ съ ними ратныхъ, (а Володимира, еще отрока, не пустилъ его кормилецъ). Онъ доскакалъ почти до ихъ полковъ, уже одинъ одинехонекъ, и могъ быть захваченъ; на счастье его случился тутъ какой-то Половчинъ, увидѣлъ опасность Андрееву, схватилъ коня его за узду, и отвелъ назадъ «лая» свою братью Половцевъ, которые давно уже оставили Князя. Такъ спасся витязь въ другой разъ отъ гибели, и возвратился къ своимъ невредимый.

Но тѣмъ не кончились Андреевы подвиги въ этотъ славный для него, трудный и несчастный для отца его, походъ.

Когда они принуждены были отойдти отъ Кіева, потомъ отъ Бѣлагорода, и на Перепѣтовомъ полѣ, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, должны были принять сраженіе, Андрей, тогда уже старшій между братьями, (Ростиславъ не задолго предъ тѣмъ умеръ), былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ; онъ поспѣвалъ вездѣ: изрядилъ полкъ отца своего, потомъ отъѣхалъ къ Половцамъ и укрѣпилъ ихъ на брань, потомъ воротился къ своей дружинѣ и ободрилъ ее. Полки между тѣмъ сходились между собою. Андрей, всегда одинаково горячій, былъ впереди. Онъ съѣхался прежде всѣхъ со врагомъ, и изломалъ копье въ первой схваткѣ. Коня его ранили въ ноздри, и страдающее животное начало метаться. Шлемъ упалъ съ головы Андреевой, щитъ былъ сорванъ съ груди.... Онъ ничего не замѣчалъ и бился.... Но не смотря на всѣ чудеса его храбрости, Изяславъ, непримиримый врагъ ихъ, столь же мужественный, столь же искус-

ный, побѣдилъ; и старый Юрій долженъ былъ бѣжать съ своими дѣтьми въ Переяславль. Изяславъ не далъ ему покоя и здѣсь: приступалъ къ городу и требовалъ отъ дяди совершеннаго удаленія въ Суздаль.

Андрей еще прежде выпросился туда у отца: «теперь намъ нечего дѣлать въ Русской землѣ,» говорилъ онъ, «уйдемъ за тепло.» Отцу не хотѣлось отпустить его, но онъ отправился въ свой домъ, Володимиру, отдохнуть послѣ поднятыхъ трудовъ и избѣгнутыхъ опасностей.

Не долго впрочемъ они отдыхали, и на слѣдующій годъ, старикъ, котораго какъ будто тянуло что на Русь, опять пошелъ мѣряться съ своимъ грознымъ врагомъ, сражавшимся уже изъ-за стрыя Вячеслава, старшаго брата Юрьева, и тѣмъ снискавшимъ себѣ видъ права. Изяславъ сжегъ послѣднее достоянье Юрьево на Руси, Городецъ Остерскій. «Я отожгу ему противу,» грозился Юрій, и повелъ полки съ сыновьями.

Они осадили Черниговъ, гдѣ собрались всѣ союзные противъ нихъ Князья. Черниговцы бились изъ города крѣпко; Князья замѣтили, что ихъ дружины и Половцы слабо противодѣйствуютъ, потому что сами они не ѣздятъ съ своими воями. Андрей вызвался начать первый, и въ слѣдующій день, когда непріятельскіе пѣшцы вышли стрѣляться изъ города, онъ бросился на нихъ съ дружиной и Половцами, однихъ избилъ, другихъ вогналъ въ городъ Прочіе Князья, соревнуя ему, стали ѣздить также подъ городъ, и пѣшцы не смѣли болѣе показываться оттуда, запуганные. Впрочемъ Юрій не могъ ничего

сдѣлать болѣе, и, услышавъ, что къ осажденнымъ идетъ новая помощь съ самимъ Изяславомъ, долженъ былъ снять осаду, и до заморозовъ спѣшить домой въ жиданіи новыхъ и лучшихъ обстоятельствъ.

Онѣ наступили въ самомъ дѣлѣ, потому что главнаго противника, Изяслава Мстиславича, въ слѣдующемъ году не стало (1154). Мѣсто его занялъ было на время братъ Ростиславъ, все изъ-за старшаго дяди Вячеслава, но сей послѣдній вскорѣ также умеръ; Кіевляне призвали Изяслава Давидовича; но Юрій, старшій теперь въ родѣ, шелъ уже изъ Суздаля со всѣми своими воями и полнымъ правомъ. Ростиславъ, по дорогѣ, предоставилъ ему старѣйшинство. Давидовичь не могъ противиться, и старому Князю Суздальскому достался наконецъ возлюбленный ему Кіевъ безъ всякаго прекословія. Онъ сѣлъ на столъ отца своего и дѣда, и роздалъ на Руси удѣлы сыновьямъ. Старшій, Андрей, получилъ отъ него опять Вышгородъ, но остался жить тамъ не долго.

Ему надоѣли, кажется, нескончаемыя, безплодныя войны за Кіевъ; онъ разсчелъ, что его отцу, уже семидесятилѣтнему, не долго оставалось жить на свѣтѣ, а послѣ этой близкой смерти Кіевъ ему достаться никакъ не могъ при такомъ множествѣ соискателей, изъ которыхъ иные имѣли и права гораздо больше, чѣмъ онъ, а именно: всѣ старшіе двоюродные братья, не говоря объ Изяславѣ Давидовичѣ, уже сидѣвшемъ на Кіевскомъ престолѣ, и о Святославѣ Ольговичѣ, имѣвшемъ притязаніе даже прежде Изяслава и Юрья. А тамъ еще издали гля-

дѣли съ жадностію на Кіевъ ретивые сыны Изяславовы.... Борьба съ ними со всѣми, вмѣстѣ или по одиначкѣ, притомъ безъ права, не предвѣщала вѣрнаго успѣха, а трудовъ множество; въ Суздальскомъ же княжествѣ ожидало его владѣніе обширное, почти безспорное; онъ родился тамъ, или, по крайней мѣрѣ, провелъ лучшіе годы жизни, привыкъ къ землѣ, людямъ и обычаямъ. И жена его была оттуда родомъ, и предпочитала, разумѣется, ту спокойную страну новой, незнакомой, исполненной безпрерывныхъ опасностей; ея братья, Кучковичи, близкіе къ Андрею, твердили безпрестанно объ ихъ родинѣ и убѣждали сестру и зятя туда воротиться.

Какъ бы то ни было, Андрей, вскорѣ по водвореніи въ Вышгородѣ, рѣшился оставить этотъ удѣлъ, и въ 1155 году, безъ отней воли и даже вѣдома, тайно, ночью, съ женою, дѣтьми и Дворомъ, отправился на свою любезную, залѣсскую сторону, взявъ съ собою изъ Руси только древнюю икону Богоматери, икону, которая впослѣдствіи получила такое важное значеніе въ Русской Исторіи, и нынѣ составляетъ первую Московскую святыню, подъ именемъ Владимирской.

Благочестивое преданіе сообщаетъ объ этомъ, важномъ по своимъ слѣдствіямъ, путешествіи нѣсколько любопытныхъ подробностей....

Случилось Андрею, носившему издавна эту мысль, разговориться въ искренней бесѣдѣ съ близкими людьми о святыхъ иконахъ, отъ коихъ бываютъ чудеса — исцѣленія, указанія, пособія, и другія. Бояре сообщили ему, что въ Вышгородѣ носится

носится слухъ о Греческой иконѣ Божіей Матери, привезенной купцемъ изъ Царяграда, и поставленной Княземъ Юрьемъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, будто она не хочетъ здѣсь оставаться. Крылошане разсказываютъ-де, что они увидѣли ее однажды ставшую среди церкви на воздухѣ. Они осмѣлились перенести ее на прежнее мѣсто, и тогда обратилась она лицемъ къ олтарю. Священники отнесли ее въ олтарь и поставили за святою трапезой, но послѣ она явилась опять о себѣ, внѣ трапезы.

Андрей, слыша эти рѣчи, разгорѣлся духомъ, какъ говоритъ преданіе: ему представилось, кажется, что спутница, покровительница, для задуманнаго имъ дѣла, нашлася, — онъ поспѣшилъ въ монастырь: ликъ Святой Дѣвы сіялъ въ его глазахъ паче всѣхъ иконъ. Князь палъ предъ нимъ ницъ и взмолился усердно: «Владычице, аще хощеши, можешь помощницею быти намъ въ Ростовской землѣ, идѣже тщимся шествовати, простри руцѣ свои на мольбу сыну своему, сохрани и заступи ны отъ всякаго зла.»

Снарядившись, ночью, путники пришли въ церковь и отслужили со слезами молебенъ; Князь Андрей взялъ икону на свои руки, и всѣ, помолясь, отправились въ далекій путь. Крылошане церковные, священникъ Никола и зять его, Несторъ, слѣдовали за ними.

Многими чудесами ознаменовалось путешествіе святой иконы, предъ коею по всей дорогѣ пѣлись молебны: тамъ, на Яузѣ, Андрей послалъ всадника искать брода, и несчастный вдругъ сталъ невидимъ,

въ переполненной рѣкѣ. Князь, обвиняя себя въ его гибели, обратился съ молитвою къ Божественной Спутницѣ, и въ то же мгновеніе утопавшій всплылъ живой и невредимый; тамъ, на поляхъ Рогожскихъ, взбѣшенный конь сбилъ съ себя служителя, истопталъ жену священника Николы, которая слѣзла предъ тѣмъ съ своего воза. Мужъ палъ со слезами передъ иконою, и увѣчная очнулась во здравіи. Наконецъ, не доходя до Володимира, на берегу рѣки Клязьмы, кони, везшіе святую икону, вдругъ остановились. Никакими усиліями нельзя было побудить, чтобъ они двинулись съ мѣста. Перепрягли, и другіе стали какъ вкопаные. Князь Андрей уразумѣлъ, что Владычицѣ не угодно шествовать далѣе, остановился на этомъ мѣстѣ, назвалъ его Боголюбимымъ и обѣщался построить церковь. *Доселѣ преданіе.*

Андрей совершилъ благополучно путь и водворился въ Володимирѣ. Ему было тогда подъ пятьдесятъ лѣтъ. У него было нѣсколько дѣтей — два взрослыхъ сына и дочь. Отецъ оставилъ его, кажется, въ покоѣ. Хотя старому Юрью тяжело было лишиться такой твердой опоры, но подлѣ него оставалось еще много доблестныхъ сыновей... Онъ впрочемъ не долго прожилъ на Руси безъ Андрея, и чрезъ два года скончался, наканунѣ новой опасности, когда прежній врагъ стоялъ уже передъ Кіевскими воротами (1157). Андрей сотворилъ по немъ великую память.

Ростовцы и Суздальцы посадили Андрея на отнемъ столѣ въ Ростовѣ и Суздали, «занеже», сказано въ лѣтописи, «бѣ любимъ всѣми за премногую его

добродѣтель, юже имѣяше къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ.» А впрочемъ эти княжества, по завѣщанію Юрья, должны были принадлежать меньшимъ его дѣтямъ. Сихъ послѣднихъ Андрей вскорѣ выгналъ, вмѣстѣ съ мачихой, второю женой Долгорукаго, и передними мужами отцовскими, «желая быть самовластецъ всей земли», а можетъ быть вмѣстѣ и въ исполненіе воли избравшихъ его городовъ. Княгиня, Гречанка родомъ, отправилась въ родной свой городъ Константинополь, и сынъ ея, Василько, получилъ себѣ въ удѣлъ отъ Императора четыре города по Дунаю.

Десять лѣтъ прожилъ Андрей спокойно въ своемъ княжествѣ, приводя въ порядокъ хозяйскія дѣла, ладяся съ сосѣдями, укрѣпляя силы для будущихъ дѣйствій, строя церкви и украшая зданіями стольный свой городъ.

Въ 1158 г. заложилъ онъ въ Володимирѣ церковь Успенія Божіей Матери объ единомъ верхѣ, и далъ ей много имѣнія, слободы купленныя съ даньми, лучшія села, десятину въ стадахъ своихъ и десятый торгъ. Черезъ два года она была совершена. Андрей украсилъ ее дивно многоразличными иконами, сосудами и драгими каменьями, а верхъ ея позлатилъ. Изъ всѣхъ земель, сказано въ лѣтописи, по вѣрѣ его и по тщанію къ Святой Богородицѣ, пришли къ нему мастера и украсили ее паче всѣхъ церквей. Черезъ годъ она была расписана. На икону Покровительницы своей онъ всковалъ болѣе 30 гривенъ или фунтовъ золота, кромѣ серебра, великаго жемчуга и камени дорогаго, и поставилъ ее въ новозданномъ храмѣ.

Въ 1164 году соорудилъ онъ церковь на Золотыхъ воротахъ, построенныхъ имъ по образцу и въ воспоминаніе о Ярославовыхъ Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ.

Онъ также окончилъ церковь Святаго Спаса, начатую его отцемъ, и нѣсколько монастырей.

Городъ Володимиръ заложилъ больше прежняго.

Десятилѣтнее спокойное княженіе его въ Володимирѣ было возмущено только ересью Леонтья, Епископа, котораго изгналъ онъ прежде съ братьями, а потомъ принялъ въ Ростовѣ, вмѣсто Суздаля: Леонтій началъ запрещать скоромное въ господскіе праздники, даже въ Рождество и Крещеніе, коли они придутся въ середу или пятницу. Великій Князь просилъ у него разрѣшенія на мясо отъ Воскресенія до недѣли Всѣхъ Святыхъ. Епископъ дозволялъ только на Святой недѣлѣ. Произошла великая тяжа между духовными передъ Княземъ и всѣми людьми. Суздальскій Епископъ Ѳеодоръ доказывалъ Леонтію неосновательность его заповѣди, но тотъ не хотѣлъ слушать и уѣхалъ за рѣшеніемъ въ Царьградъ. На Дунаѣ, въ ставкѣ Императора Мануила, въ присутствіи пословъ Суздальскаго, Черниговскаго, Переяславскаго, Кіевскаго, рѣшено было, къ удовольствію Князя Андрея, Болгарскимъ святителемъ Адріаномъ, это важное преніе, растревожившее весь Русскій православный міръ. Леонтій однако не былъ убѣжденъ, и противорѣчилъ столь дерзко, что вельможи Греческіе хотѣли утопить его въ Дунаѣ (1164).

Другой Ростовскій Епископъ Θеодоръ ослушался Андрея, не хотѣвъ ѣхать въ Кіевъ ставиться Лѣтописи разсказываютъ ужасы объ его жестокостяхъ: много пострадали люди, говорятъ онѣ, въ его держаніе, не только простцы, но даже монахи, игумены, священники: онъ брилъ имъ головы и бороды, выжигалъ глаза, вырѣзывалъ языки, распиналъ по стѣнѣ, заточалъ, предавалъ работѣ и мучилъ немилостивно, хотя восхитити отъ всѣхъ имѣнія, несытый какъ адъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія Князя, онъ затворилъ всѣ церкви въ Володимирѣ и ключи взялъ къ себѣ, такъ что не было нигдѣ ни звона, ни пѣнія, даже у самой Богородицы Володимирской. Князь, вышедъ изъ терпѣнія, послалъ Θеодора судиться къ Митрополиту Константину въ Кіевъ. Тотъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Песій островъ, гдѣ отсѣкли ему правую руку, вырѣзали языкъ и вынули очи, зане хулу измолви на Святую Богородицу (1164).

Изъ внѣшнихъ дѣйствій Андреевыхъ во все это время примѣчательна только война противъ Волжскихъ Болгаръ, сильныхъ и богатыхъ его сосѣдей съ юго-восточной стороны (1164). Желая ли обезопасить себя съ ихъ границы и внушить страхъ отъ Русскаго имени, которое здѣсь давно не было слышно, или вслѣдствіе какой-нибудь распри, или за добычею, Андрей, съ сыномъ Изяславомъ и Муромскимъ Княземъ, взявъ съ собою чудотворный образъ, отправился за Оку и Волгу. Передъ сраженіемъ онъ пріобщился Святыхъ Таинъ и обратился съ молитвою къ своей Божественной Помощницѣ. Вслѣдъ за Княземъ, всѣ

воины ударили челомъ передъ иконою, и, облобызавъ ее, пошли смѣло противъ враговъ. Болгаре были разбиты, и Великій Князь Андрей съ конниками преслѣдовалъ ихъ далеко. Пѣшцы остались на полчищѣ подъ знаменами, около Божіей Матери. Князья, воротясь, пали ницъ предъ нею, хвалу воздая со слезами и радостію великою. Андрей взялъ еще три города и наконецъ столицу Болгарскую, на берегахъ Волги, знаменитый Бряхимовъ, котораго обширныя развалины мы видимъ теперь въ верстахъ уже двадцати отъ рѣки. Съ богатой добычей и славою возвратился Великій Князь Суздальскій въ отчизну, и уставилъ праздновать своей Покровительницѣ, въ благодарное воспоминаніе о счастливомъ походѣ, 1 Августа, что совершается Православною Церковію до сихъ поръ.

Въ дѣлахъ собственной Руси Андрей не принималъ во все это время никакого участія, если только мы исключимъ малую помощь, посланную имъ въ 1160 г., съ сыномъ Изяславомъ, по просьбѣ союзника его Изяслава Давидовича, для его племянника Князя Вщижскаго, Святослава Володимировича, за котораго выдалъ дочь свою. Но онъ готовился къ дѣйствіямъ.

Сосѣдніе Князья, Рязанскіе, Муромскіе, Смоленскіе, Полоцкіе, такъ или иначе, признали надъ собою волю Андрееву, и во всѣхъ слѣдующихъ его предпріятіяхъ находились въ числѣ его воевъ.

Первымъ предметомъ его замысловъ былъ Новгородъ, богатое и сильное, не подверженное раздѣленію и междоусобіямъ, цвѣтущее торговлею, княжество, съ котораго не спускалъ онъ глазъ съ самаго своего водворенія въ Володимирѣ.

Андрей давно уже (1159) послалъ сказать Новогородцамъ: «вѣдомо вамъ буди, что я хочу искать Новагорода добромъ и лихомъ; цѣлуйте мнѣ крестъ на томъ, чтобъ имѣть меня отцомъ себѣ, а мнѣ желать вамъ добра.» Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ лѣтописецъ, начали Новогородцы «мястися и часто творить вѣча.» Почуяло ихъ сердце, что заходитъ на нихъ отъ близкаго Володимира туча, какой не видывали они еще отъ Кіевской далекой Руси, и что придется имъ когда-то потерять свою дорогую волюшку. Андрей, сказавъ это слово, ступилъ первый шагъ къ Новугороду, проложилъ дорогу, по которой пошли неукоснительно его преемники, Князья Володимирскіе, а еще успѣшнѣе Московскіе, и съ которой Ивану Третьему досталось ступить только одинъ шагъ, уже послѣдній, до Святой Софіи. Но мы на прежнее возвратимся.

Въ слѣдующемъ году, чтобъ умилостивить Андрея, Новогородцы прислали просить у него сына. Сына онъ по чему-то не давалъ, а предлагалъ брата, отъ котораго тѣ отказывались, ибо онъ княжилъ уже у нихъ прежде, и не угодилъ имъ; тогда онъ далъ племянника Мстислава Ростиславича, разумѣется, на условіяхъ, на какихъ хотѣлъ, или, какъ говорилось тогда, на всей волѣ своей (1160).

Но вскорѣ перемѣнилъ свое рѣшеніе, и вывелъ племянника изъ Новагорода, урядяся съ старшимъ своимъ двоюроднымъ братомъ, Великимъ Княземъ Кіевскимъ, Ростиславомъ Мстиславичемъ, который прислалъ туда сына своего Святослава, не безъ особ-

ливыхъ выгодъ для Андрея, уступая ему, кажется, Двинскую дань (1161).

Святославъ жилъ у нихъ долго, но наконецъ они разсорились, и Новогородцы, по старой привычкѣ, указали ему путь отъ себя, поцѣловавъ Святую Богородицу, «яко не хотѣти его.» Андрей заступился за Святослава, какъ за своего подручника, и отправилъ къ нему помочь на Волгу, куда тотъ удалился. Выгнанный Князь сожегъ Новый Торгъ, а прочіе союзники, Смольняне и Полочане, по волѣ Князя Андрея, Великіе Луки. Они ходили-было даже и къ Русѣ, но не, дошедши, воротились, какъ услышали о приготовленной встрѣчѣ (1167). Новогородцы избрали къ себѣ на столъ сына Великаго Князя Кіевскаго Мстислава Изяславича, Романа. Союзники перехватили пословъ, и заняли всѣ пути, чтобъ до него не могло дойдти никакой вѣсти о происходившемъ. Андрей, »силою мѣстяче«[1] своего подручника, говорилъ Новогородцамъ: нѣтъ вамъ другаго Князя, кромѣ Святослава. Новогородцы, не привыкшіе къ такому языку, возмущалися, убили Посадника и другихъ чиновниковъ, державшихъ перевѣтъ къ изгнанному Князю, и настаивали на своемъ выборѣ. Новые послы, съ Даньславомъ Лазутиничемъ, успѣли пробраться окольными дорогами, мимо всѣхъ засадъ, въ Кіевъ, и привезли наконецъ Князя, котораго Новогородцы ожидали отъ Семена дня до Велика, сидя объ одномъ Посадникѣ Якунѣ (1168). Новогородцы обрадовались своему хотѣнію,—но вознегодовалъ на нихъ

[1] Т. е. насильно помѣщая — на столъ Новогородскій.

Андрей за упорство и ослушаніе, вознегодовалъ еще болѣе на Кіевскаго Мстислава, какъ тотъ осмѣлился, вопреки ему, дать сына строптивому городу

Онъ рѣшился наказать и Мстислава и Новгородъ, и начать съ перваго, котораго не любилъ издавна. Ему досадно было, что этотъ младшій Князь, хоть и по условію съ старшими, занялъ Великое Княжество Кіевское, къ коему самъ даже Андрей по праву былъ ближе сына Изяславова. Прочіе Русскіе Князья также завидовали ему, начали сговариваться рѣчьми на него съ Андреемъ, и утвердились крестомъ между собою.

Многочисленная рать собралась по зову Андреєву. Къ полкамъ Ростовскимъ, Суздальскимъ, Володимирскимъ, съ старшимъ сыномъ его Мстиславомъ, присоединились Романъ изъ Смоленска, Глѣбъ изъ Переяславля, Олегъ Святославичь и братъ его Игорь Черниговскіе, Володимиръ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Бручаго, Давидъ изъ Вышгорода, братъ его Мстиславъ, братъ Андреевъ Всеволодъ Георгіевичь, племянникъ Мстиславъ Ростиславичь, всего 11 Князей. Главнымъ воеводою посланъ былъ Борисъ Жирославичь. Самъ Андрей не пошелъ, увѣренный, что дѣло обойдется успѣшно и безъ него.

Всѣ полки снялись въ Вышгородѣ, и на второй недѣлѣ поста оступили Кіевъ. Мстиславъ затворился и бился крѣпко изъ города. Помощниковъ у него не было никого, кромѣ Торковъ и Берендѣевъ, и тѣ льстили подъ нимъ. Три дня приступали полки, и собственная дружина его ослабѣла. «Что, Князь,

стоишь?» она говорила ему, «намъ ихъ не перемочи». Мстиславъ не могъ противиться долѣе: съ четвертаго приступа городъ былъ взятъ, и сынъ Изяславовъ, прискорбный, долженъ былъ оставить Кіевъ. Бастѣева чадь погналась къ Василеву, стрѣляя въ плеча ему, и захватила много отъ его дружины: Дмитра хоробраго, Олекса дворскаго, Сбыслава Жирославича, Ивана Творимирича, Рода, тіуна его, и многихъ другихъ. За Уповью Мстиславъ соединился съ братомъ Ярославомъ, и оба поспѣшили въ Володимиръ, а жена его и дѣти достались въ плѣнъ побѣдителямъ.

Кіевъ былъ взятъ въ Мартѣ, на второй недѣлѣ поста (1169). Сборная рать бросилась грабить по горѣ и подолью, Суздальцы, Смольяне, Черниговцы и Олегова дружина, хватали ризы, иконы, книги, колокола изъ Десятинной церкви, отъ Святой Софіи. Дома, церкви и монастыри загорѣлись. Въ монастырѣ Печерскомъ показался-было огонь, но пожаръ былъ потушенъ. «И бысть въ Кіевѣ,» говоритъ тамошній лѣтописецъ, «стенаніе и туга и скорбь неутѣшимая и слезы непрестанныя. Сія же вся содѣяшася грѣхъ ради нашихъ.» А Суздальскій лѣтописецъ почитаетъ это бѣдствіе наказаніемъ за Митрополичью неправду. Какая же была эта неправда? Митрополитъ не задолго предъ тѣмъ запретилъ Печерскаго игумена Поликарпа, не веля ему ѣсть молока и мяса въ господскіе праздники, что казалось страшнымъ грѣхомъ, привлекшимъ общее тяжелое наказаніе.

Мстиславъ, разумѣется, по мысли и волѣ своего отца, посадилъ въ Кіевѣ дядю Глѣба Юрьевича;

никто не смѣлъ противиться, хотя и были еще двое старшихъ двоюродныхъ братьевъ. Слабые, они радовались, что по крайней мѣрѣ у Мстислава Кіевъ былъ отнятъ. Сынъ Андреевъ возвратился въ Володимиръ съ честію и славою великою.

Отецъ его былъ очень доволенъ, исполнивъ свое желаніе — наказать примѣрно ослушника и принять въ свое распоряженіе древнюю Русскую столицу. Брать ее себѣ онъ не думалъ, утвердя мѣстопребываніе навсегда въ любезномъ ему Володимирѣ.

Теперь чередъ дошелъ до Новагорода. Лѣтописатели раздѣляютъ негодованіе Андреево: имъ всѣмъ было какъ будто оскорбительно, зачѣмъ Новогородцы живутъ не какъ прочіе, и могутъ распоряжаться въ своихъ Князьяхъ по произволенію. «Нельзя,» говорятъ, »оправдывать Новгородцевъ тѣмъ, что они освобождены прадѣдами Князей нашихъ. Пусть это такъ, но развѣ передніе Князи велѣли имъ переступать крестъ и соромлять своихъ внуковъ или правнуковъ, цѣловать имъ крестъ и послѣ измѣнять присягѣ? Злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилось. До которыхъ поръ Богу терпѣть надъ ними! Вотъ и навелъ онъ наказаніе на нихъ рукою благовѣрнаго Князя Андрея.»

Новогородцы между тѣмъ успѣли сходить съ молодымъ своимъ Княземъ на волости союзниковъ Андрея, Полоцкія и Смоленскія, пожгли и пополонили ихъ. Данникъ ихъ, Даньславъ Лазутиничь, тотъ, который ходилъ во Кіевъ за Романомъ, посланъ былъ съ дружиною, по сту мужей отъ конца, за Волокъ, собирать дань съ Двинской области, предавшейся Андрею, и разбилъ Суздальскій полкъ, что̀ высланъ

былъ къ нему на встрѣчу, взялъ всю дань, а съ Суздальскихъ смердовъ другую.

Новыя причины къ прогнѣвленію Андрея, который не любилъ спускать обидъ. Давно уже онъ кликнулъ кличь, и собрались у него полки Ростовскіе, Суздальскіе и Володимирскіе; Князь Рязанскій прислалъ къ нему сына съ полкомъ; Князь Муромскій прислалъ сына съ полкомъ. «Толико бысть множество вой,» говоритъ лѣтописецъ, «что и числа ихъ нѣтуть.» Андрей поручилъ ихъ опять сыну своему Мстиславу, побѣдителю Кіева, и главнымъ воеводою назначилъ прежняго, Бориса Жирославича.

Лишь только вступила рать въ предѣлы Новогородскіе, какъ и начала предавать все огню и мечу; жгли села, убивали людей, полонили женъ и дѣтей, похищали имѣніе. На пространствѣ трехъсотъ верстъ все было разорено и опустошено.

Новогородцы рѣшились у себя защищаться. Молодой ихъ Князь, тотъ славный Романъ, что̀ покоритъ впослѣдствіи всю Вольнь и весь Галичь, приведетъ въ ужасъ Литву, запрягши ее въ плугъ, и распространитъ свои владѣнія за Дунай и Карпаты, тогда еще юноша, у котораго, разумѣется, билось сердце на подвигъ и рука рвалась на ударъ, ободрялъ ихъ къ сопротивленію. Ему хотѣлось уже попытать своей силы, потѣшиться въ битвѣ, помѣряться съ могучимъ противникомъ.

Вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ, такимъ же удалымъ мо̀лодцемъ, принялись они твердить городъ, устроивать острогъ, укрѣплять вороты; разставлять сторожей, рядить ратныхъ людей, въ ожиданіи непріятелей.

И вотъ они явились. Начались приступы. Суздальцы, увѣренные въ побѣдѣ, подѣлили уже въ умѣ между собою Новогородскія улицы. Три дня возобновлялись сѣчи. Романъ отражалъ успѣшно всѣ нападенія; однако силы его начали ослабѣвать, число воиновъ уменьшалось, враги напирали плотнѣе и плотнѣе; казалось, что городу нельзя будетъ держаться долго....

Но у Новогородцевъ былъ еще иной защитникъ, иной воитель. Это Архіепископъ Іоаннъ, мужъ праведный, который славился въ народѣ многими великими подвигами вѣры. Между тѣмъ какъ его соотечественники бились, проливали кровь и принимали смерть за Святую Софію, Іоаннъ молился, молился денно и нощно. Вдругъ на молитвѣ, въ тишинѣ, ночью, послышался ему голосъ: иди въ церковь на Ильинѣ улицѣ, возьми образъ Божіей Матери, поставь его на забралѣ города, и вы узрите спасеніе.

Поутру онъ повѣдалъ людямъ о полученномъ свыше откровеніи. Всѣ исполнились радости и надежды, одушевились вѣрою, пошли соборомъ на Ильину улицу. Митрополитъ совершилъ молебное пѣніе передъ святою иконою. Потомъ повергнулся передъ нею на колѣни, и, плачущій, рыдающій, произнесъ молитву: «о Пречистая Мати! Ты упованіе наше! Грѣшные, мы молимся Тебѣ со слезами — не предай насъ!» Съ сими словами онъ взялъ ее на руки; казалось, она сама о себѣ подвигнулась. Народъ въ умиленіи, въ восторгѣ, не могъ выговорить ни слова, и только восклицалъ: Господи помилуй! Архіепископъ передалъ икону двумъ діаконамъ, и

торжественнымъ ходомъ, со всѣмъ духовенствомъ, подъ вѣяніемъ хоругвей, въ сопровожденіи народа, отнесли ее къ укрѣпленіямъ, и поставили на стѣнѣ. Битва отчаянная тамъ кипѣла. Стрѣлы, какъ дождь, сыпались за стѣны. Вдругъ одна ударилась въ икону, и икона, разсказываютъ, оборотилась къ городу. Слезы потекли изъ очей Божіей Матери, кои Архіепископъ принялъ на свой фелонь. Новогородцы получили «якобы нѣкую силу дерзости;» въ то же время туманъ покрылъ Суздальцевъ: они, не видя, начали убивать другъ друга. Новогородцы бросились изъ укрѣпленій и довершили пораженіе. Вся осаждающая рать предалась поспѣшному бѣгству (1172).

Какъ бы то ни было, Суздальцы не взяли города и принуждены были бѣжать. Множество попалось ихъ въ плѣнъ, такъ что продавались они въ Новѣгородѣ по двѣ ногаты[1] Остальные возвращались по мѣстамъ разореннымъ, терпѣли ужасный недостатокъ въ продовольствіи: иные умирали съ голода, другіе въ великій постъ ѣли конское мясо.

Новгородцы приписали свое спасеніе отъ такой многочисленной рати заступленію Пресвятыя Богородицы, и въ изъявленіе своей благодарности, положили праздновать ежегодно 27 Ноября ея честному Знаменію, что̀ послѣ исполнялось ими вмѣстѣ уже со всею православною Церковію, — однакожъ долго кромѣ Суздаля!

Андрей не достигъ своей цѣли, рать его была разбита, онъ, казалось, долженъ былъ уступить, —

---

[1] Съ небольшимъ пятнадцать коп. сер.

нѣтъ, побѣжденный, онъ все-таки остался побѣдителемъ, и уступили Новогородцы, а не онъ. Сила его не зависѣла уже случайностей: Новогородцы вскорѣ должны были указать путь отъ себя храброму своему защитнику, Князю Роману, и прислали къ Андрею просить его о мирѣ и Князь. Ужасная дороговь возникла у нихъ вслѣдствіе разоренія, недостатка въ подвозѣ изъ сосѣднихъ, Андрею подчиненныхъ областей, или неурожая: кадь ржи продавалась почти по 4 гривны, хлѣбъ по двѣ ногаты, а пудъ меду по 10 кунъ[1].

Андрей, довольный ихъ покорностію, далъ имъ Рюрика, брата умершему между тѣмъ Святославу Ростиславичу, за котораго онъ началъ войну.

Андрей посылалъ тогда еще рать на Болгаръ съ сыномъ Мстиславомъ и воеводою Борисомъ Жирославичемъ, державшимъ весь нарядъ. Рязанскій и Муромскій Князья выставили также полки съ своими сыновьями. Всѣмъ былъ не любъ походъ; зимою воевать Болгаръ непогодье, но хотя-нехотя всѣ пошли въ исполненіе воли Андреевой. Князья соединились на устьѣ Оки, постояли двѣ недѣли, и не дождавшись всѣхъ воевъ, пустились впередъ съ переднею дружиною. Они напали на Болгаръ врасплохъ, взяли шесть селъ, седьмой городъ, изсѣкли мужей, полонили женъ и дѣтей, и отправились съ богатою добычею назадъ. Болгаре опомнились, что ихъ было мало, пустились-было въ 6 тысячахъ въ погоню, но

---

[1] Кадь = 4 четверти. Гривна = $1\frac{1}{2}$ руб. сер. Ногата = около осьми к. сер. Куна = съ небольшимъ 5 к. сер. См. Кар. III, пр. 8.

не догнали двадцати верстъ: Мстиславъ, отпустившій впередъ дружину, былъ уже на устьѣ, и могъ свободно убраться во свояси (1172). Онъ вскорѣ умеръ въ Володимирѣ.

Между тѣмъ не стало въ Кіевѣ брата Андреева Глѣба (1172). Ростиславичи, княжившіе въ городахъ окружныхъ, соблюдая свои выгоды, осмѣлились безъ вѣдома Андреева призвать на великое княженіе—Владимира Мстиславича, изъ Дорогобужа, дѣйствительно старшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ. Андрей приказалъ Владимиру идти вонъ изъ Кіева назадъ въ Дорогобужъ, а Роману приказалъ идти изъ Смоленска въ Кіевъ, пославъ сказать Ростиславичамъ: «вы нарекли меня отцемъ, и я хочу вамъ добра; я даю Кіевъ вашему брату Роману.» Романъ Смоленскій, по слову Андрееву, пришелъ въ Кіевъ, — гдѣ Володимиръ между тѣмъ умеръ (1172).

Новогородцы, прогнавшіе своего Рюрика, который началъ-было дѣйствовать несогласно съ Андреемъ, отнявъ посадничество отъ преданнаго ему Жирослава, просили опять себѣ Князя у него. Андрей прислалъ сперва посадничать того же Жирослава, прибѣжавшаго отъ Рюрика подъ его покровительство, а потомъ далъ сына своего меньшаго, Георгія (1172). Новогородцы слушались его во всемъ, и самъ Архіепископъ Іоаннъ, который столько прославился во время послѣдней осады города, приходилъ къ нему Володимиру на всю правду.

Но вдругъ одинъ нечаянный слухъ нарушилъ его спокойствіе: ему сказали, что братъ его Глѣбъ въ Кіевѣ умеръ не своею, а насильственною смертью

изведенный такими-то Кіевскими боярами, и онъ потребовалъ ихъ у Ростиславичей: «выйдате мнѣ Григоря Хотовича, Степанца и Олексу Святославца, — это враги всѣмъ намъ.» Ростиславичи не хотѣли ихъ выдать, и отпустили Григоря отъ себя. Разсерженный Андрей прислалъ сказать Роману: «ты не ходишь въ моей воли съ братьею своею — иди же изъ Кіева, а Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлагорода. Ступайте въ Смоленскъ и тамъ дѣлитесь между собою. Кіевъ я отдаю брату Михалку.»

Такъ былъ силенъ Андрей, что одного своего слова онъ считалъ достаточнымъ, дабы выслать многихъ Князей изъ ихъ княжествъ, и произвести совершенно новое между ними размѣщеніе.

И этого слова было въ самомъ дѣлѣ достаточно: Романъ, услышавъ его, собрался и безпрекословно выѣхалъ изъ Кіева, а Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ огорчились, и рѣшились попытаться, не успѣютъ ли перемѣнить гнѣва на милость. Они послали сказать Андрею: «братъ! правда, мы нарекли тебя отцомъ своимъ, цѣловали крестъ тебѣ, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотяче добра тебѣ, а ты брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли, безъ всякой со стороны нашей вины. Но Богъ и сила крестная надъ всѣми!» Андрей не давалъ имъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ Михалко, которому онъ назначилъ Кіевъ, не пожелалъ переѣзжать туда, а послалъ меньшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ.

Ростиславичи, видя, что имъ отъ Андрея надѣяться нечего, сгадавше, напали ночью на Кіевъ изъѣздомъ, за-

хватили Всеволода и его племянника, всѣхъ бояръ, и отдали Кіевъ брату Рюрику, уговорясь съ Михалкомъ.

Ольговичи Черниговскіе, не терпѣвшіе Ростиславичей, рады были этому случаю, и послали своихъ мужей къ Андрею, поводяче его на ослушниковъ: «кто тебѣ ворогъ,» говорили они, «тотъ и намъ ворогъ; мы готовы съ тобою.»

Андрей уже и самъ «разжегся гнѣвомъ,» и послалъ Михна мечника съ новымъ приказомъ въ Кіевъ: «поѣзжай къ Ростиславичамъ, и скажи Рюрику: пусть онъ идетъ въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину; Давиду скажи: пусть идетъ въ Берладъ; а Мстиславу скажи: все отъ него, я не велю ему быть въ Русской землѣ!»

Мстиславъ, навыкшій отъ юности не бояться никого кромѣ Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ, выслушавъ этотъ грозный приказъ, велѣлъ предъ собою остричь голову и бороду Андрееву послу. «Иди же теперь къ своему Князю,» сказалъ онъ, «и донеси ему: мы считали его до сихъ поръ отцемъ себѣ, по любви; но если онъ прислалъ тебя съ такими рѣчьми ко мнѣ, не какъ Князю, а какъ подручнику и простому человѣку, то я не хочу знать его. Что̀ умыслилъ онъ, пусть и дѣлаетъ то̀, а Богъ за всѣмъ!»

Обруганный, обезчещенный, посолъ явился во Владиміръ. Когда Андрей увидѣлъ его въ такомъ положеніи, остриженнаго, безъ бороды, «образъ лица его потускнѣлъ,» говоритъ лѣтописецъ, «и взострися на рать, и бысть готовъ.»

Всѣ вои собралися на его зовъ: и Ростовцы, и Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы,

Рязанцы. Сами Новогородцы пришли съ юнымъ сыномъ его Георгіемъ. Рать поручилъ Андрей опять испытанному воеводѣ Борису Жирославичу, и велѣлъ ему — Рюрика и Давида выгнать изъ своей отчины, «а Мстислава, взявши, не троньте, и приведите ко мнѣ.»

Лѣтописецъ, передавая эти слова, самъ, кажется, вострепеталъ, и такъ при нихъ разсуждаетъ: «Андрей Князь, толикъ умникъ сы во всихъ дѣлѣхъ, добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, распалѣвся гнѣвомъ, такова̀ убо слова похвальна испусти!»

Когда ополченіе проходило мимо Смоленска, Князь Романъ выслалъ сына съ своими полками, принужденный идти противъ родныхъ братьевъ, страха ради Андреева.

Потомъ, по дорогѣ, получивъ приказъ, присоединились Князья Полоцкіе, Пинскій, Туровскій, Городенскій; потомъ Ольговичи съ полками Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ; наконецъ братья Андреевы, Михалко и Всеволодъ, предъ тѣмъ выпущенные изъ плѣна, племянники Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, Володимиръ Глѣбовичь Переяславскій.

Всѣ Князья и вои остановились у Князя Черниговскаго Святослава Всеволодовича, по указу Андрееву, для совѣщанія, и потомъ пошли на Кіевъ.

Кіевъ былъ уже пустъ: Ростиславичи оставили его и разъѣхались по своимъ городамъ: — Рюрикъ затворился въ Бѣлѣ-городѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давидъ уѣхалъ въ Галичь, просить помощи у родственнаго имъ Ярослава.

Князья, занявъ оставленный Кіевъ, поспѣшили къ Вышгороду, гдѣ засѣлъ главный противникъ

Андреевъ, Мстиславъ, котораго должно имъ было представить живаго Суздальскому Великому Князю.

Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, старшій между всѣми Князьями, которыхъ числомъ было двадцать, отрядилъ впередъ Всеволода Юрьевича и Игоря съ моложьшими Князьями. Мстиславъ не унывалъ. Увидя подходившую рать, изрядилъ полки свои, и вышелъ къ ней встрѣчу на болонье. Полки тѣ и другіе жадали боя. Стрѣльцы сшиблись и начали стрѣляться, гоняясь между собою. Примѣтивъ замѣшательство между своими, Мстиславъ подскочилъ къ дружинѣ и воскликнулъ: «братья, ударимъ, надѣясь на помощь Божью и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба!» Противники стояли на три полка: Новогородцы и Суздальцы, а по срединѣ Всеволодъ Юрьевичъ. Мстиславъ бросился на средину и потопталъ ее; а другіе ратные, увидя, что онъ вмалѣ, окружили его, и все перемѣшалось. «И было ужасное смятеніе,» говоритъ лѣтописецъ, «и стонъ, и крикъ, и голоса незнаемые, ломъ копійный и стукъ оружьный; отъ множества праха не видать ни конниковъ, ни пѣшцевъ.» Крѣпко бились враги и разошлись къ ночи; впрочемъ убитыхъ, къ удивленію, оказалось не много, а больше раненыхъ. Таковъ былъ бой перваго дня на болоньѣ у Мстислава, съ Всеволодомъ, Игоремъ и другими молодшими Князьями. А на завтра пришли всѣ силы, окружили городъ, и начали приступать ежедневно; изъ города также выбѣгали биться часто. Мстиславъ держался. Много было въ его дружинѣ раненыхъ и смертныхъ доб-

рыхъ мужей, но онъ не думалъ сдаваться. Девять недѣль продолжалась осада.

На десятой недѣлѣ приходитъ на Ростиславичей же Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волынскою землею, но вмѣстѣ требуетъ себѣ старѣйшинства предъ Ольговичами, которымъ Андрей предоставлялъ Кіевъ. Ольговичи не уступаютъ ему Кіева, и своенравный Ярославъ вступаетъ въ переговоры съ Ростиславичами, уряжается о Кіевѣ, и переходитъ на ихъ сторону. Кажется и Святослава Всеволодовича Черниговскаго наконецъ привлекъ онъ тайно къ себѣ, обѣщаясь надѣлить впослѣдствіи.

Между осаждающими разнесся слухъ, что Галичане идутъ еще на помощь къ Ростиславичамъ, и что Черные Клобуки готовы перейдти на ихъ сторону.

Какъ бы то ни было, по справедливой или мнимой причинѣ, полки Черниговскіе устрашились, и не дождавшись свѣта, бросились черезъ Днѣпръ въ великомъ смятеніи, такъ что и удерживать ихъ никому было невозможно, и множество потонуло въ рѣкѣ. За ними послѣдовала и остальная рать Суздальская, которой, одной, нечего оставалось дѣлать. Мстиславъ, увидѣвъ такое внезапное бѣгство, никому не гонящу, выѣхалъ изъ города съ дружиною, ударилъ на станъ, и взялъ множество колодниковъ.

Много пота утеръ онъ и много мужества показалъ онъ съ своею дружиною, за то и наградилъ его Богъ побѣдою, паче всякаго чаянія.

Рать Андреева со стыдомъ возвратилась въ Володимиръ. Тяжело было Великому Князю, на старости лѣтъ, потерпѣть такое униженіе, — но Ро-

стиславичи, — кто бы подумалъ, — чувствуя его силу, видя, что Кіева, переходившаго послѣ изъ рукъ въ руки, отъ Ярослава Луцкаго къ Святославу Черниговскому, получить они не могутъ безъ воли и помощи Андреевой, смирились передъ нимъ, подобно Новугороду, и послали къ нему, съ повинной головою, просить стольнаго города Русскаго брату ихъ Роману.

Андрей отвѣчалъ: «подождите, я послалъ къ братьямъ въ Русь. Когда будетъ вѣсть отъ нихъ, я дамъ отвѣтъ.»

Андрей разсуждалъ вѣрно съ собою, простить ли Ростиславичей, или наказать ихъ и послать на нихъ новую рать, разсуждалъ, чего требовать отъ нихъ, или кому отдать Кіевъ, — онъ разсуждалъ, а между тѣмъ дни, или лучше, часы его были изочтены, и въ темнотѣ ночной точилось уже то острее, коимъ пресѣчется завтра нить его жизни.

Старый Князь разсердился за что-то на одного изъ Кучковичей, своихъ шурьевъ, которые находились всегда при немъ со времени его женитьбы, провожали его въ Кіевъ, уговорили переселиться оттуда въ Суздальскія области, и пользовались особенною его милостью. Онъ велѣлъ взять виноватаго и казнить. Братъ его Якимъ, услышавъ о такомъ приказѣ, передалъ его своимъ роднымъ, и всѣ вспыхнули злобою. Въ пятницу, наканунѣ Петра и Павла, послѣ обѣдни собрались они у Петра, Кучкова зятя, зазвавъ къ себѣ и другихъ слугъ Княжескихъ — Анбала ключника, Ефрема Монзовича, и прочихъ, человѣкъ двадцать. Якимъ говорилъ: «нельзя намъ стерпѣть этого: Князь казнитъ нынче одного, а

завтра доберется пожалуй и до насъ. Добра ждать нечего. Надо же подумать о себѣ....» Всѣ согласились съ нимъ, и, нисколько не откладывая, рѣшились на другую ночь убить своего кормителя и господина.

Въ десяти верстахъ отъ Володимира, вправо, на берегу рѣки Нерли, которая здѣсь, живописно извиваясь по обширной долинѣ, впадаетъ въ Клязьму, на холму, стоитъ уединенная обитель, подъ сѣнію древнихъ широколиственныхъ липъ и дубовъ. Близъ нея возвышается старый валъ, прорытый большой дорогою Нижегородскою. Поодаль, въ сторонѣ, вы видите ряды деревянныхъ избъ съ косятчатыми окнами, съ узорными коньками. Это село — Андреевъ городъ Боголюбовъ, гдѣ жили его дворяне и служители; эта обитель—Успенская, гдѣ соборная церковь построена Великимъ Княземъ Суздальскимъ Андреемъ; эти узкія окна подъ тоненькими столбиками, между церковью и колокольнею, принадлежали къ его покоямъ. Отсюда разсылалъ онъ приказы къ Князьямъ, кому идти на княженье, кому сходить съ княженья; отсюда распоряжался онъ и Кіевомъ и Новымъгородомъ; сюда, по его призыву, собирались къ нему полки Ростовскіе, Суздальскіе, Володимирскіе, Рязанскіе и пр.

Смерклось. Шумъ постепенно утихаетъ. Горожане, отслушавъ всенощную, разошлись спокойно по домамъ. По широкой улицѣ не видать уже болѣе никого изъ прохожихъ. Православные, каждый у себя, приготовляются къ новому празднику. Вотъ наступаетъ и ночь. Огни погасли. Всѣ ложатся спать. Одни только заговорщики не смыкаютъ глазъ, каж-

дый въ своемъ дому готовясь къ замышленному кровавому дѣлу. Вотъ смолкло все и на дворѣ княжескомъ: затворены тесовые ворота, заперты двери. Остались только ходить дозоромъ сторожа. Старый Князь, совершивъ по обычаю вечернюю молитву, отошелъ ко сну, одинъ; подлѣ него, въ другой горницѣ, спитъ дѣтскій — вся его прислуга.

Заговорщики вылѣзаютъ изъ логовищь, сходятся, и, видя, что весь городъ спитъ уже крѣпкимъ сномъ, и никто помѣшать имъ не можетъ, идутъ съ оружіемъ къ княжескому двору.

Они убили сторожей, выломили двери въ сѣняхъ, бросились къ спальнѣ — и вдругъ отшатнулись, испугались, сами не зная чего. Трепетъ пробѣжалъ по ихъ жиламъ. Тихо отошли они прочь, не зная еще, на что имъ рѣшиться. «Зайдемъ въ медушу,» сказалъ кто-то. Пошли въ княжую медушу, напились вина и крѣпкаго меду; хмѣль началъ разбирать ихъ, и они, уже смѣлѣе, воротились въ сѣни. Одинъ подошелъ къ ложницѣ, гдѣ спалъ Андрей, постучался и началъ кликать: «господине, Княже великій!»—«Кто тамъ?» — спросилъ Андрей, проснувшійся на шумъ. «Прокофій,» отвѣчалъ тотъ. «Нѣтъ, это не Прокофьевъ голосъ,» сказалъ Андрей. Тогда подскочили къ двери прочіе, выломали ее, и двое вошли. Въ горницѣ было темно. Андрей, удивясь необыкновенному шуму, вскочилъ уже съ постели, и искалъ своего меча, меча Святаго Бориса, — а меча не было: его унесъ прежде ключникъ Анбалъ. Злодѣи напали на него. Андрей

сталъ бороться и повалилъ одного на землю, а другой, думая, что поваленъ Князь, въ темнотѣ, ударилъ мечемъ товарища и убилъ. Тотъ закричалъ; прочіе, ждавшіе въ сѣняхъ, прибѣжали на крикъ, какъ звѣри свирѣпые, и напали всѣ на Князя. Онъ все еще оборонялся, потому что былъ силенъ, и вопилъ: «злодѣи, за что вы хотите убить меня? Что я вамъ сдѣлалъ? Богъ отомститъ вамъ за меня и за мой хлѣбъ. Вы забыли о Горясѣрѣ.» Они били его мечами и саблями, и наконецъ думая, что онъ уже испустилъ духъ, схватили поспѣшно трупъ своего сообщника, и выбѣжали,—а Андрей еще былъ живъ. Очнувшись отъ ударовъ, но все еще безъ полной памяти, онъ побѣжалъ за убійцами и стоналъ громко отъ боли. Тѣ услышали голосъ и воротились. Андрей спрятался подъ сѣнями за столпомъ всходнымъ. «Гдѣ онъ?»—спрашивали убійцы въ испугѣ другъ у друга.—«Кажется,» сказалъ одинъ, «Князь сходилъ съ сѣней внизъ.» — «Посмотрите тамъ, гдѣ мы его били,» сказалъ другой. Нѣкоторые побѣжали вверхъ, и тотчасъ воротились, принеся въ отвѣтъ, что тамъ его нѣту.—«Мы пропали,» кричали прочіе. «Огня!» — Засвѣтили огонь, зажгли свѣчи, одни пошли со свѣчами опять въ спальню, и оттуда уже по слѣдамъ крови нашли подъ столпомъ несчастнаго Андрея, который, увидя ихъ приближеніе, успѣлъ только обратиться съ молитвою къ Богу о грѣхахъ своихъ. Они поразили его мечами, а Петръ отсѣкъ ему правую руку.

Такъ Андрей лишился жизни среди грозныхъ своихъ предпріятій, въ пылу дѣятельности, на пятомъ только году послѣ взятія Кіева, перваго его

значительнаго дѣйствія, и унесъ въ могилу свои замыслы, — если были какіе, кромѣ удовлетворенія личныхъ и временныхъ желаній.

Убивъ Князя, злодѣи отошли въ другую горницу, и убили любимаго Андреева дѣтскаго, Прокофья, а потомъ поднялись на сѣни, забрали все имѣніе княжее, золото, серебро, жемчугъ, каменье дорогое и всякое узорочье, сложили на княжихъ коней, и услали все, еще до свѣта, прочь.

Горожане Боголюбскіе, проснувшись, ждали праздничнаго благовѣста къ обѣднѣ, чтобъ идти въ церковь, какъ услышали, что Князь убитъ. Они изумились и не знали, что дѣлать. Страхъ обнялъ всѣхъ. Ждали еще, что будетъ. Вступиться въ дѣло было некому: сынъ его, послѣдній, княжилъ въ Новѣгородѣ, братья на Руси, передніе люди сами участвовали въ заговорѣ.

Убійцы, обобравъ княжее оружіе, что̀ раздавалось воинамъ, старались приманить на свою сторону его дворянъ: они опасались, чтобъ не вышла на нихъ дружина Володимирская, и, совокупивъ наконецъ полкъ, послали сказать Володимирцамъ: «не помышляете ли вы чего на насъ? Лучше сговориться намъ всѣмъ вмѣстѣ. Дума была не одна наша; вы были въ той же думѣ,» Володимирцы отвѣчали: «кто съ вами въ думѣ, тотъ вашъ, а намъ не надо,» — но не предпринимали никакихъ дѣйствій. Сообщники были тому и рады, принялись грабить домъ княжъ, избили дѣтскихъ его и мечниковъ, опустошили ихъ домы, отняли все имѣніе у дѣлателей, что̀ пришли строить

церковь. Смотря на нихъ, принялись грабить и другіе. Унимать было некому. Грабежъ распространился тотчасъ въ Володимирѣ, а наконецъ и въ волости. Домы посадниковъ и тіуновъ вездѣ были разоряемы. «Люди не разбираютъ, говоритъ лѣтописецъ, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много.» Страхъ напалъ на народъ, и никто не понималъ, что дѣлается. Произошло общее смятеніе. Уже попу Микулицѣ пришла въ голову благая мысль, одѣвшись въ ризы, взять чудотворную икону Божіей Матери и пойти съ нею по городу. Тогда только прекратился грабежъ въ Володимирѣ, и утихло смятеніе.

Между тѣмъ тѣло Андреево лежало, забытое, не погребенное. Кіевлянинъ Кузмище осмѣлился наконецъ войдти на княжій дворъ, чтобъ поклониться покойнику, и не видя нигдѣ тѣла, спрашивалъ, гдѣ оно. «Валяется на огородѣ,» ему отвѣчали, «не моги брать его. Кто его приметъ, тотъ намъ ворогъ, мы и того убьемъ.» Кузмище однакожъ пошелъ, отыскалъ убіеннаго, и началъ плакать надъ нимъ, причитая: «Господине мой! Что сталось съ тобою, отъ чего ты не очютилъ скверныхъ ворожбитъ своихъ, отъ чего же ты не домыслилъ побѣдить ихъ, какъ побѣдилъ Болгаръ?»

Анбалъ, одинъ изъ заговорщиковъ, любимецъ княжій, которому Андрей далъ ключи отъ всего дома и волю надо всѣмъ, родомъ Ясинъ, проходилъ мимо. «Анбале вороже,» сказалъ, увидѣвъ его, Кузмище, брось коверъ, покрыть тѣло господина нашего.» — «Поди прочь,» закричалъ въ отвѣтъ Анбалъ, «мы хотимъ выверечи его псомъ.» — «Ахъ ты окаянный,»

воскликнулъ Кузмище, «ужъ ты хочешь выверечи псомъ! Помнишь ли, въ какомъ рубищѣ пришелъ ты, и теперь ходишь въ оксамитѣ, а Князь лежитъ нагой? — Смилуйся, сбрось же что-нибудь.» Анбалъ сбросилъ коверъ и корзно. Кузмище обвертѣлъ тѣло и понесъ въ церковь. Она была заперта.—«Отоприте,» говорилъ онъ. «Кинь тутъ на паперти, чтобъ тебя лихо взяло,» отвѣчали слуги, всѣ пьяные. «Уже и парубки твои не узнаютъ тебя, господине,» плакалъ Кузмище, — «а бывало придетъ какой гость изъ Царяграда или изъ другихъ странъ Русской земли, Христіанинъ, Латинянинъ, и отъ всякія погани, ты приказывалъ отводить всякаго въ церковь, на полати: пусть онъ посмотритъ славы Божіей и церковнаго украшенія, — а теперь тебя самого не пускаютъ въ церковь твою!» Кузмище долженъ былъ оставить тѣло Андреево на паперти, прикрывъ корзномъ.... Оно лежало тутъ два дня и двѣ ночи. Наконецъ уже игуменъ Арсеній, отъ Козмы и Демьяна, тщетно дожидавшись старшихъ, пришелъ въ церковь и сказалъ: «долго ли же Князю лежать здѣсь? Отомкните божницу, положимте его въ колоду или гробъ, и отпоемъ надъ нимъ, а когда престанетъ злоба сія, тогда придутъ изъ Володимира и отнесутъ его туда.» Крылошане Боголюбскіе взяли тѣло, вложили въ каменный гробъ, отнесли въ церковь, и отпѣли надъ нимъ погребальное вмѣстѣ съ игуменомъ Арсеніемъ. А въ шестой день образумились дѣйствительно и Володимирцы. «Нарядите носилицы, поѣдемъ взять Князя и своего господина,» сказали они игумену Ѳеодулу

и Лукѣ демественнику Пресвятой Богородицы. А Микулицѣ велѣли собрать поповъ, и, оболокшеся въ ризы, выйдти съ Пресвятою Богородицею за Серебряные ворота: «тутъ дожидайтеся Князя.» Когда Володимирцы съ крылошанами поѣхали по Князя въ Боголюбовъ, люди всѣ высыпали встрѣчать его за городомъ. Долго смотрѣли они въ ту сторону, откуда должно было показаться погребальное шествіе.... И вотъ изъ-за горы «поча выступати стягъ отъ Боголюбаго.» Увидя его всѣ зарыдали, и вопль слышать было далече. Народъ плакалъ и причиталъ: «въ Кіевъ ли ты ѣдешь, господине, тѣми ли вороты Золотыми, въ ту ли церковь, что̀ хотѣлъ поставить на великомъ дворѣ на Ярославовомъ, въ память всему своему отечеству?» Тихо приближался гробъ. Всѣ люди заливались слезами. Тѣло было принесено и положено съ честію и пѣсньми богохвальными у Святой Бородицы Золотоверхой, что̀ онъ самъ создалъ.

Если вы будете въ Володимирѣ, ступайте въ Кремль поклониться этому древнему зданію зодчества въ Русскомъ царствѣ. На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и не далеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему, и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго Князя Андрея. Это былъ самый смышленый, самый дѣятельный Князь своего времени, который «не давая тѣлу своему покоя, ни очамъ дреманія,» умѣлъ захватить въ свои руки власть почти надъ всею своею братьею, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ, и Суздаль, и Володимиръ, Князья Смоленскіе, Полоцкіе, Волын-

скіе, и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ себѣ особливую память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ: онъ оборотилъ средоточіе Русской государственной тяжести въ другую сторону, онъ вывелъ на позорище Исторіи другое племя, Великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ нашихъ, изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ, и, второй Рюрикъ, положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ всѣ прочіе и заключитъ въ себѣ судьбы отечества. Но долго еще должно страдать оно....

Потомство Андреево пресѣклось, и никто ему не наслѣдовалъ. Два старшихъ сына, слуги его побѣдъ, Изяславъ и Мстиславъ, умерли еще при его жизни. Внука, Мстиславова сына, Василія, слѣдъ пропалъ въ лѣтописяхъ, гдѣ записано только его рожденіе и кончина. Меньшаго сына, Георгія, Новогородцы тотчасъ по смерти Андреевой выгнали отъ себя, и онъ, по какому-то удивительному стеченію случайностей, очутился за Кавказомъ, въ Грузіи, супругомъ знаменитой Царицы Тамари, славной своими побѣдами и любовью къ исторіи, стихотворству, просвѣщенію, и потомъ изгнанный, скончался неизвѣстно гдѣ.

А куда дѣлася Андреева сила?

Андреева сила разсѣялась вмѣстѣ съ его смертію, какъ разсѣевается грозная туча, постигнутая вихремъ. Ея будто и не бывало, и всѣ труды его пропали вмѣстѣ съ нимъ. Какъ наслѣдовать было некому, такъ и наслѣдовать было нечего, развѣ наслѣдникъ, или преемникъ, самъ своею особою, съумѣетъ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ былъ Андрей.

Что же сдѣлалось съ его убійцами?

Отъ Володимира въ семи верстахъ, вверхъ по Клязьмѣ, не далеко отъ рѣки, на лѣвой по теченію ея сторонѣ, есть озеро, заросшее отъ береговъ мохомъ, которое прозывается Пловучимъ. По этому озеру всегда плаваютъ какія-то темныя глыбы, и часто переносятся вѣтромъ съ одного конца на другой. Однажды въ году изъ глубины этого озера слышится, говорятъ, человѣческій стонъ. Это бываетъ 29 Іюня, на память Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ день убіенія Андреева. Простой народъ думаетъ, что тѣла убійцъ Андреевыхъ, которые были казнены впослѣдствіи братомъ его Михалкомъ, зашиты въ короба и брошены здѣсь въ воду.

Узнавъ о княжей смерти, Ростовцы и Суздальцы, Переяславцы и вся дружина, отъ мала и до велика, съѣхались въ Володимиръ и думали на вѣчѣ: «Князь нашъ убитъ, а дѣтей у него нѣтъ, — одинъ сынокъ малъ въ Новѣгородѣ, — братья его въ Руси. Кого жъ намъ взять къ себѣ въ Князья?» Рязанскіе послы Дѣдилецъ и Борисъ указывали на братьевъ своей Княгини. «Въ самомъ дѣлѣ такъ,» разсудили думцы, «Рязанскіе Князья, что Муромскіе, у насъ въ сосѣдствѣ: они могутъ пойти ратью на насъ, пока нѣтъ Князя. Пошлемъ лучше къ Глѣбу и скажемъ: «Князя нашего Богъ поялъ, и мы хотимъ твоихъ щурьевъ Ростиславичей, Мстислава и Ярополка.»

Эти Князья были племянниками Андрея, — сыновья старшаго его брата Ростислава. Избирая ихъ, граждане преступали, какъ прежде, при избраніи

Андрея, свое крестное цѣлованіе Юрью на меньшихъ его дѣтяхъ.

Всѣ утвердились Святою Богородицею и послали сказать Глѣбу: «тебѣ твоя шурина, а наша Князя, шлемъ къ тебѣ пословъ, и просимъ, ты приставь къ нимъ своихъ, и пусть ѣдутъ вмѣстѣ за нашими Князьями.»

Глѣбу было очень любо, что вскладываютъ на него честь, и хотятъ его шурьевъ. О, если бъ онъ зналъ, сколько бѣды принесетъ эта честь ему, его роду, и всему Рязанскому княжеству! Онъ исполнилъ Суздальское желаніе.

Послы нашли избранныхъ вмѣстѣ съ ихъ дядями Юрьевичами въ Черниговѣ, и сказали молодымъ Князьямъ: «вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣзжайте къ намъ княжить, а другихъ мы не хотимъ.» Мстиславъ и Ярополкъ отвѣчали: «спасибо дружинѣ, что не забываетъ любви отца нашего.» Посовѣтовавшись между собою, подъ вліяніемъ Святослава Черниговскаго, который былъ ихъ покровителемъ, они сказали дядямъ: «либо лихо, либо добро всѣмъ намъ, а поѣдемте всѣ четверо вмѣстѣ.» И утвердясь между собою предъ святымъ крестомъ у Черниговскаго Епископа Антонія, они поѣхали — Юрьевича два и Ростиславича два, Михалку, по соглашенію, держащу старѣйшинство.

Двое поѣхали впередъ — Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ, и прибыли въ Москву, перепутье между старой Русью и новой, Малой и Великой.

Ростовцы, услышавъ, что кромѣ избранныхъ ими Князей, ѣдутъ еще двое дядей, вознегодовали,

и велѣли Ярополку продолжать путь одному, а Михалку пождать мало. Ярополкъ уѣхалъ отъ него тайно Переяславлю.

Михалко, лишь только узналъ объ его отъѣздѣ, какъ и самъ поѣхалъ Володимиру, и былъ принятъ Володимирцами.

Ростовцы, поцѣловавшіе крестъ Ярополку, взволновались, какъ тѣ смѣли принять Князя къ себѣ вопреки ихъ рѣшенію. «Это холопы наши каменьщики,» кричали они, «мы сожжемъ ихъ и посадимъ у нихъ опять Посадника: Володимиръ пригородъ нашъ.» Володимирцы не могли сносить такой обиды и рѣшились стоять на своемъ, хотя ихъ дружина, въ числѣ полуторы тысячи, вышла еще прежде на встрѣчу къ Князьямъ, и въ Переяславлѣ должна была цѣловать крестъ Ярополку, вмѣстѣ съ прочими.

Ростовцы пришли съ Рязанцами и Муромцами принудить ихъ силою къ покорности; они затворились въ городѣ и начали биться. Семь недѣль продолжалась осада, и Князья не могли одолѣть города. Но голодъ измѣнилъ дѣло. Володимирцы сказали Михалку: «мирись или промышляй о себѣ.» «Дѣлать нечего, отвѣчалъ сынъ Юрьевъ, «не погибать же вамъ изъ-за меня,» и, простясь съ ними, уѣхалъ опять въ Русь.

Ярополкъ и Мстиславъ, утвердясь крестнымъ цѣлованіемъ съ жителями, чтобъ не дѣлать имъ никакого зла, вступили въ городъ. Володимирцы не имѣли впрочемъ ничего противъ этихъ Князей, замѣчаетъ лѣтописецъ, но не хотѣли только поддаться Ростовцамъ, которые хвалились передъ ними безпрестанно: «мы старшіе, что намъ любо, то и сотворимъ.»

Князья утѣшили ихъ, и раздѣлили между собою волости: Мстиславъ сѣлъ въ Ростовѣ, а Ярополкъ въ Володимирѣ. Сына Мстиславова приняли къ себѣ Новогородцы.

Но они усидѣли не долго. Роздавъ посадничества Русскимъ дѣтскимъ, которые начали притѣснять народъ продажами[1] и вирами, Князья возбудили противъ себя общеё неудовольствіе. Они были молоды и слушали своихъ бояръ, а бояре учили на многое иманіе. Изъ соборной церкви они даже взяли серебро и золото, отняли города ея и дани. Володимирцы вышли изъ терпѣнія. «Мы вольные люди», говорили они, «пріяли сами Князя къ себѣ, а они поступаютъ какъ будто не въ своей волости, не рядятъ, а грабятъ; грабятъ не только волость, но и церкви. А промышляйте, братья!» Они, впрочемъ, послали сперва къ Ростовцамъ и Суздальцамъ явить свою обиду. Тѣ на словахъ были за нихъ, а дѣломъ были далече, и бояре крѣпко держались Князей. Но Володимирцы стояли твердо, и послали прямо въ Черниговъ звать къ себѣ Михаила: «ты старшій въ братьѣ своей, иди къ намъ. Если Ростовцы и Суздальцы изъ-за тебя замыслятъ что-нибудь на насъ, то какъ съ ними Богъ дастъ и Святая Богородица.»

Михалко и братъ его Всеволодъ отправились съ помощію Святослава въ другой разъ, и подъ Москвою были встрѣчены Володимирцами, съ племянникомъ Георгіемъ Андреевичемъ, котораго успѣли уже прогнать Новогородцы тотчасъ по смерти Андрея.

[1] Продажа — пеня, штрафъ; вира — пошлина.

Ростиславичи, сдумавше съ своей дружиною, рѣшились не допускать ихъ до Володимира. Ярополкъ пошелъ въ встрѣчу съ полкомъ своимъ, преградить имъ путь, но, къ счастію, они минулися дорогами: Михалко ушелъ къ Володомиру, а Ярополкъ прибылъ въ Москву. Тогда онъ рѣшился оборотиться и ударить на него сзади, а Мстиславъ, которому далъ онъ знать, — спереди, отъ Володимира. Мстиславъ, получивъ эту вѣсть отъ брата, поскакалъ на Михалка съ дружиною, «какъ на зайцевъ», и встрѣтилъ его ужь въ пяти верстахъ отъ Володимира, больнаго, несомаго на носилкахъ. Ростовцы бросились на Володимирцевъ, «какъ будто съѣсть хотѣли;» но тѣ такъ дружно приняли натискъ, чта, они, кину въ стягъ, принуждены были бѣжать. Сраженіе происходило почти подъ Володимиромъ, и всѣ люди, съ духовенствомъ и крестами, вышли послѣ встрѣтить братьевъ-побѣдителей (Іюня 15, 1175 г.) Вскорѣ пріѣхали къ нимъ и жены, Михалковая и Всеволожая, присланныя Святославомъ Черниговскимъ, который далъ имъ въ провожатые сына.

Радость въ городѣ было несказанная. «Ялись за правду мизенніи люди Володимерскіе», говоритъ лѣтописецъ, «не убоялись двоихъ Князей, бывшихъ въ ихъ волости, положили ни во что прещенія бояръ, семь недѣль оставались безъ головы, говоря, либо найдемъ себѣ Князя Михаила, либо головы свои положимъ, — и Богъ имъ помогъ, и увидѣли они у себя опять Князя всея Ростовскія земли.»

Суздальцы прислали сказать Михалку: «мы, Князь, на полку томъ не были съ Мстиславомъ, а

были съ нимъ только бояре; ты лиха на насъ за то не держи, и пріѣзжай къ намъ.»

Михалко поѣхалъ въ Суздаль, а изъ Суздаля въ Ростовъ, и сотворилъ вездѣ людямъ нарядъ, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и принялъ честь со многими дарами отъ Ростовцевъ.

Посадивъ брата своего Всеволода въ Переяславлѣ, онъ ходилъ къ Рязани войной на Глѣба; но Глѣбъ умилостивилъ его, признавъ себя виноватымъ, и обѣщаясь воротить все до золотника, что взялъ у своихъ шурьевъ, равно какъ и образъ Божія Матери.

Михалко жилъ не долго. Онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и Володимирцы поцѣловали крестъ меньшему его брату, Всеволоду, а Ростовцы воротились къ прежней своей думѣ. Они послали за Мстиславомъ въ Новгородъ извѣстить, что Михалко умеръ, и что они не хотятъ никого, кромѣ его.

Мстиславъ пріѣхалъ въ Ростовъ, и совокупивъ Ростовцевъ, бояръ и гридбу, пасынковъ и всю дружину, пошелъ къ Володимиру.

Всеволодъ вышелъ на встрѣчу съ остальными боярами, и послалъ сказать ему: «Братъ, тебя привела старѣйшая дружина, Ростовцы, а меня привели Володимирцы. Я останусь въ Володимирѣ, а ты ступай въ Ростовъ, и мы оттуда возмемъ миръ. Суздаль же пусть останется пока у насъ общимъ: кого похотятъ они, тотъ и будетъ имъ Князь.»

Мстиславъ выслушалъ рѣчь эту и склонялся, но бояре сказали ему: «хоть бы ты далъ ему миръ, но мы не даемъ.» Особенно возставали Матьяшъ

Бутовичъ, Добрыня Долгій, и другіе злые люди. Мстиславъ ихъ послушался.

Всеволодъ передалъ между тѣмъ Переяславцамъ свои переговоры, и тѣ ему отвѣчали: «ну что же, Князь, ты хочешь ему добра, а онъ ловитъ твоей головы. Стой крѣпко.»

Соперники сразились на полѣ Юрьевскомъ, и Всеволодъ побѣдилъ: Мстиславъ бѣжалъ, Добрыня Долгій, Иванко Степановичъ, убиты, множество Ростовцевъ и бояръ взяты въ плѣнъ. Володимирцы повязали плѣнниковъ, взяли ихъ села, погнали скотъ и коней Володимиру.

Мстиславъ бѣжалъ въ Ростовъ, а изъ Ростова въ Новогородъ, но Новогородцы уже не приняли: «ты, Князь,» сказали они ему, «ударилъ пятою Новгородъ, и ушелъ къ Ростовцамъ съ ихъ подговору, на дядю своего Михалка, — ну вотъ Михалка Богъ взялъ, а Всеволода Богъ разсудилъ съ тобою: что же тебѣ дѣлать у насъ?»

Мстиславъ обратился тогда къ зятю, Рязанскому Глѣбу, и старался склонить его на свою сторону. Тотъ пришелъ на Москву и сжегъ ее. Всеволодъ хотѣлъ-было самъ тотчасъ напасть на него, но былъ удержанъ Новогородцами, Милонѣжковой чадью, которые совѣтовали ему дождаться ихъ помощи, и возвратился въ Володимеръ. На зиму, получивъ помощь изъ Руси, отъ Святослава Всеволодовича, и отъ племянника Глѣба изъ Переяславля, онъ пошелъ Рязаню. Когда уже былъ въ Коломнѣ, пришла къ нему вѣсть, что Глѣбъ съ Половцами пришелъ дру-

гимъ путемъ къ Володимиру, пожегъ села боярскія, а женъ, дѣтей и товаръ отдалъ поганымъ на щитъ, запалилъ многія церкви.

Всеволодъ воротился отъ Коломны, и нашелъ Глѣба на Колокшѣ, съ Половцами и полономъ. Они стояли другъ противъ друга мѣсяцъ, потому что нельзя было перейдти рѣки твердью. Наконецъ Всеволодъ рѣшился дать полкъ, и на масляницѣ пустилъ возы на Глѣбову сторону рѣки. Рязанскій Князь нарядилъ людей съ Мстиславомъ на возы, а самъ съ сыновьями и Ярополкомъ перешелъ Колокшу ко Всеволоду, на Прускову гору. Между тѣмъ Мстиславу не удалось около возовъ, къ которымъ Всеволодъ прислалъ въ помощь нѣсколько дружины съ Переяславцами: онъ не выдержалъ и бѣжалъ. Глѣбъ, увидя его бѣгство, обробѣлъ, постоялъ немного, и также бѣжалъ. Всеволодъ погнался за ними, убивая и плѣняя. Тогда самого Глѣба взяли руками, и сына его Романа, шурина Мстислава Ростиславича, всю его дружину, всѣхъ его думцевъ. Здѣсь попался и Борисъ Жирославичъ, знаменитый воевода Андреевъ, Дѣдилецъ, Ольстинъ, и множество другихъ. Половцы всѣ были избиты оружіемъ.

Всеволодъ воротился въ Володимиръ съ побѣдою и славою. Князь Рязанскій, бояре и дружина приведены плѣнниками, а свои освобождены. Радость въ Володимирѣ была великая.

На третій день сдѣлался мятежъ: встали бояре и купцы, и приступили ко Всеволоду: «Князь, мы хотимъ добра тебѣ и кладемъ за тебя свои головы,

а ты держишь вороговъ своихъ на свободѣ: вороги твои и наши, — Суздальцы и Ростовцы. Либо казни ихъ, либо слѣпи, либо отдай намъ.» Всеволоду не хотѣлось поступить такъ жестоко, и онъ, для утишенія мятежа, посадилъ колодниковъ въ порубъ, а между тѣмъ послалъ въ Рязань за остальнымъ врагомъ, Ярополкомъ: «у васъ мой ворогъ, отдайте его, не то приду къ вамъ.»

Рязанцы подумали: «Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужаго Князя,» и согласились: поѣхали въ Воронежъ, взяли тамъ Ярополка, и выдали руками Всеволоду. Тотъ велѣлъ посадить его вмѣстѣ съ прочими.

Между тѣмъ Глѣбова жена молилась о своемъ мужѣ. Мстиславъ Новогородскій, зять Глѣбовъ, убѣждалъ Святослава Всеволодовича, союзника Всеволодова, вступиться за Ростиславичей. Князь Черниговскій присылалъ Епископа Ефрема и игумена къ Володимирскому Князю ходатайствовать объ освобожденіи плѣнниковъ, и просить ихъ хотя въ Русь. Но Глѣбъ самъ не согласился, и говорилъ: «лучше здѣсь умру, а не пойду.» Онъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ умеръ, а Романъ, сынъ его, былъ, наконецъ, по долгомъ моленіи, за крестомъ, отпущенъ. Освобождены были и Ростиславичи изъ поруба, будто ослѣпленные.

Такимъ образомъ братъ Андреевъ, Великій Князь Суздальскій Всеволодъ, освободился отъ всѣхъ своихъ враговъ, и сила Андреева, разсѣявшаяся по его смерти, собралася, хотя отчасти, и на время, опять въ одной рукѣ....

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ

БОГОЛЮБСКІЙ.

Историки наши, проходя Исторію по большой дорогѣ, отъ версты до версты, изъ году въ годъ, не имѣли ни времени, ни возможности заниматься много личностями, и говорили о нихъ только тогда, какъ онѣ попадали имъ на встрѣчу, скрываясь и опять выходя на сцену. Изслѣдователи (да и сколько ихъ?) разсуждали о предметахъ общихъ, и ни одно почти древнее лице не было предметомъ особаго сочиненія. Между тѣмъ личности занимаютъ важное мѣсто въ Исторіи, и не льзя вполнѣ понять дѣйствій, не бывъ знакомымъ съ дѣйствующими лицами. Судить о нихъ только по тому времени, какъ совершались тѣ или другія ихъ дѣйствія,— поведетъ къ большимъ ошибкамъ: настоящія обстоятельства, въ коихъ онѣ находились, прежнія данныя, новыя отношенія, связи семейныя, родственныя, наконецъ лѣта жизни,— и мало ли что имѣетъ вліяніе на человѣка во всякій данный моментъ? Чтобы судить, или даже чтобъ яснѣе себѣ представить дѣйствія,

надобно знать біографіи дѣйствующихъ лицъ не по разнымъ моментамъ порознь, а по всей ихъ жизни. Понятіе обо всей жизни прольетъ свѣтъ и на каждое дѣйствіе порознь.

Предложимъ теперь для примѣра изслѣдованіе о жизни одного изъ примѣчательнѣйшихъ Князей древности, Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Оставя Южную Русь и поселясь въ Сѣверной, собравъ тамъ силу, коей должны были подчиниться прочія ближнія и дальнія Княжества, Андрей перенесъ центръ государственной тяжести въ ту страну, гдѣ онъ долженъ былъ со временемъ установиться, и вывелъ на сцену Исторіи новое племя, самое младшее, въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ племенъ Русскихъ, и даже изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ, — племя такъ-называемое Великорусское, которому судьба предоставила такую великую будущность въ Русской, Славянской, — и во всей Европейской Исторіи.

Андрей во Владимірѣ находится въ такомъ отношеніи къ Калитѣ въ Москвѣ, какъ Новогородскій Рюрикъ къ Кіевскому Олегу, а вообще къ Великой Россіи—какъ Рюрикъ къ Малой. Вотъ его высокое значеніе въ нашей Исторіи.

Когда родился Князь Андрей?

Годъ его рожденія въ Лѣтописяхъ не записанъ, но его можно найти приблизительно.

Отецъ его, Князь Юрій Владиміровичь Долгорукій, женился въ 1107 году, что засвидѣтельствовано еще Несторомъ: «1107. Иде Володимеръ и

Давыдъ и Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ, и поя Володимеръ *за Юргя* Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку, мѣсяца Генваря 12 день» (1).

Андрей былъ вторымъ сыномъ Юрія. Доказательство: «1151. Идущимъ имъ битъся Андрей поча рядити полкъ отца своего, зане бѣ старѣй *тогда* въ братьѣ».

«Тогда», т. е. по смерти перваго его сына Ростислава, о которомъ подъ годомъ 1148 было сказано: «пришелъ бѣ (къ Изяславу Мстиславичу) Гюргевичь *старѣйшій*, роскоторався съ отцемъ своимъ» (2).

Такъ точно и послѣ подъ 1175 г. подтверждено старшинство Андреево слѣдующими словами: «цѣловавше (Ростовцы и Суздальцы) къ Юрью Князю на меньшихъ Князѣхъ, на дѣтехъ на Михалцѣ и на братѣ его, преступавше крестьное цѣлованіе, посадиша Андрея, а меньшая выгнаша, не послѣдѣ по Андреи помянушася (т. е. не опомнились и послѣ Андрея)».

Въ родословныхъ Андрей стоитъ всегда на второмъ мѣстѣ (3).

Кромѣ Андрея, у Юрія были еще десять сыновей и нѣсколько дочерей, изъ которыхъ послѣдній Всеволодъ, отъ второй жены Гречанки, родился въ

---

(1) Пол. Собраніе Лѣтописей, Т. I, стр. 120.

(2) Ib. Т. II, стр. 39.

(3) Родословная книга, изд. Новиковымъ, Ч. I, стр. 15.

1154 году (4): слѣдовательно чрезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ послѣ Андрея!

Итакъ Андрей, второй сынъ, долженъ родиться не прежде 1110 года, или, можетъ быть, нѣсколько послѣ; а что онъ родился *не много* спустя послѣ этого года, то мы увидимъ сейчасъ изъ розысканій объ его бракѣ.

Когда онъ женился?

Около 1135 года.

Доказательство: въ 1159 году у него была уже дочь невѣста, которую онъ выдалъ за Святослава Володиміровича (внука Давидова) во Вщижъ, и сынъ Изяславъ, предводившій воями, посланными зятю въ помощь. (Если же онъ женился около 1135 года, слѣд. имѣлъ лѣтъ 20, или съ чѣмъ-нибудь, то родился вскорѣ послѣ 1110 года, какъ выходило у насъ и изъ предыдущаго розысканія).

Татищевъ (5) говоритъ именно, что Андрей по Симоновой Лѣтописи умеръ въ 1175 г. шестидесяти трехъ лѣтъ; но мы этого извѣстія (правдоподобнаго) въ Лѣтописяхъ положительно не находимъ.

Гдѣ онъ родился?

Не льзя сказать на-вѣрное: можетъ быть, въ Суздальскомъ Княжествѣ, а можетъ быть, и на Югѣ, но *то* сказать можно, что въ Суздальское Княжество переѣхалъ отецъ его Юрій очень рано, и слѣд. первые годы молодости провелъ Андрей тамъ.

А изъ чего можно заключать, что Юрій переѣхалъ въ Суздальское Княжество очень рано?

---

(4) Лѣт. по Воскр. сп. Ч. II, стр. 30.

(5) Ист. Рос. Татищева, Ч. III, стр. 494.

Изъ того, что уже въ 1120 году, безъ сомнѣнія, изъ Суздаля ходилъ онъ войною на Болгары по Волгѣ, «и взя полонъ многъ, и полкы ихъ побѣди, воевавъ приде съ честью и славою»; изъ того, что имени Юрьева къ Кіевскихъ происшествіяхъ никогда не встрѣчается, напр. въ общемъ походѣ 1127 г. на Полоцкихъ Князей.

По смерти Мономаховой (1125), этотъ удѣлъ вѣрно былъ утвержденъ за нимъ, между тѣмъ какъ прочіе сыновья,—что видно по Лѣтописямъ,—получили: Мстиславъ— Кіевъ, Ярополкъ— Переяславль, Вячеславъ— Туровъ, Андрей — Володиміръ Волынскій, а внуки: Изяславъ — Курскъ, Ростиславъ — Смоленскъ. Никакого другаго знатнаго удѣла не оставалось, и мы видимъ Юрія всегда въ Суздали, когда заходитъ о немъ рѣчь: такъ въ 1132 г. занялъ онъ еще Переяславль, а въ 1135 хотѣлъ промѣнять на него Суздаль.

Вѣроятно даже, что Юрій назначилъ Суздальское Княжество меньшимъ сыновьямъ, *по примѣру* отца своего Володиміра Мономаха, т. е. какъ онъ самъ, одинъ изъ меньшихъ сыновей, получилъ, такъ и завѣщалъ своимъ меньшимъ сыновьямъ это отдаленное Княжество.

Я думаю, что Юрій еще «дитятей» при жизни отца княжилъ въ Суздалѣ: въ письмѣ Мономаха къ Олегу въ 1096 году, когда тотъ захватилъ города Суздальскаго Княжества, есть слѣдующее мѣсто: «аще ти добро, да съ тѣмъ, али ти лихое, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный *съ малымъ братомъ своимъ*, хлѣбъ ѣдучи дѣдинь, а ты сѣдиши въ своемъ? а о се ся ряди, али хочеши того убити, то

ти еста» (6). Т. е. если ты (примешь мою грамоту) добромъ, то хорошо; если съ лихомъ, то вотъ близъ тебя сынъ твой крестный (Мстиславъ) съ малымъ братомъ своимъ сидятъ въ своей дѣдинѣ, убей ихъ. — Кто же этотъ малый братъ? Карамзинъ думаетъ— Вячеславъ (7). Нѣтъ. Этого не можетъ быть: ибо Вячеславъ не много былъ моложе Мстислава, а Юрій — безъ всякаго сравненія: Вячеславъ говоритъ послѣ Юрію, подъ г. 1151 (8): «язъ тебѣ старѣй есмь не маломъ, но многомъ, азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ». Если Юрій еще дитятею княжилъ въ Суздалѣ, то, безъ сомнѣнія, всѣ его дѣти родились тамъ.

На комъ женатъ былъ Андрей?

Древнія Лѣтописи: Кіевская, Суздальская, Новогородская, объ этомъ молчатъ, а новыя говорятъ (9), что на дочери Суздальскаго Боярина Кучка, который владѣлъ мѣстами нынѣшней Москвы.

Это извѣстіе достовѣрно, и мы его принимаемъ: потому что оно согласно съ историческими вѣрными данными, и потому что прочія извѣстія сихъ новыхъ Лѣтописей подтверждаются древними, а именно:

Москва называлась Кучковымъ: это есть въ древнихъ Лѣтописяхъ, и по харатейнымъ спискамъ: «1176. Пойде Михалко и братъ его Всеволодъ изъ

---

(6) Собраніе Рус. Лѣт. Т. I, стр. 106.
(7) Истор. Госуд. Рос. Т. II, стр. 177.
(8) Собр. Рус. Лѣт. Т. II, стр. 61.
(9) Карамзинъ Т. III, прим. 21, 11 и 283.

Чернигова. . . уя й (взяла его) болѣзнь велика на Свинѣ и возложивше на носилицѣ... Идоша къ нимъ до Куцкова, рекше до Москвѣ» (10).

Кучковичи играютъ важнѣйшую роль во всей жизни Андреевой: переѣхать, переселиться изъ Кіевской Области въ Суздаль они убѣдили Андрея: «его же лестію подъяша Кучковичи» (11).

Они же его и погубили, устроивъ заговоръ, въ слѣдствіе казни, которую Андрей назначилъ одному изъ ихъ родственниковъ (12).

Если мы вѣримъ новымъ Лѣтопосямъ, что Кучковичи были, владѣли Москвою и убили Андрея, потому что новыя Лѣтописи подтверждаются въ этихъ случаяхъ древними: то и въ лишнихъ извѣстіяхъ (т. е. въ родствѣ съ ними Андрея и причинѣ заговора), кои сами по себѣ не имѣютъ ничего невѣроятнаго, сомнѣваться не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что древнія Лѣтописи имѣютъ разныя извѣстія: что есть въ Суздальской, того нѣтъ въ Кіевской, что есть въ Кіевской по новому Воскресенскому списку, того нѣтъ въ Кіевской по древнему Ипатьевскому списку.

Гдѣ жилъ Андрей, женившись?

Тамъ же, гдѣ провелъ онъ свою молодость, т. е. въ Суздальскомъ Княжествѣ.

Какъ имени его отца, такъ и его имени не встрѣчается въ Южныхъ происшествіяхъ. Въ 1147

---

(10) Собр. Рус. Лѣт. Т. II, стр. 118.

(11) Синодальная Лѣтопись подъ № 349. См. Кар. II, пр. 383.

(12) Лѣтопись по Воскрес. списку, Т. II, стр. 91 и прим.

году только начинается участіе Юрія въ дѣлахъ Южной Россіи, и эти происшествія застаютъ его съ дѣтьми въ Суздальскомъ Княжествѣ.

А вотъ и положительное доказательство: въ 1151 г., когда Юрій съ сыновьями былъ разбитъ совершенно на Перепѣтовѣ полѣ, близъ Кіева, неутомимымъ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, который потребовалъ отъ своего побѣжденнаго соперника, чтобъ онъ шелъ въ свой Суздаль, «Андрей испросися у отца напередъ Суждалю, река: се намъ уже, отце, здѣ у Русски земли ни рати, ничтоже, а за тепло уйдемъ; и пусти à отець, и иде *въ свой домъ*». Слѣд. домъ Андреевъ былъ въ Суздальскомъ Княжествѣ.

Съ 1147 до 1155 г. Андрей принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ походахъ, войнахъ и прочихъ дѣйствіяхъ отца своего на Руси.

Онъ былъ тогда уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, т. е. лѣтъ около сорока, и имѣлъ семейство. Старшій сынъ его, Изяславъ, родился около 1135—1140 г.: ибо въ 1159 г. онъ ходилъ уже войною въ помощь К. Святославу Володиміровичу во Вщижъ; Мстиславъ родился послѣ 1140: въ 1171 г. былъ у него уже сынъ; дочь Андреева въ 1159 г. выдана за мужъ; Глѣбъ, младшій, родился, вѣроятно, послѣ.

Подвиги Андреевы на Руси, напр. при нападеніи на Луцкъ, въ сраженіи подъ Переяславлемъ, подъ Кіевымъ, Черниговымъ слишкомъ ясно изоб-

ражены въ Лѣтописяхъ, и мы разсуждать о нихъ считаемъ здѣсь за ненужное.

Юрій наконецъ достигъ своей цѣли и овладѣлъ Кіевомъ (1154). Соперниковъ ему не осталось. Старшій братъ Вячеславъ умеръ; племянникъ Изяславъ Мстиславичь, который изъ-за него сражался, также; Изяславъ Давидовичь и Ростиславъ Мстиславичь ему уступали. Онъ далъ тогда удѣлы своимъ сынамъ на Югѣ: Андрею — Вышгородъ, Борису — Туровъ, Глѣбу— Переяславль, Васильку— Поросье, (Суздальское Княжество предоставлялъ, вѣроятно, Михалку и Всеволоду, какъ меньшимъ сыновьямъ, см. выше).

Но Андрей не захотѣлъ тамъ оставаться, и безъ отеческаго позволенія, даже безъ вѣдома, какъ значится въ нѣкоторыхъ Лѣтописяхъ, ушелъ въ Володиміръ, въ 1155 г.

Вотъ важнѣйшее происшествіе въ его жизни и въ Русской Исторіи, о коемъ сказано въ началѣ этого разсужденія.

Куда переѣзжалъ Андрей?

Я думаю въ Володиміръ.

Потому думаю я въ Володиміръ, что только черезъ два года Ростовцы и Суздальцы посадили его на свой столъ въ Ростовѣ и Суздали, въ 1157 г. Слѣд. прежде Андрей не владѣлъ этими городами, и они, вѣроятно, оставались въ завѣдываніи отца его Юрія или меньшихъ братьевъ, которымъ они были назначены.

Замѣтимъ, что Суздальская Лѣтопись по Лаврентьевскому списку (13) и Лѣтопись по Воскресенскому списку (14), заимствовавшая оттуда, говорятъ объ избраніи Андрея только Суздальцами и Ростовцами на столъ Суздальскій и Ростовскій, какъ бы давая тѣмъ знать, что Володимірцамъ, уже имѣвшимъ Андрея, избирать его и сажать къ себѣ на столъ было не нужно. (Только Кіевская Лѣтопись по Ипатьевскому списку присоединяетъ къ нимъ и Володимірцевъ (15).

Ясное доказательство этого предположенія заключается въ слѣдующихъ словахъ Суздальской Лѣтописи: «Иде Гюрга на Льто и съ дѣтми, Андрей же оттолѣ иде отъ отца своего Суждалю, а отцю же встягавшю его много, Андрей же рече: на томъ есмы цѣловали крестъ, ако поитины Суждалю, и *иде въ свою волость Володимерю*.

Подтвержденіе я вижу и въ другихъ обстоятельствахъ: знаменитую чудотворную икону Божіей Матери, принесенную имъ изъ Кіева, онъ поставилъ во Владимірѣ, а не въ Суздалѣ; великолѣпную церковь, для коей употреблено имъ было столько иждивенія и старанія, построилъ онъ во Владимірѣ, а не въ Суздалѣ. Украшенія относятся преимущественно ко Владиміру, напр. золотыя ворота.

Во Владимірѣ, заключаемъ, жилъ Андрей еще при отцѣ своемъ, т. е. пока Юрій жилъ въ Сузда-

---

(13) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. I, стр. 149.

(14) Лѣт. по Воскр. сп. Ч. II, стр. 43.

(15) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. II, стр. 81.

лѣ, онъ имѣлъ этотъ городъ въ частномъ удѣлѣ, какъ послѣ Вышгородъ при отцѣ въ Кіевѣ.

Что побудило Андрея оставить Вышгородъ и Южную Русь?

Вѣроятно, больше всего привычка: онъ родился или почти родился на Сѣверѣ, воспитанъ, провелъ свою молодость, женился, получилъ дѣтей, — туда звали родные, туда влеклось его сердце, имѣвшее голосъ для него сильный, какъ то видно по всѣмъ происшествіямъ его жизни; точно какъ подобныя обстоятельства влекли на Югъ отца его, который родился и воспитался въ мысляхъ о величіи Кіева. Андрей смотрѣлъ на Югъ съ другой стороны: онъ ходилъ туда только для войны, и видѣлъ тамъ только междоусобія, кои угрожали ему и впредь.

Послѣ близкой смерти Юрія, которому тогда было по крайней мѣрѣ семдесятъ лѣтъ, на Кіевъ права онъ не имѣлъ: ибо дядя и дѣти старшихъ его дядей имѣли предъ нимъ преимущество. Да и другіе могли также объявить свое притязаніе и испытать счастія: потому что право начало уже ослабѣвать, — напр. Изяславъ Давидовичь, который былъ уже однажды избранъ Кіевлянами, или Святославъ Ольговичь, котораго братъ сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ прежде Изяслава Мстиславича. Удерживать силою мимо права, можетъ быть, онъ не хотѣлъ или считалъ несправедливымъ, нестоющимъ труда. Онъ могъ разсчитывать, что гораздо ему вѣрнѣе дожидаться своего череда и старшин-

ства, собирая силы въ Суздальскомъ Княжествѣ, гдѣ соперниковъ нѣтъ, или гдѣ спорить они не могутъ, — чѣмъ отваживаться и трудиться на удачу въ Руси. Онъ усталъ и битвы ему опротивѣли: это мы видимъ изъ того, что въ самыхъ важныхъ войнахъ, имъ послѣ изъ Володиміра предпринятыхъ, онъ не имѣлъ личнаго участія, а посылалъ сыновей съ воеводами.

А какъ посмотрѣлъ отецъ на его удаленіе?

Разумѣется, Юрію непріятно было лишиться такого помощника; но онъ былъ слишкомъ доволенъ своимъ вожделѣннымъ Кіевомъ, и могъ надѣяться, въ случаѣ нужды, на прочихъ доблестныхъ сыновъ, которые при немъ оставались; по крайней мѣрѣ Лѣтописи не говорятъ о слѣдствіяхъ его неудовольствія. Замѣтимъ еще, что Андрей не нарушилъ нисколько его правъ, не прикасаясь къ Ростову и Суздалю, которые избрали къ себѣ его на столъ послѣ. Его чувства преданности къ отцу остались неизмѣнными, и Лѣтописи единогласно распространяются объ уваженіи къ памяти Юрія, которое онъ ознаменовалъ большими вкладами, строеніемъ и украшеніемъ церквей и монастырей.

Юрій умеръ. Ростовцы и Суздальцы избрали Андрея своимъ Княземъ. Съ этого времени начинается новый важнѣйшій періодъ въ жизни и дѣятельности Андреевой, гдѣ является онъ лицемъ самостоятельнымъ и историческимъ въ полномъ зна-

ченіи этого слова: этому періоду мы должны посвятить особенное вниманіе.

Какіе источники для Исторіи Великаго Князя Андрея Боголюбскаго?

Лѣтописи: Суздальская, Кіевская, Новогородская, по Воскресенскому списку (16), Лѣтопись по Никонову списку. Житія: В. К. Андрея, Св. Іоанна Архіепископа Новогородскаго, Сказаніе о знаменіи Пресвятыя Богородицы.

Дѣянія Андреевы разсѣяны по всѣмъ этимъ источникамъ: Суздальская Лѣтопись разсказываетъ одни и умалчиваетъ о другихъ, кои встрѣчаются въ Кіевской, по Ипатьевскому списку, или въ Лѣтописи по Воскресенскому списку. Такъ точно и сіи послѣднія, предлагая извѣстія лишнія, не имѣютъ тѣхъ, кои сохранены Лѣтописью Суздальскою или Новогородскою. Гдѣ есть причина, а нѣтъ слѣдствія; гдѣ есть слѣдствіе, а не видать причины: вездѣ отрывочно, кратко, голо. Многихъ извѣстій, судя по признакамъ, не достаетъ. Притомъ одни и тѣ же извѣстія значатся въ разныхъ Лѣтописяхъ подъ разными годами, что̀ производитъ великое замѣшательство при разсужденіи о происшествіяхъ.

Слѣдовательно необходимо собрать и потомъ разобрать, привести въ порядокъ всѣ происшествія, какъ они одно за другимъ, вѣроятно, слѣдовали.

---

(16) Мы будемъ означать эти Лѣтописи для краткости первоначальными буквами: С. К. Н. В.

Вотъ краткое обозрѣніе всѣхъ извѣстій:

Юрій сѣлъ въ Кіевѣ окончательно, по смерти Вячеслава (17) . . . . . Л. 6662 (18)

Андрей ушелъ изъ Вышгорода 3,

Юрій умеръ въ Кіевѣ Мая 15 (*въ Среду*) по И. и В.) (21). 5,

Изяславъ Давидовичь Черниговскій вошелъ въ Кіевъ Мая 19 (*по И. въ недѣлю Пентикостную*). —

Суздальцы и Ростовцы посадили Андрея на свой столъ . . . . . —

---

(17) Благоволитъ читатель не обращать теперь вниманія на годы событій, ни на разные знаки и принадлежащія къ нимъ примѣчанія: они понадобятся и объяснятся намъ послѣ, а здѣсь выставлены только для того, чтобы тогда можно было не исчислять вновь *для нихъ* исчисленныхъ здѣсь событій, а ссылаться на эту таблицу, и такимъ образомъ избѣгнуть повтореній, коихъ и безъ этого по необходимости много въ нашемъ изслѣдованіи.

(18) Для избѣжанія пестроты въ числахъ годовъ отъ Сотворенія Міра, мы будемъ выставлять здѣсь года вполнѣ только при началѣ десятковъ, потомъ уже только единицы и десятки, а гдѣ можно, безъ недоразумѣнія, то и однѣ единицы. Иногда предъ годами отъ Р. Х. мы даже не поставили вовсе годовъ отъ С. М., если оные могутъ быть легко подразумѣваемы. Напримѣръ, въ первой строкѣ означенъ годъ отъ Сотворенія Міра 6662=1154. Предъ слѣдующимъ годомъ по И. мы не ставимъ года 6663: ибо онъ легко можетъ быть, въ случаѣ нужды, подразумѣваемъ по находящемуся съ съ нимъ въ одной строкѣ 6662=1154. Во второй строкѣ предъ 1155 г. мы ставимъ только число единичное 3, т. е. 6663. Въ третьей строкѣ 5, т е. 6665. Въ 28-й строкѣ при перемѣнѣ десятка, предъ годомъ 1164, мы ставимъ десятеричное число 72, т. е., 6672 годъ отъ С. М.

Годы отъ Р. Х. мы выставляемъ по изданіямъ Археографической Коммиссіи, для облегченія справокъ; ошибки ихъ будутъ видны сами собою, по наглядному сравненію, и изъ приложенныхъ примѣчаній.

(19) Число, означенное косыми цифрами, *принимается* за вѣрное изъ той или другой Лѣтописи, по аналогіи съ прочими, *положительно* въ ней дознанными. Годъ вокняженія Юрія мы

К.	И.	В.	Н.	По нашимъ выводамъ:
1154...	1155...	1154...	1155...	.....*1154* (19)
1155...	1155...	1155...	— (20)	.....*1155*
1157*в*.. (22)	1158-1 (23)	1157в..	1157 *в*.	въ Сер. Мая 15, 1157.
— ...	1158-1	1157 в.	—	въ Вос. Мая 19, 1157.
1157... (24)	1158	1157...	—	.....*1157*.

принимаемъ по С., вѣрный во всемъ, что касается Суздальскихъ происшествій, Лѣтописи. Здравый смыслъ подтверждаетъ это показаніе: не могъ Андрей уйти изъ Вышгорода въ томъ же году, въ какомъ и сѣлъ тамъ по волѣ отца.

(20) Черта означаетъ, что извѣстія въ спискѣ нѣтъ.

(21) Въ скобкахъ помѣщаются показанія хронологическія того или другаго списка, а внѣ скобокъ — показанія, принадлежащія всѣмъ спискамъ.

(22) *в*. значитъ вѣрно. Курсивное относится къ происшествію чужему, а прямое— къ домашнему, на прим. здѣсь вокняженіе Юрія въ Кіевѣ для Суздальской Лѣтописи есть происшествіе чуждое, а заложеніе церкви въ Володимірѣ Андреемъ въ 1158 г.— домашнее, и означено оно буквою в. прямою. Такіе знаки употребляемъ мы и въ Н. К., а при В., какъ сложной, безъ различія.

(23) Минусъ единица значитъ, что списокъ выставляетъ происшествіе годомъ старше, который надобно исключить: 1158—1=1157: истинный годъ по изслѣдованію. Иногда списки уходятъ двумя, тремя годами впередъ, что означается у насъ — 2, — 3, и т. п. Кіевская Лѣтопись по И. уходитъ здѣсь явно годомъ впередъ, ибо смерть Юрія положительно извѣстна въ 1157 году.

(24) Число безъ знака благоволитъ читатель сличать всегда съ числомъ нашихъ выводовъ въ послѣднемъ столбцѣ; тамъ, напр., въ этомъ случаѣ поставлено то же число косыми цифрами, принимаемое нами за достовѣрное: потому что оно принадлежитъ Суздальской Лѣтописи, ведущей вѣрное лѣтосчисленіе въ своихъ происшествіяхъ, поколику ихъ провѣрить было можно.

Новогородцы выгнали Мстислава Юрьевича и посадили Святослава Ростиславича . . . . Л.

Андрей заложилъ церковь во Владимірѣ, Апрѣля 8 во Вторникъ 6,

Епископъ Леонъ пришелъ въ Ростовъ. . .

Мстиславъ побѣдилъ Изяслава Давидовича и вошелъ въ Кіевъ Декабря 22 . . . . . .

Борисъ Юрьевичь умеръ въ Володимірѣ, Мая 2. 7,

Ростовцы выгнали Епископа Леона. . . . .

Ростиславъ К. Смоленскій призванъ въ Кіевъ Мстиславомъ Изяславичемъ и пр. (*Апрѣля* 12 *въ Пасху по И.*) . . . . . —

Изяславъ Давидовичь просилъ у Андрея дочери за Святослава Володиміровича племянника своего, во Вщижъ, которую тотъ и прислалъ . . . . . —

Зимою приходили Русскіе Князья на Володиміра Святославича во Вщижѣ. . . . . .

Изяславъ Давидовичь просилъ для него помощи у Андрея, которую тотъ и послалъ съ сыномъ Изяславомъ . . . . . .

Андрей снимался съ Изяславомъ въ Волокѣ, и послалъ сказать Новогородцамъ: хочу искать Новагорода. . . . . —

Новогородцы выгнали Святослава Ростиславича. 8,

Засадили его въ Ладогѣ . . . . . —

---

(25) Очевидная ошибка въ К. и В. Декабрское изгнаніе Изяслава Давидовича не могло быть въ одномъ году съ Апрѣльскимъ призваніемъ Ростислава; оно должно быть въ 1158, а то въ 1159, какъ положительно извѣстно.

(26) 1158 годъ Суздальская Лѣтопись описываетъ слѣдующимъ образомъ: Андрей заложилъ церковь во Володимірѣ *Апрѣля* 8... На ту же *зиму* выгналъ Мстиславъ Изяслава Давидови-

К.	И.	В.	Н.	По нашимъ выводамъ.
1157..	1158-1	1157...	1157...	.....*1157*.
1158в..	1158*в*..	1158в..	—	Апр. 8, во Втор. 1158.
1158. .	1158...	1158...	—	.....*1158*.
1158*в*..	1159-1 (25)	1159-1 (25)	1158*в*..	Дек. 22, 1158
1159...	1159...	1159в..	—	.....*1159*.
1159...	1159...	1159...	—	.....*1159*.
1158... (26)	1160-1...	1159в..	1159*в*..	Апр. 12, на Пасху 1159.
1159в,.	1160-1	1159в..	—	.....1159.
1159*в*..	1160-1	1159в..	—	.....1159.
1159в..	1160-1	1159в..	—	.....1159.
— ...	1160-1	—	—	.....1159.
1160*в*..	1161-1	1160в..	1160в..	.....1160.
— ...	1161-1	1160в..	1160в..	.....1160.

ча изъ Кіева... Тое же *весны* вда Мстиславъ Ростиславу Кіевъ. За зимою не могла слѣловать весна *въ томъ же году:* весна принадлежала къ слѣдующему, т. е. 1159 г., что выходитъ и по хронологическому положительному изслѣдованію. Причина ошибки та же, что въ Н. подъ годомъ 1160 о смерти Изяслава Давидовича. Весь этотъ годъ въ С. сбитъ и слишкомъ сокращенъ.

Ростиславъ заперъ Новогородцевъ въ погребѣ, гдѣ многіе умерли . . . . . Л.

Новогородцы просили у Андрея сына... не хотѣлъ, а давалъ брата Мстислава,— не захотѣли, — племянника Мстислава Ростиславича, который и былъ введенъ (Іюня 21 по Н.). . . . .

Андрей совершилъ церковь въ Владимірѣ.

Изяславъ Давидовичь осадилъ Ростислава въ Кіевѣ и пошелъ къ Бѣлгороду (Февраля 8 въ Среду по И.) . . . . . —

Погребенъ Изяславъ Давидовичь, убитый подъ Бѣлгородомъ (Марта 13 въ Понедѣльникъ по И.). —

Андрей уладился съ Ростиславомъ о Новѣгородѣ, и вывелъ племянника, сидѣвшаго годъ безъ недѣли . . . . . —

А Святославъ введенъ (Сентября 28 по Н.). —

Росписана церковь въ Володимірѣ 9,

Андрей выгналъ братьевъ и Епископа Леона —

Ересь Леонтіева и походъ на Болгаръ . . . 72,

Смерть Изяслава Андреевича въ Володимірѣ Сентября 29, по В. 28, по Л. Октября 28. . . 3,

Смерть Ярослава Юрьевича въ Володимірѣ. 4,

Смерть Ростислава Мстиславича на пути изъ Новагорода въ Смоленскъ, Марта 14 по Л. и В. (по Л. княживъ 9 лѣтъ, а по И. 8). 5,

---

(27) Кіевская Лѣтопись идетъ годомъ впередъ; здѣсь также, какъ и во всѣхъ предыдущихъ годахъ, совпаденіе ея съ вѣрнымъ годомъ есть, такъ сказать, случайное; въ ея смыслѣ Февраль 1161 года долженъ бы считаться уже въ 1162 году.

(28) Этотъ годъ въ В. вѣренъ, какъ и предыдущіе: потому что Февраль Мартовскаго года принадлежитъ къ слѣдующему Генварскому году.

(29) Явная ошибка въ В. и Н., происшедшая, вѣроятно, по сокращенію, отъ смѣшенія начала происшествія съ окончаніемъ.

(30) Этотъ годъ принимаемъ мы по В., которая до сихъ поръ

К.	И.	В.	Н.	По нашимъ выводамъ.
1160в...	1161-1	1160в...	1160в...	.....1160.
1160в...	1161-1	1160в...	1160в...	Іюня 21, 1160
1160...	1161-1	1160...	—	.....*1160.*
— ...	1161 (27)	1160 (28)	—	Февр. 8 Серед. 1161, а вошелъ въ Кіевъ Февр. 12.
— ...	1162-1	1160 (29)	1160 (29)	Мар. 13, Пон. 1161, (а убитъ Мар. 6).
—	—	1161в...	1161в...	Іюня 14, 1161.
—	1162-1	1161в...	1161в...	Сент. 28, 1161.
1161...	—	1161...	—	.....*1161.*
—	1162 (30)	1162 (30)	—	.....1162 (30).
1164...	—	1164...	—	..... 1164.
1165...	1164 (31)	1164 (31)	—	.....*1165.*
1166 ..	1166...	1166 ..	—	.....*1166.*
1167в...	1168-1	1168-1	1166 (32)	Мар. 14, 1167, а погреб. 21.

была вѣрна. Впрочемъ, происшествіе, не связанное ни съ какимъ другимъ, не даетъ повода къ ошибкамъ. Замѣтимъ, что по К., которая идетъ постоянно годомъ впередъ, оно должно бы быть отнесено къ 1161.

(31) Странно, что смерть Изяславова занесена въ К. и В. годомъ раньше надлежащаго, между тѣмъ какъ прочія вскорѣ двумя годами позднѣе.

(32) Вѣроятно, здѣсь въ Н. смѣшано время кончины Ростиславовой съ отбытіемъ его изъ Новагорода.

Мстиславъ Изяславичь вошелъ въ Кіевъ (*въ Понедѣльникъ Мая* 19 *по В.*, 15 *по И.*). . . . . Л. 6,

Владиміръ Мстиславичь искалъ убѣжища у Андрея и посланъ отъ него къ Глѣбу Рязанскому. . . . . —

Новогородцы выгнали Святослава Ростиславича . . . . . —

Андрей подалъ помощь Святославу на Волгу... Союзники сожгли Торжокъ, Луки, ходили къ Русѣ... Андрей сказалъ Новогородцамъ: нѣтъ вамъ Князя, кромѣ Святослава . . . . . —

Мстиславъ Изяславичь ходилъ на Половцевъ Марта 2 *въ Субботу по И. Средохрестной недѣли*. . . . . —

Умеръ Ярополкъ Изяславичь, на дорогѣ, Марта 7, *въ Четвергъ Средохрестной недѣли по В.* —

Мстиславъ далъ Новогородцамъ *Романа*, который и *пришелъ въ Новгородъ Апрѣля* 14 (въ *Воскресенье* на второй недѣлѣ по Христовѣ дни, индикта 1 по Н.) . . . . . —

Походъ Новогородцевъ къ Полоцку. . . . . —

Тому же лѣту исходящу, Романъ съ Новогородцами ходилъ къ Торопцу. . . . . —

Андрей послалъ сына Мстислава на Кіевъ зимою. . . . . .

Кіевъ взятъ и посаженъ Глѣбъ (*Марта* 8 *въ Середу на* 2 *недѣлѣ поста по И. и В.*). 7,

Даньславъ Лазутиничь, данникъ Новогородскій, бился съ Андреевымъ полкомъ за Волокомъ. —

---

(33) Очевидная ошибка: ибо Мстиславъ Изяславичь вошелъ не медля по смерти Ростислава, а Ростиславъ, положительно извѣстно, умеръ въ 1167 году, въ Мартѣ. Ясно, что и Мстиславъ пришелъ въ Кіевъ въ томъ же году 1167, а въ 1168 г.. 2 Марта онъ пошелъ уже на Половцевъ *изъ* Кіева, въ Л. все здѣсь сокращено и сбито о Кіевскихъ происшествіяхъ.

К.	И.	В.	Н.	По нашимъ выводамъ.
1168 (33)	1169-2 (34)	1169-2	1167в..	Мая 15, Понед. 1166.
—	1169-2	1169-2	—	.....1167.
—	1169-2	1169-2	1167в..	въ Сент. 1167.
—	—	1169-2	1167в..	1167—1168.
—	1170-2	1170-2	1167 (35)	Мар. 2, въ Субб. 1168.
—	1170-2	1170-2	—	Мар. 7, въ Четв. 1168.
—	1170-2	1170-2	1168в..	Апр. 14, Воскр. 1168.
—	—	—	1168в..	послѣ Апр. 1168.
—	—	—	1168в. (36)	въ нач. 1169.
1168в..	1170-2	1169-1	1168в...	въ концѣ 1168.
1169в..	1171-2	1170-1	—	въ Мар. 1169.
—	—	—	1169в...	.....1169.

(34) Здѣсь начинаетъ уходить Кіевская Лѣтопись по И. двумя годами впередъ. Также и въ В.

(35) Ошибка ничтожная— въ одномъ днѣ.

(36) Вѣрно въ Н.: ибо конецъ 1168 года Мартовскаго соотвѣтствуетъ началу Генварскаго 1169.

Выгнанъ Епископъ Θеодорецъ изъ Володиміра . . . . . Л.

Походъ Глѣба на Половцевъ изъ Кіева. . .

Въ то же лѣто на зиму Андреева рать ходила на Новгородъ . . . . . .

Отражена (*по Н. Февр.* 25 *въ Середу*) . . .

Умеръ Володиміръ Андреевичь 8,

Погребенъ В. А. въ Кіевѣ (*Февраля* 21 *въ Субботу на* 1 *недѣлѣ Поста по И.*). . . . . —

Мстиславъ приходилъ на Кіевъ и отошелъ второй недѣли по великомъ днѣ въ Понедѣльникъ. —

Смерть Мстислава Изяславича въ Володимірѣ Волынскомъ (по И. Августа 19) . . . . . .

Святославъ Ростиславичь умеръ, воюя Новогородскую область . . . . . —

Новогородцы указали путь Роману, просили Князя у Андрея, и онъ далъ имъ Рюрика, который, выѣхавъ Августа 8, пріѣхалъ къ нимъ Октября 4 по И.) . . . . . —

Родился у Мстислава Андреевича сынъ Василій 9,

Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ Генваря 20 по И.. . 80,

Владиміръ Мстиславичь сѣлъ въ Кіевѣ (Февр. 15 на Масляницѣ по И.). . . . . —

Походъ Андреевой рати на Болгаръ . . . .

Рюрикъ лишилъ посадничества Жирослава, который бѣжалъ въ Володиміръ къ Андрею . —

---

(37) Также.

(38) Новогородскій походъ Кіевская Лѣтопись помѣщаетъ совершенно неправильно (равно какъ и Половецкій, Глѣбовъ); а въ этомъ случаѣ она соединила еще походъ съ отраженіемъ.

(39) Здѣсь Суздальская по Л. начинаетъ уходить годомъ впередъ: Глѣбъ умеръ въ Генварѣ 1171 года: ибо, даже по ея соб-

К.	И.	В.	Н.	По нашимъ выводамъ.
1169...	1172-3	1170-1	—	.....*1169.*
1169...	1172-3	1170-1	—	.....*1169.*
1169в...	1173-4 (37)	1170-1	1169в...	въ кон. 1169.
1169 (38)	1173-3	1170	1169в..	Февр. 25, въ Середу 1170.
1170*в*...	1171-1	1170...	—	Генв. 28, 1170.
—	1171-1	—	—	Февр. 21, въ Субботу 1170.
—	1171-1	—	—	въ Апр. 1170.
1170*в*...	1172-2	1171...	1170*в*...	въ Авг. 1170.
—	1172...	—	—	
—	1173-3	1171...	1170в...	Окт. 4, 1170.
1171...	1172-1	1171...	—	.....*1171.*
1172-1 (39)	1173-2	1172...	1170*в*.(40)	Генв. 20, 1171.
—	1173-1	—	1170*в*. (41)	Февр 15, 1171.
1172-1 (42)	1173...	1172...	—	.....1171.
—	—	—	1171...	.....*1171.*

ственному сказанію, онъ посаженъ былъ въ 1169 (въ Мартѣ), а «княжи въ Кіевѣ два лѣта».

(40) Вѣрно, см. прим. 36.

(41) Также.

(42) Кіевская годомъ впередъ, какъ и выше, см. прим. 39. Мстиславъ Андреевичь умеръ навѣрное въ Мартѣ 1172, а рать была еще съ нимъ зимою, слѣдов. въ 1171 г.

Владиміръ умеръ въ Кіевѣ, просидя 4 мѣсяца (Мая 30 въ Воскресенье на Русальной недѣлѣ по И.) . . . . . Л. —

Андрей далъ Кіевъ Роману (въ началѣ Іюля по И.) . . . . . .

Мстиславъ Андреевичь умеръ въ Володимірѣ *Марта* 28 (по И. и В. *во Вторникъ*). 81,

Рюрикъ вышелъ изъ Новагорода, Великимъ Постомъ 82,

Родился у него въ Пятницу на Вербной недѣлѣ сынъ, на дорогѣ изъ Новагорода. . . . . —

Андрей прислалъ Жирослава посадничать въ Новгородъ . . . . . —

Прибылъ отъ Андрея въ Новгородъ Княземъ сынъ его Георгій . . . . . .

Андрей не поладилъ съ Ростиславичами, которые не хотѣли ему выдать требованныхъ имъ мужей. . . . . .

Троекратное его посольство и отвѣты . . . —

Андрей отдалъ между тѣмъ Кіевъ брату Михалку, который уступилъ его меньшему брату Всеволоду . . . . . —

Ростиславичи взяли Кіевъ изгономъ. . . . .

Рать Андреева на Ростиславичей. . . . . .

Отраженіе отъ Вышегорода. . . . . .

Кіевъ переходитъ изъ рукъ въ руки у Ярослава и Святослава . . . . . —

Ростиславичи, смирясь, просятъ себѣ Кіева.

Умерщвленіе Андрея, Іюня 29, въ Субботу.

---

(43) Писецъ Л. перепутался здѣсь вовсе, поставя бѣгство Рюрика въ одинъ годъ съ прибытіемъ въ Новгородъ Георгія, съ походомъ Георгія въ помощь къ отцу подъ Кіевъ и съ осадою Кіева.

К.	И.	В.	Н.	По нашимъ выводамъ.
	1174-2	—	1171*в*...	Мая 30 въ Воскрес. 1171.
1172-1	1174-3	1172-1	—	въ нач. Іюля 1171.
1173-1	1173-1	1173...	—	Марта 28, Вторн. 1172.
1174-3 (43)	1173-1	1174...	1171 (44)	Зимою 1172.
—	1173...	—	—	Апр. 13, *1172*.
—	—	—	1171 (44)	.....*1172*.
1174-2	1173...	1174...	1172...	.....*1172*.
1174...	1174-2	1174-2	—	.....*1172*.
—	1174-2	—	—	.....1172.
—	1174-2	—	—	.....1172.
1174-1	1174-2	—	—	.....1172.
1174-1	1174-1	1174-1	1173*в*..	Сент. 8, 1173
1174-1	1174-1	1174-1	1173*в*.	въ Нояб. 1173.
—	1174...	1175-1	—	въ нач. 1174.
1175-1	1174...	1175-1	—	.....1174.
1175-1	1175-1	1175-1	1174*в*..	Іюня 29, въ Субб. 1174.

(44) Это могло быть въ концѣ, напр., въ Февралѣ мѣсяцѣ 1171, который, Мартовскаго года, принадлежалъ уже къ 1172 Генварскому году.

Мы привели происшествія въ порядокъ естественный; теперь намъ надобно установить ихъ хронологически. Они помѣщены въ Лѣтописяхъ, какъ мы выше замѣтили, подъ разными годами: которымъ же вѣрить?

Выберемъ тѣ событія, кои обозначены не только годомъ, но и мѣсяцемъ, числомъ, съ *недѣльнымъ днемъ*,— какъ такія, которыя положительно провѣрить и опредѣлить можно.

Благоволятъ читатели обратить вниманіе на тѣ, кои напечатаны въ нашей таблицѣ курсивомъ.

Шестнадцать происшествій, кои опредѣлить можно вѣрно— это уже достаточное пособіе для опредѣленія, по крайней мѣрѣ, приблизительнаго, для всѣхъ прочихъ. Начнемъ же наши повѣрки:

Юрій умеръ,— говоритъ Кіевская Лѣтопись по Ипат. списку,— Мая 15 въ Середу, въ 1158 г., а по В.— въ 1157 г.

Число и день я принимаю здѣсь, какъ и вездѣ, вѣрными, какъ записанныя во время самаго событія: должно отыскать только, въ которомъ году 15 Мая приходилось въ Середу?

Беру «Хронологическія таблицы» Г. Хавскаго, объ употребленіи коихъ долженъ предупредить читателя. Объ нихъ происходитъ теперь споръ между нашими Учеными, которые говорятъ, что Мартовскій годъ отстаетъ отъ Генварскаго, вопреки Г. Хавскому, утверждающему, что онъ идетъ впередъ передъ Генварскимъ (т. е. Мартовскій годъ теперь, по его мнѣнію, идетъ уже 1850, а по мнѣнію прочихъ—онъ есть 1849, прихватывая къ себѣ еще будущіе Генварь и Февраль 1850 Генварскаго года).

До этого спора мнѣ *пока* нѣтъ нужды: ибо онъ не касается моего дѣла. Правъ ли, не правъ ли Г. Хавскій, таблицы его могутъ быть употребляемы для хронологическихъ повѣрокъ такимъ образомъ:

Нынѣ Середа, Іюля 1849 года. Отыщемъ нынѣшній 1849 годъ (№ 21, книга II): Пасха Апрѣля 3; а на оборотѣ, въ послѣднемъ къ правому краю отдѣленіи, подъ заглавіемъ: Генварскій перво-вторый годъ, находимъ: 1 Іюля въ Пятницу, а 6 въ Середу. Точно такъ и есть.

По этому примѣру, слѣдовательно, мы можемъ смѣло повѣрять и прочія указанія, отыскивая, въ какомъ году такое-то число приходилось въ такой-то день. Если нынѣшній 1849 годъ во всѣхъ своихъ мѣсяцахъ соотвѣтствуетъ у Г. Хавскаго 7357, то и 1749, 1649, 1149, и прочіе соотвѣтствуютъ противопоставленнымъ своимъ годамъ. (Такъ разсуждаю я сначала). Всѣ ошибки, кои могутъ произойти при переводѣ года отъ С. М. на годъ отъ Р. Х., и Мартовскаго стараго года на Генварскій нынѣшній, равно какъ и прежнія ошибки, если онѣ были въ сихъ уже случаяхъ, — минуютъ и уничтожаются *сами собою*, по крайней мѣрѣ, когда рѣчь идетъ о мѣсяцахъ Мартѣ, Апрѣлѣ, Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ.

Намъ надобно отыскать, когда приходилось 15 Мая въ Середу.

Мая 15 въ Середу было въ Генварскомъ=1157 году. Кн. II, Таблица № 1. Станемъ продолжать.

Изяславъ Давидовичь вступилъ въ Кіевъ Мая 19, въ недѣлю Пентикотную— въ 1157 году (45). Ibid.

Андрей заложилъ церковь Св. Богородицы въ Володимірѣ Апрѣля 8, во Вторникъ, — въ 1158 г. Кн. II. № 2.

Ростиславъ вступилъ въ Кіевъ по изгнаніи Изяслава Давидовича, Апрѣля 12, въ Свѣтлое Воскресенье— въ 1159. Кн. II. т. 3. (46).

Изяславъ Давидовичь осадилъ Ростислава въ Кіевѣ Февраля 8, въ Середу — въ 1161 г. Кн. II, т. 5.

Изяславъ Давидовичь, убитый подъ Бѣлымгородомъ, погребенъ Марта 13, въ Понедѣльникъ— въ 1161 г. Ibid.

Мстиславъ Изяславичь занялъ Кіевъ Мая 15 въ Понедѣльникъ— 1167 г. Кн. II, т. 11.

---

(45) Эти два числа подтверждаются еще одно другимъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: у Г. Хавскаго Троицкое Воскресенье Мая 19 въ 1157 Генварскомъ году, а не въ Мартовскомъ; въ Мартовскомъ же—въ 1158. Въ Лѣтописи годъ считается Мартовскій, а Троицкое Воскресенье приходится въ то же число, что и въ Генварскомъ: ясно, что въ Мартовскомъ и Генварскомъ году Пасха бываетъ въ одно и то же число, слѣдовательно Мартовскій древній годъ моложе Генварскаго, а не старше. Если бы онъ былъ старше, то Пасха была бы въ разныя числа, какъ у Г. Хавскаго; а этого не было, слѣд. Г. Хавскій не правъ.

(46) Здѣсь нахожу я вѣрное доказательство неправильности мнѣнія Г. Хавскаго: Апрѣля 12 приходилось точно въ Воскресенье по его Таблицамъ, въ 1159 г.; но это Воскресенье по Лѣтописи было Свѣтлое, а по таблицѣ Г. Хавскаго — Свѣтлое въ Мартовскомъ 6667=1159 году было Апрѣля 20; 12-го же Апрѣля Свѣтлое Воскресенье въ Мартовскомъ уже 1160 году. Ясно ли, что Мартовскій годъ отставалъ отъ Генварскаго двумя мѣсяцами, а не перегонялъ его десятью, какъ думаетъ Г. Хавскій?

Мстиславъ пошелъ на Половцевъ изъ Кіева, Марта 2 въ Субботу на Средохрестной недѣлѣ въ 1168 г. Кн. II, т. 12 (47).

Ярополкъ Изяславичь умеръ Марта 7, въ Четвергъ на Средохрестной недѣлѣ — въ 1168 г. (48) Кн. II, т. 12.

Кіевъ взятъ Андреевою ратью и посаженъ Глѣбъ Марта 8 въ Середу на второй недѣлѣ Поста. Ни въ одномъ изъ близкихъ лѣтъ Марта 8 не приходилось въ Середу. Слѣдов. взятіе было послѣ 1168 г., когда Мстиславъ ходилъ изъ Кіева, и прежде Февраля 1170, когда Андреева рать была отражена уже отъ Новагорода, слѣд. въ 1169 г. Тогда Марта 8 приходилось въ Субботу, а 12 было въ Середу: слѣдовательно ошибка въ Лѣтописяхъ или въ днѣ (Середа вмѣсто Субботы) или въ числѣ (8 вмѣсто 12) (49).

Пришелъ въ Новгородъ Романъ Мстиславичь Апрѣля 14 въ Воскресенье — 6676=1168 г. Кн. II, т. 12.

Умеръ Кн. Владиміръ Андреевичь и похороненъ въ Кіевѣ, Февраля 15, въ Субботу на 1 недѣлѣ Поста, 1169 г. Кн. II, т. 13. Но въ 1169 г.

---

(47) Еще доказательство противъ Г. Хавскаго. Въ 1168 Мартовскемъ году Пасха была Марта 31, и слѣдов. Марта 2 приходилось въ Субботу на Средохрестной недѣлѣ, а по его Таблицамъ—опять Марта 31 Пасха приходится въ 1169 Мартовскомъ году: въ 1169 г. Мстиславъ, воротившійся изъ Половецкаго похода, былъ уже изгнанъ и изъ Кіева

(48) Опять два числа, кои подтверждаются еще и одно другимъ.

(49) Еще доказательство, не смотря на ошибку въ Лѣтописяхъ, противъ Г. Хавскаго: Пасха въ 1169 Мартовскомъ году была 20 Апрѣля, (а потому и вторая недѣля была въ первыхъ числахъ Марта, а не Марта 31, какъ у него выходитъ.

не могъ умереть Владиміръ, ибо тогда еще была рать Андреева; онъ умеръ, слѣдовательно, въ 1170 г., когда Мстиславъ Изяславичь приходилъ къ Кіеву изъ Володиміра, когда сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ уже Глѣбъ, пославшій Игумена Печерскаго за его тѣломъ. Слѣд. Февраля 15 назначено въ К. по ошибкѣ. Это число въ самомъ дѣлѣ и поправлено въ другомъ спискѣ на 21, а 21 точно было въ Субботу въ 1170 г. К. II, т. 14.

Новогородцы съ Романомъ отразили рать Андрееву, Февраля 25, въ Середу, въ 1170 г. К. II, т. 14.

Умеръ въ Кіевѣ Володиміръ Мстиславичь Мая 30 въ Воскресенье, въ 1171 г. Кн. II, т. 15.

Умеръ Мстиславъ Андреевичь Марта 28, во Вторникъ, въ 1172 г. Кн. II, т. 16

Убитъ В. К. Андрей Боголюбскій, Іюня 29 въ Субботу, въ 1174. Кн. II, т. 18.

Всѣ сіи найденныя числа въ показанныхъ годахъ находятся и въ Руководствѣ Тромонина, страница 11.

Въ Лѣтописяхъ встрѣчаются еще часто мѣсячныя числа, хотя и безъ означенія дней. Мы можемъ теперь опредѣлить многія, сравнительно съ вышеопредѣленными. Соберемъ ихъ:

К. *Марта* 14 *умеръ, а* 21 *погребенъ во гробъ В. К. Ростиславъ, на пути изъ Новагорода въ Смоленскъ*— это должно быть *въ* 1167 *г.* (50): ибо Мая

---

(50) Намъ не надобно смотрѣть теперь, подъ какими годами эти происшествія показаны въ Лѣтописяхъ; мы опредѣляемъ ихъ

15, 1167 г., въ Понедѣльникъ, вступилъ въ Кіевъ, знаемъ мы положительно, *послѣ* Ростиславовой смерти Мстиславъ Изяславичь.

К. *Декабря* 22 *Мстиславъ Изяславичь, послѣ побѣды надъ Изяславомъ Давидовичемъ, вступилъ въ Кіевъ*— это должно быть *въ* 1158 *г.:* ибо мы знаемъ положительно, что Ростиславъ, приглашенный имъ съ братьею, прибылъ въ Кіевъ 1159 г. Апрѣля 12, на Пасху.

К. *Февраля* 12 *Изяславъ Давидовичь вступилъ въ Кіевъ — въ* 1161 *г.:* ибо Февраля 8, въ Середу, онъ началъ приступы.

К. *Марта* 6 *убитъ подъ Бѣлымгородомъ Изяславъ Давидовичь* — это должно быть *въ* 1161 *году:* ибо мы знаемъ положительно, что 1161 Марта 13, въ Понедѣльникъ, онъ былъ погребенъ.

К. Въ Понедѣльникъ по Пасхѣ *отошелъ Мстиславъ Изяславичь отъ Кіева*— вѣрно въ Апрѣлѣ 1170 г.: ибо Володиміръ Андреевичь погребенъ былъ въ Кіевѣ 1170 г., Февраля 21 въ Субботу, а для его погребенія не отпускалъ дружины Давидъ Вышегородскій, опасаясь нападенія Мстиславова.

Августа 19 *умеръ Мстиславъ Изяславичь въ Володимірѣ,* разумѣется въ томъ же 1170 *г.:* ибо смерть его показана тотчасъ по возвращеніи изъ похода, а походъ въ одинъ годъ съ погребеніемъ Володиміра Андреевича, а Володиміръ Андреевичь погребенъ Февраля 21, въ Субботу, 1170 года.

Генваря 20 *умеръ Глѣбъ*, В. *К. Кіевскій,* и

прямо по отношенію ихъ къ тѣмъ, кои нами уже опредѣлены навѣрное.

Февраля 15 *пришелъ на Кіевскій столъ Володимиръ Мстиславичь* — вѣрно въ 1171 г.: ибо 1171 г. Мая 30 въ Воскресенье умеръ Володимиръ Мстиславичь, проживъ тамъ три мѣсяца съ половиною, а Глѣбъ княжилъ два года, что такъ и выходитъ съ Марта 1169 г.

Въ началѣ Іюля Романъ Ростиславичь прибылъ въ Кіевъ, по призванію В. К. Андрея, — *въ* 1171 *г.:* ибо это прибытіе должно было послѣдовать тотчасъ по кончинѣ Володиміра Мстиславича, которому и при жизни не хотѣлъ предоставить Кіева В. К. Андрей.

Итакъ вотъ еще десять опредѣленій, коими мы смѣло можемъ пополнить таблицу положительно извѣстныхъ по времени дѣйствій Андреевыхъ, или имѣющихъ къ нему отношеніе. Но мы подождемъ ихъ вставлять: потому что можемъ присоединить къ нимъ еще нѣсколько, употребя другія соображенія. Читатели благоволятъ не забывать, что я все еще не обращаю никакого вниманія на года, указываемые Лѣтописями, а открываю ихъ посредствомъ соображеній и первыхъ, провѣренныхъ днями, чиселъ.

Н. *Новогородцы,* передъ прибытіемъ Романа (1168 г. Апрѣля 14 въ Воскресенье), сидѣли безъ Князя отъ Семена дня до Великаго дня: слѣдовательно они *изгнали Святослава Ростиславича въ Сентябрѣ* 1167 *года.*

Н. Слѣдовательно *походъ Святослава на Волгу, сожженіе Торжка, Лукъ, требованіе Андреево, чтобъ былъ принятъ Святославъ опять, прегражденіе пути Посламъ Новогородскимъ, приступъ къ Русь, въ концѣ* 1167 *года* (отъ Сентября) *и началѣ* 1168 (до Апрѣля).

Н. *Походъ Новогородцевъ къ Полоцку въ* 1168 *послѣ Апрѣля.*

Н. *Походъ Романа къ Торопцу въ Февралѣ* 1169, ибо объ немъ сказано: «тому же лѣту исходящу (1168-му) на весну».

Н. *Сраженіе Даньслава Лазутинича съ Андреевымъ полкомъ въ* 1169 *г.*: ибо

Н. Въ то же лѣто, слѣд. 1169, *на зиму разоряла рать Андреева владѣнія Новогородскія,* а Февраля 25, слѣд. уже въ 1170 г., въ Середу отражена уже была она отъ Новагорода, какъ извѣстно положительно.

Н. *Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ Октября* 4, (а К.: *пошелъ туда Августа* 8) *въ* 1170 *г., по волѣ В. К. Андрея:* ибо это назначеніе послѣдовало послѣ отраженія рати Андреевой, бывшаго въ Февралѣ 1170 г.

А когда *Рюрикъ оставилъ Новгородъ? Великимъ Постомъ,* сказано въ К. Еще признакъ: *На возвратномъ пути на Вербной недѣлѣ въ Пятницу, въ Луческѣ, городѣ Смоленскаго Княжества, жена родила ему сына.* Но котораго года, 1171 или 1172? т. е. сколько времени пробылъ Рюрикъ въ Новѣгородѣ? Четыре мѣсяца только, или съ годомъ? Не можемъ ли мы судить о томъ по количеству его дѣйствій? Рюрикъ въ 1171 г. отнялъ посадничество у Жирослава, и выгналъ его изъ города, а тотъ ушелъ къ Андрею; на зиму же, сказано въ Н., ушелъ и самъ Рюрикъ. Георгій прибылъ отъ Андрея уже въ 1172 году. Если Рюрикъ прибылъ въ Октябрѣ 1170: то не могъ онъ тотчасъ не поладить съ Андреемъ. Онъ выгналъ Жирослава, безъ сомнѣнія, на другой

годъ, какъ и записано въ Н. На зиму же т. е. на зиму 1171 Мартовскаго года, пошелъ онъ изъ Новагорода, и Великимъ Постомъ, который принадлежалъ уже къ началу 1172 года, жена родила ему сына, на Вербной недѣлѣ въ Пятницу, вѣрно Апрѣля 7. Потому и Георгій является въ Новѣгородѣ отъ Андрея въ 1172.

Еще можно опредѣлить, хотя также не навѣрное, а впредь до подтвержденія отъинуда: помощь Андрееву зятю его Святославу Володиміровичу Вщижскому, и начало его непріязни съ Новымгородомъ.

Посредствующимъ лицемъ былъ здѣсь Изяславъ Давидовичь. Онъ былъ выгнанъ изъ Кіева, какъ мы знаемъ положительно, 1158 г. Декабря 22, а въ 1161 г. Февраля 8, онъ подступилъ опять къ Кіеву. Посему слѣдующія происшествія случились въ теченіе двухъ лѣтъ между сими двумя границами:

Изгнанный изъ Кіева Изяславъ занялъ Вятичи.

Съ Полоцкою помощью ходилъ къ Чернигову.

Отъѣхалъ, отраженный, въ поле.

Приступалъ опять къ Чернигову.

Ушелъ за Десну, къ Вырю, къ Зарытину, къ Вщижу.

Зимою ходилъ на Смоленскъ, и оттуда посылалъ къ Андрею просить у него дочери за племянника Святослава Володиміровича Вщижскаго.

Князья Русскіе пришли и осадили Вщижъ.

Изяславъ послалъ просить помощи у Андрея.

Андрей послалъ помощь съ сыномъ Изяславомъ.

Князья заключили миръ и отступили.

Изяславъ снимался на Волокѣ съ Андреемъ.

Андрей послалъ сказать Новогородцамъ, что хочетъ искать себѣ Новагорода.

(Послѣ того Изяславъ снимался съ Половцами нѣсколько разъ, и искалъ себѣ союзниковъ между Князьями).

Эти происшествія, по всѣмъ вѣроятіямъ, можно отнести къ 1159 (а послѣднія сношенія Изяслава — къ 1160). Согласно съ симъ, и Новогородцы, выгнавъ Святослава Ростиславича, обратились за Княземъ къ Андрею, который, послѣ разныхъ переговоровъ, далъ имъ племянника, прибывшаго Іюня 21, 1160 года. Лѣтопись по В. списку и К., уходя годомъ впередъ, подтверждаетъ наше предположеніе.

Владиміръ Мстиславичь обращался къ Андрею, и послалъ къ Глѣбу Рязанскому, по изгнаніи Мстиславомъ, слѣд. *послѣ Мая* 15, 1167 *г.*

Рать Андреева на Болгаръ должна быть *въ* 1171 .: ибо въ ней участвовалъ Мстиславъ, сынъ его, а Мстиславъ умеръ 1172, Марта 28.

Наконецъ можно опредѣлить приблизительно послѣднія происшествія изъ жизни Андреевой слѣдующимъ образомъ:

Андрей убитъ Іюня 29, 1174 г. въ Субботу. Это положеніе вѣрное.

Слѣдовательно послѣдняя рать его на Кіевъ, пришедшая туда на день Рождества Божія Матери, т. е. Сентября 8, какъ говоритъ К., принадлежитъ къ 1173 г.

Девять недѣль стояла она подъ Вышгородомъ, слѣд. была отражена около 8 Ноября.

Между 8 Ноября 1173 и смертію Андрея въ Іюнѣ 1174, занялъ Кіевъ Ярославъ Луцкій, потомъ отнялъ у него изгономъ Святославъ Всеволодовичь, и опять Ярославъ; Ростиславичи, отразивъ Андрея, принуждены были смириться, и просить у него же Кіева брату Роману. Андрей велѣлъ пождать, и былъ убитъ.

Рать Андреева пришла Сентября 8 подъ Кіевъ въ 1173 г.: слѣд. вышла изъ Володиміра въ началѣ Іюня, а собралась въ началѣ весны; слѣдовательно переговоры Андрея съ Ростиславичами и троекратное посольство принадлежатъ къ 1172 г.

Размѣстимъ теперь всѣ отысканные нами годы по первой вѣрной нашей таблицѣ, и мы получимъ ее въ слѣдующемъ дополненномъ видѣ:

1157. Мая 15, въ Середу, умеръ Юрій.

1157. Мая 19, въ Воскресенье, вступилъ въ Кіевъ Изяславъ Давидовичь.

1158. Апрѣля 8, во Вторникъ, заложилъ церковь въ Володимірѣ В. К. Андрей.

1158. Декабря 22, Мстиславъ, прогнавъ Изяслава Давидовича, вступилъ въ Кіевъ.

1159. Апрѣля 12, Свѣтлое Воскресенье, Ростиславъ пришелъ въ Кіевъ.

1159. Изяславъ просилъ у Андрея дочери за племянника Святослава Вщижскаго. Русскіе Князья осадили его. Андрей прислалъ помощь съ сыномъ. Послалъ сказать что хочетъ искать Новагорода.

1160. Іюня 21, введенъ въ Новгородъ Мстиславъ Ростиславичь отъ Андрея.

1161. Февраля 8, Середа, Изяславъ Давидовичь приступилъ на Ростислава къ Кіеву.

1161. Февраля 12, Изяславъ Давидовичь вошелъ въ Кіевъ.

1161. Марта 6, Изяславъ Давидовичь убитъ.

1161. Марта 13, Изяславъ Давыдовичь погребенъ.

1161. Іюня 14, выведенъ изъ Новагорода Андреемъ Мстиславъ Ростиславичь.

1161. Сентября 28, Святославъ Ростиславичь, по согласію съ Андреемъ, введенъ въ Новгородъ.

1167. Марта 21, умеръ Ростиславъ на дорогѣ изъ Новагорода въ Смоленскъ.

1167. Мая 15, въ Понедѣльникъ, вступилъ Мстиславъ Изяславичь въ Кіевъ.

1167. Володиміръ Мстиславичь обращался къ Андрею, а послалъ отъ него къ Глѣбу Рязанскому.

1167. Въ Сентябрѣ, изгнанъ Святославъ Ростиславичь.

1167—1168. Походы на Волгу, сожженіе Торческа, Лукъ, къ Русѣ.

1168. Марта 2, въ Субботу, Мстиславъ выступилъ въ походъ изъ Кіева на Половцевъ.

1168. Марта 7, въ Четвергъ, умеръ на дорогѣ Ярополкъ Изяславичь.

1168. Апрѣля 14, въ Воскресенье, пришелъ въ Новгородъ Романъ Мстиславичь.

1168. Новогородцы ходили къ Полоцку.

1169. Въ Февралѣ, Романъ ходилъ съ Новогородцами къ Торопцу.

1169. Въ Мартѣ, взятъ Кіевъ Андреевымъ сыномъ Мстиславомъ.

1169. Сраженіе Даньслава Лазутинича съ Андреевымъ полкомъ.

1170. Генваря 28, умеръ Володиміръ Андреевичь въ Дорогобужѣ.

1170. Февраля 15, въ Субботу, погребенъ Володиміръ Андреевичь въ Кіевѣ.

1170. Февраля 25, отраженіе Андреевой рати отъ Новагорода.

1170. Въ Понедѣльникъ по Пасхѣ, приходилъ Мстиславъ въ Кіевъ, взялъ ряды и отошелъ въ Апрѣлѣ.

1170. Августа 8, Рюрикъ пошелъ въ Новгородъ.

1170. Августа 19, умеръ Мстиславъ Изяславичь въ Володимірѣ.

1170. Октября 4, Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ.

1171. Генваря 20, умеръ Глѣбъ въ Кіевѣ.

1171. Февраля 15, пришелъ въ Кіевъ Володиміръ Мстиславичь.

1171. Марта 28, во Вторникъ, умеръ Мстиславъ Андреевичь въ Володимірѣ.

1171. Мая 30, въ Воскресенье, умеръ Володиміръ Мстиславичь въ Кіевѣ.

1171. Въ началѣ Іюля, Романъ пришелъ въ Кіевъ.

1172. Рюрикъ вышелъ изъ Новагорода Великимъ Постомъ.

1172. Апрѣля 7, жена родила ему сына въ Лучинѣ.

1172. Переговоры и ссора Андрея съ Ростиславичами.

1173. Рать Андреева на Ростиславичей. Сентября 8 пришла она къ Кіеву, а около Ноября 8 отражена отъ Вышгорода.

1174. Іюня 29, въ Субботу, умерщвленіе Андрея.

Сравнимъ теперь наши провѣренные и отысканные года съ годами Лѣтописей, въ первой предпосланной таблицѣ, на кои *теперь* просимъ обратить вниманіе читателей. Начнемъ съ Новогородской Лѣтописи.

Что же мы увидилъ здѣсь? Наши года Новогородскихъ происшествій совершенно сходны съ ея годами. Благоволятъ читатели сравнить означенные тамъ буквою в. (вѣрно).

Слѣдовательно, мы смѣло можемъ принять остальные годы ея (которыхъ нѣтъ средства провѣрить) за настоящіе: ибо если десять лѣтъ въ двадцати вѣрны, то объ остальныхъ сомнѣваться не льзя, особливо, при отсутствіи положительныхъ возраженій, а именно:

Новогородцы выгнали Мстислава Юрьевича и посадили Святослава Ростиславича въ 1157 г.

Выгнали Святослава, за что Ростиславъ заточилъ Новогородскихъ мужей въ Кіевѣ, въ продолженіи 1160 года до Іюня.

Новогородцы просили у Андрея сына, а онъ далъ имъ племянника Мстислава Ростиславича, который и былъ введенъ Іюня 21, 1160 г.

Андрей уладился съ Ростиславомъ о Новѣгородѣ, и вывелъ племянника, сидѣвшаго годъ безъ недѣли, слѣд. 14 Іюня 1161 года.

А Святославъ введенъ 28 Сентября 1161.

Новогородцы выгнали Святослава Ростиславича 1167.

Рюрикъ отнялъ посадничество у Жирослава, который бѣжалъ къ Андрею, 1171.

Рюрикъ вышелъ изъ Новагорода на зиму 1171.

Андрей прислалъ Жирослава въ Новгородъ, 1171.

Прибылъ въ Новгородъ Георгій Андреевичь, 1172. Срав. выше.

Эти годы можно и должно принять вѣрными и присоединить въ нашей таблицѣ къ прочимъ провѣреннымъ и дознаннымъ.

Теперь обратимся къ Суздальской Лѣтописи по Лаврентьевскому списку, и разсмотримъ прежде происшествія, имѣвшія свое начало въ Суздальскихъ.

Всѣ происшествія, кои провѣрить было можно, оказываются вѣрными до 1170 годовъ, слѣд. и остальныя включительно принять можемъ. Впрочемъ, это отдѣльные случаи, безъ отношенія къ другимъ, и самыя ошибки здѣсь не могутъ быть важными, а именно:

1154. Вступленіе Юрія въ Кіевъ.

1155. Отбытіе Андрея изъ Руси.

1157. Суздальцы и Ростовцы посадили Андрея.

1158. Епископъ Леонъ прибылъ въ Ростовъ.

1159. Ростовцы выгнали Леона.

1159. Смерть Бориса Юрьевича въ Володимірѣ.
1164. Ересь Леонтіева.
1164. Походъ на Болгаръ.
1165. Октября 28, смерть Изяслава Андреевича.
1166. Смерть Ярослава Юрьевича.
1169. Мая 8, изгнанъ Епископъ Ѳеодорецъ.
1162. Сюда же отнесемъ изъ В. изгнаніе братьевъ Андреевыхъ.

Кіевская Лѣтопись, заключающая много особыхъ извѣстій, идетъ годомъ впередъ, а съ 1170 двумя.

Впрочемъ намъ теперь довольно найденныхъ указаній, и мы можемъ уже опредѣлить время всѣхъ происшествій въ княженіе Андреево: благоволятъ читатели обратить вниманіе на послѣдній столбецъ въ первой таблицѣ, куда мы помѣстили, по удобству, наши опредѣленія, рядомъ съ показаніями Лѣтописей.

Провѣривъ тѣ года, кои провѣрить было можно, и опредѣливъ по нимъ, а равно и по аналогіи, остальные, скажемъ наше мнѣніе о Лѣтописяхъ, какъ источникахъ для біографіи Андреевой. Сперва въ отношеніи къ лѣтосчисленію.

Суздальская вѣрна въ Суздальскихъ происшествіяхъ почти вездѣ; и Кіевскія происшествія разставляетъ она также по мѣстамъ, до 1170 года, а

съ этого времени уходитъ годомъ впередъ въ тѣхъ и другихъ, а потомъ и болѣе, пропуская многіе годы безъ описанія, ошибаясь очевидно, что̀ явствуетъ изъ примѣчаній къ вышепредложенной таблицѣ.

Кіевская Лѣтопись во всѣхъ своихъ происшествіяхъ съ самой смерти Юрія идетъ годомъ впередъ, оставаясь вѣрною своей ошибкѣ, однажды сдѣланной. Со смерти Ростислава она начинаетъ уходить двумя, по явной ошибкѣ, которую сдѣлала и Суздальская (см. выше), — и въ 1173, 1174 годахъ обнаруживаетъ совершенное замѣшательство, стѣсняя множество происшествій, своихъ и чужихъ, а именно:

1173. Походъ Андреевъ на Новгородъ и осаду, отступленіе, удаленіе Романа изъ Новагорода, предоставленіе Рюрику, удаленіе Рюрика изъ Новагорода, смерть Глѣба, призваніе Владиміра Мстиславича въ Кіевъ, походъ на Болгаръ, и проч.

А въ 1174. Смерть Владиміра Мая 30, вступленіе Романа въ Кіевъ въ началѣ Іюля, *троекратное* посольство Андрея къ Ростиславичамъ съ отвѣтами, отъѣздъ Романа, занятіе Всеволодомъ, потомъ Ростиславичами, походъ Андреевъ на Кіевъ, осаду Вышгорода (два мѣсяца), занятіе Кіева Ярославомъ, потомъ Святославомъ, и опять Ярославомъ, посольство Ростиславичей къ Андрею, отвѣтъ его, и проч. Не считаю за нужное распространяться послѣ сказаннаго, что всѣ эти происшествія не могли случиться въ тотъ и другой годъ.

Новогородская Лѣтопись вѣрна, какъ мы уже замѣтили, касательно Новогородскихъ происшествій;

чужія происшествія она размѣщаетъ также большею частію правильно, кромѣ немногихъ случаевъ, объясненныхъ съ прочими въ примѣчаніяхъ, куда и благоволитъ обратиться читатель.

Лѣтопись по Воскресенскому списку большею частію вѣрна, изъ чего видно, что въ составъ ея вошелъ вѣрный списокъ Суздальской, Кіевской и Новогородской Лѣтописей.

Отъ чего же происходитъ разница въ хронологическихъ показаніяхъ разныхъ Лѣтописей?

Каждый Лѣтописатель записываетъ свои происшествія. Чужія онъ можетъ присоединять по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ. При размѣщеніи ему легко ошибаться: иногда по необходимости, сокращая извѣстія, и помѣщая происшествіе подъ годъ его начала, а иногда подъ годъ его окончанія, иногда по недоразумѣнію, желанію исправиться, приноровиться, и проч. Разсмотрите, на-примѣръ, въ Кіевской Лѣтописи годъ—

1158. Изяславъ Давидовичь начинаетъ замышлять рать на Юрія, привлекаетъ союзниковъ, идетъ въ походъ. Юрій умираетъ Мая 15. Изяславъ занимаетъ Кіевъ Мая 19, идетъ къ Чернигову, потомъ на снемъ, къ Половцамъ. *Въ томъ же лѣтѣ* Ростовцы и Суздальцы посадили у себя Андрея, Андрей заложилъ въ Володимірѣ церковь Св. Богородицю, Апрѣля 8.

Апрѣль не могъ быть въ одномъ году послѣ Мая. Лѣтописатель или переписчикъ, помѣщая пра-

вильно основаніе церкви въ 1158 Апрѣля 8, во Вторникъ, обнаруживаетъ свою ошибку о смерти Юрія въ томъ же году. Онъ умеръ годомъ прежде, какъ и положительно извѣстно.

1173. Февраля 15, сѣлъ Владиміръ Мстиславичь на столѣ въ Кіевѣ. «Того же лѣта преставися.., Мстиславъ Андреевичь... Володимірѣ... Марта въ 28 день, во Вторникъ». Ясно, что по старому счету не могъ умереть Мстиславъ въ Мартѣ въ одномъ году послѣ Февраля. Ясно, что Лѣтописатель поставилъ происшествіе не на своемъ мѣстѣ.

Или, при описаніи того же года: «того же лѣта исходяща», Романъ узналъ объ отцевской смерти и уѣхалъ изъ Новагорода. А потомъ: въ этомъ же году Андрей далъ Новгородъ Рюрику, который и поѣхалъ 8 Августа, слѣдов. въ срединѣ года. Какъ же могла быть средина послѣ конца?

Обратимся теперь къ самому содержанію Лѣтописей.

Разсматривая Лѣтописи въ этомъ отношеніи, мы видимъ, къ удивленію, что всѣхъ бѣднѣе извѣстіями объ Андреѣ та Лѣтопись, которая должна бы заключать ихъ наиболѣе, а именно Суздальская. Это удивительно тѣмъ болѣе, что первый Лѣтописатель Суздальскій жилъ именно въ Андреево время. Съ другой стороны, сравнивая Лѣтописи между собою, невольно заключаешь, что многія различныя ихъ извѣстія проистекаютъ изъ одного источника,

нося признаки одного происхожденія. Ясно, что первое сочиненіе, безъ сомнѣнія Суздальское, сокращено во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ Л. И. В., такъ или иначе, а въ Суздальской Лѣтописи по Лаврентьевскому и Радзивиловскому спискамъ наиболѣе. Это сказать должно не только о происшествіяхъ внѣшнихъ, въ Кіевѣ или Новѣгородѣ, кои описаны преимущественно въ К. и Н., но даже и о внутреннихъ, Суздальскихъ. Такъ точно изъ Новогородскихъ происшествій многія опущены въ Н., а есть въ К. или С., Кіевскія въ С. и проч., а именно:

1159. Извѣстія о просьбѣ Изяслава Мстиславича къ Андрею и бракѣ его дочери съ Святославомъ Володиміровичемъ Вщижскимъ, о помощи зятю, изложены яснѣе въ В.

1160. О дѣйствіяхъ Ростислава съ Новогородцами— въ И.

1160. О помощи Андреевой Святославу Ростиславичу только въ Н.

1160. Переговоры съ Изяславомъ Давидовичемъ на Волокѣ и весьма важное объявленіе Новогородцамъ: «хочу искать васъ добромъ и лихомъ», принадлежитъ только К.

.... Объ изгнаніи братьевъ— въ В., меньше въ К., а въ С. совсѣмъ нѣтъ.

1161. Объ уговорѣ съ Ростиславомъ и о выводѣ племянника изъ Новагорода, только въ Н. и В.

1168. О неудовольствіи Андреевомъ на Мстислава за отпущеніе сына къ Новогородцамъ только въ К.

1168. О Суздальскихъ схваткахъ съ Новогородцами только въ К.

1169. О взятіи Кіева Андреевой ратью— въ К. гораздо позднѣе, чѣмъ въ С., гдѣ нѣтъ ничего о сраженіи Мстислава, и даже числа, когда взятъ городъ.

1170. О разореніи Новогородской области и осада Новагорода подробнѣе въ Н.

1173. Объ отношеніи Андрея къ Ростиславичамъ подробно въ К., а въ С. только: «непокорившемся Ростиславичамъ».

1174. Второй походъ Андреевъ на Кіевъ и осада Вышгорода подробно въ К., а въ С. только: «пришедше... стояша... не успѣша ничто же»...

1175. Объ убіеніи Андреевомъ— подробности о заговорѣ въ В., объ исполненіи его въ К., а о погребеніи въ С.

Лѣтописецъ Суздальскій имѣлъ Кіевскую Лѣтопись, и нѣкоторыя ея извѣстія вставляетъ у себя буквально, на-примѣръ: о походѣ Половецкомъ Глѣба, о занятіи Кіева Ярославомъ Луцкимъ, но вообще слишкомъ кратко; а въ остальныхъ спискахъ: Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Троицкомъ, сокращены даже собственныя извѣстія.

Лѣтописецъ Кіевскій имѣлъ Суздальскую Лѣтопись, и передаетъ ее довольно подробно, на-примѣръ: о построеніи церкви Андреемъ въ Володимірѣ, объ изгнаніи братьевъ, сохранивъ такія черты, какія не остались въ Лавр. спискѣ.

Лѣтописецъ Новогородскій помѣщаетъ у себя только заглавія произшествій Суздальскихъ и Кіевскихъ.

Лѣтописецъ, коего сочиненіе осталось у насъ въ Воскресенскомъ спискѣ, жилъ послѣ обоихъ, и имѣлъ у себя Лѣтописи Суздальскую, Кіевскую и Новогородскую, изъ коихъ часто помѣщаетъ извѣстія сполна, и многія сохранились у него подробнѣе, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ подлинныхъ Лѣтописей, напр. изъ Н. о взятіи подъ стражу Святослава Ростиславича, объ угрозѣ Андреевой за него Новугороду, объ избраніи ими Романа Мстиславича. Изъ С. объ избраніи Андрея Суздальцами и Ростовцами, о построеніи церкви въ Володимірѣ, объ ереси Леонтіевой, о походѣ подъ Новгородъ, о смерти Святослава Юрьевича. Изъ К. объ отбытіи братьевъ Андреевыхъ въ Грецію, о взятіи Кіева Андреевой ратью, о походѣ Глѣба на Половцевъ.

Обратимся теперь къ самому содержанію дѣйствій Андреевыхъ.

Всѣ событія въ житіи Андреевомъ можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: внутреннія и домашнія дѣйствія, дѣйствія въ отношеніи къ Новугороду, дѣйствія въ отношеніи къ Кіеву или вообще Южной Руси, дѣйствія или происшествія отдѣльныя или особливыя, напрм. походы на Болгаръ и проч.

Начнемъ съ внутреннихъ дѣйствій.

Подъ 1162 г. въ Воскресенскомъ спискѣ Кіевской Лѣтописи находимъ мы извѣстіе: «братію свою погна (Андрей) Мъстислава и Василъка и Михалка

Юрьевичевъ. и два Ростиславича сыновца своя. и мужи отца своего передние. се же сотвори хотя самовластець быти всеи земли Суждальскои».

Къ удивленію, въ Суздальской Лѣтописи этого извѣстія нѣтъ вовсе, а въ Кіевской глухо: «идоста Гюргевича Царюгороду, Мьстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода молодого пояша съ собою третьего брата; и дасть Царь Василкови въ Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана».

Въ *Степен.* и во многихъ Лѣтописяхъ: «аще и многу добродѣтель стяжа (Андрей) къ Богу, но обаче побѣждашеся властолюбіемъ, единодержатель быти желаше всему отеческому наслѣдію». (*Никонов. Лѣт.* сказываетъ намъ, что Андреевы домашніе поссорили братьевъ).

Изъ этого дѣйствія мы видимъ, что Андрей хотѣлъ владѣть одинъ въ Суздальской землѣ, и ни съ кѣмъ не раздѣлять власти своей. Въ Василькѣ же онъ могъ видѣть соперника, ибо ему прежде отдавалъ Юрій это Княжество, и вообще оно должно было принадлежать меньшимъ его братьямъ, т. е. Михалку и Всеволоду. Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что прочихъ братьевъ своихъ, которыхъ, видно, считалъ не опасными, онъ оставилъ у себя въ Володимірѣ. Можетъ быть даже, въ этомъ изгнаніи принимали участіе сами Ростовцы и Суздальцы, чтобъ не имѣть въ нихъ себѣ будущихъ местниковъ. Такъ въ послѣдствіи Владимірцы требовали у Всеволода расправы съ Ростиславичами и Князьями Рязанскими. Ярославъ умеръ въ 1166 году. Святославъ въ 1175 г. (Борисъ прежде ихъ всѣхъ,

въ 1159 г.) Замѣтимъ, что за годъ предъ изгнаніемъ, въ 1161 году, Андрей предлагалъ Новогородцамъ въ Князья Мстислава Георгіевича, и когда тѣ отказались, то онъ далъ племянника, Мстислава Ростиславича. Вѣроятно, они провинились или возбудили его подозрѣніе. Это мнѣніе получаетъ вѣроятіе и потому, что выгнаны были и «передніе мужи» отца его, которыхъ, вѣроятно, Андрей не сталъ бы лишаться безъ причины. О самыхъ меньшихъ братьяхъ— Михалкѣ и Василькѣ, ничего не сказано въ Лѣтописи. Всеволода взяла съ собою уже сама мать, Гречанка, которая и отправилась въ Константинополь.

Впрочемъ Андрей не давалъ удѣловъ у себя даже дѣтямъ, чтобъ они, такъ сказать, не мѣшали ему въ его распоряженіяхъ.

Отецъ его, Юрій, *точно также* не давалъ удѣловъ у себя въ Суздальскомъ Княжествѣ своимъ сыновьямъ, и старшій братъ Андреевъ, Ростиславъ, приходилъ къ Изяславу, говоря (1158): «отецъ меня переобидѣлъ, и волость ми не далъ, и пришелъ есмь нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣй насъ въ Володимерихъ внуцѣхъ». А тотъ отвѣчалъ:... «нынѣ же аче отець ти волости не далъ, а язъ ти даю».

Андрей хотѣлъ владѣть одинъ у себя при своемъ животѣ, — и только. Утвердившись дома, онъ распространилъ свои намѣренія и на всю Русь, и требовалъ послушанія и покорности отъ всѣхъ тамошнихъ Князей, какъ прежде Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, а послѣ, болѣе или менѣе, братъ Андреевъ, Всеволодъ, — но ни какихъ дальнѣйшихъ, политическихъ или государственныхъ, за-

мысловъ у него не было и быть не могло, что всего яснѣе окажется при его кончинѣ.

Къ внутреннимъ дѣйствіямъ отнесемъ еще *изгнаніе,* вмѣстѣ съ братьями, въ 1162 г., Епископа Суздальскаго Леона. Андрей далъ ему послѣ Ростовъ, откуда онъ, въ 1164 г., по раздору съ нимъ о Господскихъ праздникахъ, ушелъ въ Грецію.

Въ 1169 г. Андрей *изгналъ* Епископа Ѳеодора, за многія его злодѣянія, изъ Володиміра, и оковавъ, отправилъ къ Митрополиту въ Кіевъ, который велѣлъ его казнить. Такія отношенія свѣтской *власти* къ духовной встрѣчаются часто въ нашей древней Исторіи.

Касательно походовъ на Болгаръ, Юговосточныхъ сосѣдей Суздальскаго Княжества, замѣтимъ, что они были предпринимаемы (1164 и 1171), вѣроятно, съ цѣлію—взять, или увеличить дань, какую платили Болгаре, кажется, еще Юрью. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ извѣстій, а именно о походѣ племянника Андреева Георгія Всеволодовича въ 1220 году, сказано: «(Болгаре) убояшася зѣло и послаша къ нему на Городецъ 3-и (въ третій разъ) посолъ съ молбою великою и з дары многими и съ челобитьемъ, и пріятъ молбу ихъ и взя дары у нихъ, и *управишася по прежнему миру, якоже былъ при отцѣ его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгіи Володимеричи,* и посла съ ними мужи свои,

и водити в роту Князей ихъ и земли ихъ по ихъ закону» (51). Вѣроятно, Болгаре платили дань Суздальскимъ Князьямъ,—можетъ быть, съ похода Кн. Юрія Володиміровича въ 1120 году.

Замѣтимъ, что оба сына Андреевы умерли тотчасъ по возвращеніи изъ походовъ Болгарскихъ: Изяславъ въ 1065, а Мстиславъ въ 1171 году. Не угостили ль они молодыхъ Суздальскихъ Князей ядомъ, какъ сдѣлали они однажды съ Половцами? Подозрѣніе наше, можетъ быть, и не основательно!

Отношенія Андреевы къ Новугороду очень важны и занимательны. Съ самаго водворенія своего въ Володимірѣ онъ увидѣлъ, сколько пользы для себя можетъ онъ извлечь, по своему сосѣдству, изъ этого обширнаго, богатаго и сильнаго Княжества, и сказалъ Новогородцамъ въ 1159 г. прямо: «хочу искать Новагорода добромъ и лихомъ»;—во все продолженіе своего княженія постоянно стремился онъ къ своей цѣли, и достигъ ея: Новгородъ слушался Андрея, сколько онъ хотѣлъ.

«Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене Княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти», сказалъ Андрей въ 1159 г.

«Ино мы великіе Князи», сказалъ Іоаннъ III черезъ три столѣтія, въ 1477 г., «хотимъ государьства своего, какъ есьмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей, великомъ Новѣгородѣ» (52).

---

(51) В. Ч. II, стр. 174.

(52) Софійскій Времени. Ч. II. стр. 188.

Вотъ двѣ границы этой части Новогородской Исторіи, а вотъ и содержаніе между ними: «и оттолѣ (послѣ словъ Андреевыхъ) начаша ся Новогородци мясти и вѣче часто начаша творити».

Андрей, сказавъ это слово, указалъ дорогу своимъ преемникамъ, ступилъ первый шагъ: они пошли по этой дорогѣ, — Князья Володимірскіе, а потомъ еще скорѣе Московскіе, пока наконецъ осталось ступить послѣдній, смѣлый шагъ. — Іоаннъ III Васильевичь ступилъ его, и Новгородъ вошелъ въ составъ новаго Государства Московскаго, которое вскорѣ сдѣлалось— всею Русью.

Андреево слово относится къ 1159 г. На другой годъ Новогородцы уже просили у него сына себѣ въ Князья. Ясно, что слово было взвѣшено, уразумлено, и оказало свое дѣйствіе.

Андрей не захотѣлъ почему-то отпустить сына, и предлагалъ брата, Мстислава, котораго не желали Новогородцы; и тогда онъ далъ имъ племянника, Мстислава Ростиславича.

Въ слѣдующемъ году (1161, Іюня 21) Андрей вывелъ племянника: «уладися Ростиславъ (Великій Князь Кіевскій) съ Андреемъ о Новгородѣ, и выведоста Мстислава... а Святослава Ростиславича введоша опять на всей воли его».

«Уладися» — разумѣется, Андрей уступилъ не даромъ Новгородъ, и вывелъ оттуда племянника: вѣрно, Святославъ обѣщалъ его слушаться и уступалъ какую-нибудь дань, отъ себя или съ назначенной волости, коею Андрей могъ быть довольнымъ.

Въ особомъ сказаніи подъ 27 Ноября: «Воспоминаніе знаменія, бывшаго иконою Пречистыя Владычицы нашей Богородицы въ великомъ Новѣградѣ», — мы находимъ извѣстіе очень вѣроятное, что Андрей бралъ дань съ Двинской области: «Житіе преходящимъ человѣкомъ великого Новаграда, самовластно и никимъ же обладаеми, но якоже выше рѣхомъ, владяще областію своею, якоже и лѣпо бѣ, и Князя имѣюще отъ инѣхъ странъ призванаго (53) въ отмщеніе спротивныхъ. Бѣ же тогда у нихъ Князь Романъ Мстиславичь, внукъ Изяславль. Въ то же время едина отъ власти града того, Двина глаголемая, отметнувшись убо обычную дань даяти Новуграду, но предавшеся Князю Андрею Суздальскому; и Новгородцы же съвѣщавшеся, и данника по обычаю на предреченную Двину послаша, и съ нимъ отъ пяти концовь по сту мужь. Слышавъ же Князь Андрей, ожесточися тѣмже, и пославь на нихъ тысящу и пятьсотъ ратникъ избранныхъ, и начаша переймати на Бѣлѣозерѣ, и съставшимся полку ратному, и начаша битися; и много сѣчи створше, и поразиша остріемъ меча полка Андреева, отъ ратникъ иніи же ранами уязвлени убѣжаша, Новаго же града паде яко 15 мужъ. И тогда той предреченный Князь разгнѣвася, и на ярость больши подвижеся».

Этому извѣстію соотвѣтствуетъ извѣстіе Новогородской Лѣтописи, о коемъ сей часъ будетъ рѣчь:

1169. «Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андреи пълкъ

---

(53) Вотъ отголосокъ о Рюриковомъ призваніи.

свои на нь, и бишася съ ними; и бѣше Новгородьць 400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьць 15 мужь; и отступиша Новгородьци, и опять воротивъшеся възяшя всю дань, а на Суждальскыхъ смьрдѣхъ другую, и придоша здорови вси».

Кого означаютъ здѣсь Суздальскіе смерды? Не Суздальскихъ подданныхъ (т. е. не жителей Суздальскаго Княжества, о которыхъ такъ вообще сказать было бы не льзя), а тѣхъ Новогородскихъ собственно жителей, которые признали надъ собою власть Андрееву, и платили дань Суздалю. Вотъ они Суздальскіе смерды! Данникъ Новогородскій взялъ съ своихъ подданныхъ одну опредѣленную дань, а Суздальскіе смерды должны были заплатить вдвойнѣ: заплативъ одну Андрею, заплатили другую Новугороду.

Замѣтимъ, что и въ послѣдствіи изъ всѣхъ областей Новогородскихъ первая привлекла на себя вниманіе Двинская область, со стороны Московскихъ Князей.

Новогородцы выгнали чрезъ пять лѣтъ Святослава (1167). (Не многіе княжили у нихъ такъ долго: видно, они боялись Андрея и удерживались отъ своего обычая!). Андрей тотчасъ подалъ значительную помощь своему введенцу. Его вои, вмѣстѣ съ Святославовыми, сожгли Торжокъ. Онъ говорилъ Новогородцамъ. «Нѣту вамъ Князя иного, развѣ Святослава»... «силою мѣстяце (его) въ городъ». Андрей объявлялъ прямо свое владычество надъ Новымгородомъ, говоря, что не будетъ имъ никакого Князя, кромѣ того, кого назначилъ онъ. Съ

другой стороны, видно, Святославъ былъ ему слишкомъ угоденъ и полезенъ.

Новогородцы настояли однакожъ на своемъ, и не смотря на всѣ препятствія (заятіе всѣхъ путей), достали себѣ Князя Романа, сына новаго Князя Кіевскаго, Мстислава, противнаго Андрею. Между тѣмъ какъ Андрей послалъ рать на Мстислава, давшаго Новогородцамъ сына, вопреки объявленной его волѣ, Новогородцы воевали союзныя Андрею волости, и имѣли схватку съ Андреевымъ полкомъ за Волокомъ, о коей мы говорили выше (1169). Андрей, отнявъ Кіевъ у Мстислава Изяславича, послалъ рать на Новгородъ, которая опустошила ихъ волости, и наконецъ приступила къ городу, но была отражена и принуждена воротиться съ большимъ для себя урономъ (1170).

Что же? Послѣ такой неудачи Андрей долженъ былъ отказаться отъ своего намѣронія, уменьшить свои тбреованія, смягчиться? Нѣтъ! Смирились Новогородцы, не смотря на свой успѣхъ! Они, вскорѣ, указали отъ себя путь избранному и желанному своему Князю, который помогъ имъ одержать побѣду, Роману Мстиславичу, и попросили себѣ Князя у Андрея.

Такъ вѣрно были разсчитаны дѣйствія Суздальскаго Князя, что ему неудача не причинила никакого вреда, и сила его не ослабла. У Новогородцевъ поднялась ужасная дороговизна отъ опустошеній волости, отъ неурожая, отъ остановленнаго, вѣроятно, подвоза изъ Андреевыхъ волостей (чему примѣры встрѣчаются и послѣ). Андрей далъ имъ

другаго Ростиславича, Рюрика, потому что покровительствуемый имъ Святославъ между тѣмъ умеръ.

Рюрикъ, вскорѣ (1171) по своемъ водвореніи, за что-то отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города. Жирославъ ушелъ въ Суздаль къ Андрею, который, слѣдовательно, имѣлъ уже внутри Новагорода людей, себѣ преданныхъ. Когда Рюрикъ самъ на зиму оставилъ Новгородъ, Новогородцы попросили опять Князя у Андрея, и онъ прислалъ проживавшаго у него Жирослава, съ мужами своими, посадничать.

Посадника назначилъ Андрей,— это уже знакъ великой силы, но еще большей виденъ въ томъ, что къ Новогородскому Посаднику, имъ назначенному, приставилъ онъ своихъ мужей, Суздальскихъ, чего въ Новѣгородѣ прежде никогда не бывало.

Вскорѣ (1172) прибылъ въ Новгородъ и вновь назначенный Князь, сынъ Андреевъ, Георгій.

Самъ Архіепископъ Іоаннъ (Илія), который столь прославился въ Новѣгородѣ при отраженіи Андреевой рати, ходилъ въ томъ же году къ Андрею *въ Володимірѣ* «на всю правду».

Въ 1172 г. зачалася у Андрея новая война противъ Ростиславичей, занявшихъ Кіевъ противъ его воли, о коей мы будемъ говорить особо, и Андрей велѣлъ Новогородцамъ итти къ нему въ помощь. Они пошли съ сыномъ его Георгіемъ.

Такимъ образомъ Андрей исполнилъ свое слово: Новгородъ его слушался, получалъ Князей отъ его руки, платилъ или предоставлялъ ему дань, съ какой-нибудь волости, и подавалъ ему, въ случаѣ нужды, военную помощь.

Теперь обратимся къ Юго-Западной Россіи, гдѣ онъ хотѣлъ властвовать такъ же, какъ и въ Новѣгородѣ.

Андрей оставилъ ее, когда еще было много Князей, которые имѣли право на Кіевъ; но когда это право, вмѣстѣ съ старшинствомъ, стало приближаться къ нему, тогда онъ началъ свои притязанія.

Послѣ смерти отца его Юрія, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ Изяславъ Давидовичь, который и до него былъ еще избранъ Кіевлянами, но потомъ вскорѣ изгнанъ Мстиславомъ Изяславичемъ, призвавшимъ дядю, Ростислава Мстиславича, старшаго двоюроднаго брата Андрею. Ростиславъ жилъ дружно съ Андреемъ, и мы видѣли, что они «уладилися» между собою о Новѣгородѣ. Но когда Ростиславъ умеръ, и пришелъ въ Кіевъ Мстиславъ Изяславичь, то Андрею это показалось уже обиднымъ: ибо онъ, внукъ Мономаховъ, былъ старше Мстислава, правнука, а своего троюроднаго племянника, котораго онъ, впрочемъ, не любилъ издавна. Мстиславъ еще больше навлекъ на себя гнѣвъ его тѣмъ, что далъ Новогородцамъ сына въ Князья, чего Андрей никакъ не хотѣлъ. Прочіе Князья Русскіе, завидовавшіе Мстиславу, Ростиславичи и Ольговичи, побуждали Андрея, и онъ послалъ сильную рать на Кіевъ. Одиннадцать Князей, большею частію Южныхъ, присоединилось къ ней, по личнымъ ихъ отношеніямъ къ Мстиславу: Ростиславичи, Ольговичи, и собственные его братья: Глѣбъ Переяславскій, Всеволодъ, возвратившіеся изъ Константинополя, и племянникъ Мстиславъ Ростиславичь.

Мстиславъ былъ побѣжденъ; Кіевъ взятъ. Предводитель соединенной рати, сынъ Андреевъ, посадилъ на Кіевскій столъ дядю своего Глѣба, Князя Переяславскаго. Такимъ образомъ Кіевъ подвергнулся власти Князя Суздальскаго и достался въ его распоряженіе (1169).

Черезъ два года Глѣбъ умеръ (1171). Ростиславичи, княжившіе кругомъ, безъ вѣдома Андреева, по особеннымъ своимъ видамъ, позвали въ Кіевъ дядю своего Владиміра Мстиславича Дорогобужскаго, который точно былъ тогда старше всѣхъ потомковъ Мономаха, но по своимъ свойствамъ не пользовался никакимъ уваженіемъ. Андрею «не любо бяше сѣденье Володимере Кіевѣ, и насылаше на нь, *веля* ему ити изъ Кіева, а Романови Ростиславичю *веляше* ити Кіеву».

Володиміръ не имѣлъ времени ослушаться, ни послушаться Андрея. Онъ умеръ черезъ три мѣсяца съ небольшимъ (въ Маѣ 1171). Романъ пришелъ въ Кіевъ по приказу Андрееву, но вскорѣ вмѣстѣ съ братьями разсердилъ нареченнаго своего отца. Андрею наговорили, неизвѣстно — справедливо или нѣтъ, на нѣкоторыхъ бояръ, которые будто извели его брата Глѣба, и онъ потребовалъ ихъ выдачи; а Ростиславичи не исполнили его требованія, и даже отпустили главнаго изъ требованныхъ, и Андрей сказалъ имъ слѣдующія слова, показывавшія его отношенія къ Кіеву: «*вы не ходите* въ моей волѣ— поѣзжайте же вонъ въ свою отчину, Смоленскъ, а Кіевъ отдаю брату Михалку». И Романъ, по его слову, выѣхалъ, а прочіе братья попытались-было

просить, но не получивъ отвѣта, заняли изъѣздомъ, Кіевъ, уступленный Михалкомъ меньшему брату, Всеволоду. Всѣ эти происшествія описаны очень ясно въ Лѣтописяхъ, и распространяться объ нихъ не чего. Намъ надобно только изслѣдовать, сколько было посольствъ отъ Андрея — два или три, потому что извѣстія сбивчивы.

Кіевская Лѣтопись говоритъ о трехъ:

1. Андрей прислалъ Михна требовать у Ростиславичей выдачи мужей.

2. Андрей прислалъ сказать: не ходите вы въ моей волѣ— идите же вонъ въ Смоленскъ, а Кіевъ я отдаю брату Михалку.

3. Андрей прислалъ мечника Михна, сказать, чтобы Романъ шелъ въ Смоленскъ, Давидъ въ Черниговъ, а Мстислава чтобы не было въ Русской землѣ.

Первое сомнѣніе происходитъ вотъ отъ чего:

Андрей въ первый разъ прислалъ Михна, и тотъ, съ отвѣтомъ, разумѣется, долженъ былъ воротиться. Со вторымъ приказомъ онъ прислалъ также его, ибо мы видимъ его, тотчасъ послѣ исполненія, въ Кіевѣ со Всеволодомъ: «Ростиславичи въѣхаша въ ночь въ Кіевъ, и яша Всеволода Юрьевича, и Ярополка Юрьева внука, и Ляха Володислава, *и Михна*, и Бояры всѣ»...

Все это могло быть, и сомнѣваться еще не въ чемъ; но въ третьемъ посольствѣ изъ Володиміра опять является Михнъ: «Андрей ражьгся гнѣвомъ и посла *Михна* мечника... къ Ростиславичемъ, рци ты имъ» и проч... Ростиславичи, остригши голову и

обривъ бороду Андрееву послу, отвѣчали..... Андрей, слышавъ *отъ Михна»* (отвѣтъ) и проч.

Какимъ образомъ Михнъ, взятый въ Кіевѣ, послѣ втораго своего посольства, очутился опять въ Володимірѣ, и могъ принять третье порученіе?

Въ Лѣтописи сказано, что Ростиславичи, по занятіи Кіева, урядились съ Михалкомъ, «пустиша Всеволода, а Ярополка не пустиша». О Михнѣ, о дружинѣ, которую выпустить также требовалъ Михалко, не сказано ни слова. Впрочемъ, это могло быть: Михнъ могъ быть выпущенъ, воротиться въ Володиміръ, и пріѣхать съ третьимъ порученіемъ, хотя для всѣхъ сихъ поѣздокъ нужно, разумѣется, болѣе одного года, опредѣляемаго Лѣтописью.

Второе сомнѣніе состоитъ въ слѣдующемъ:

Кіевская Лѣтопись разсказываетъ о первомъ требованіи Андрея, объ отказѣ Ростиславича, о второмъ приказѣ Андрея братьямъ — итти въ Смоленскъ, о послушаніи Романа, о занятіи Кіева братомъ Андреевымъ Всеволодомъ, которому уступилъ его Михалко, о попыткѣ прочихъ Ростиславичей умилостивить Андрея, оставшейся безъ отвѣта, о занятіи ими Кіева изъѣздомъ, о плѣненіи тамъ Всеволода, о договорѣ съ Михалкомъ, — и послѣ всѣхъ сихъ происшествій вдругъ опять повторяетъ: «того же лѣта Андрей, Князь Суждальскый, розгнѣвася на Ростиславичи про Григорья про Хотовичя, зане воли его не учиниша — и се слышавше Ольговичи, поводячи ради быша... и на Ростиславичѣ... Андрей же примъ совѣтъ ихъ... посла Михна», и проч. — Слѣдуетъ третій приказъ Андреевъ.

Ясно, что было два описанія этихъ происшествій, кои Лѣтописатель, редакторъ или переписчикъ, списалъ сряду, а не размѣстилъ по мѣстамъ. Въ такомъ случаѣ, не смѣшались ли у него два посольства вмѣсто одного, и не говоритъ ли Лѣтопись объ одномъ происшествіи два раза, переписавъ сряду два его описанія? Самые приказы, второй и третій, сходны между собою съ перваго взгляда.

Разберемъ всѣ извѣстія.

Первое о выдачѣ Григорья Хотовича несомнѣнно.

Третье, въ слѣдствіе котораго Михнъ остриженъ, также.

Сомнительно второе — было оно, или нѣтъ?

Было. Третій приказъ былъ обращенъ къ Рюрику, Давиду и Мстиславу, а второй — къ Роману, Давиду и Мстиславу. Второй приказъ былъ исполненъ отчасти: ибо Романъ точно оставилъ Кіевъ и уѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ мы его и видимъ во время похода Андревой рати. Да и братья сами засвидѣтельствовали это: «а се брата нашего Романа вывелъ еси изъ Кіева», говорятъ они, «а намъ велишь итти изъ Русской земли».

Эта жалоба была, безъ сомнѣнія, послѣ втораго приказа. Въ слѣдъ за нею Ростиславичи взяли Кіевъ изгономъ, и посадили тамъ Рюрика. Послѣ перваго же посольства дѣла оставались in statu quo. Со вторымъ посланцемъ Андрей приказывалъ Ростиславичамъ итти въ Смоленскъ, а съ третьимъ, когда они взяли Кіевъ, итти вонъ изъ Русской земли.

Развѣ сдѣлать вотъ какое предположеніе для соединенія извѣстій: Андрей потребовалъ съ Мих-

номъ выдачи. Ростиславичи отказались. Андрей прислалъ Михна сказать Роману, чтобъ онъ оставилъ Кіевъ, а Давиду и Мстиславу, чтобъ они оставили Русскую землю. Романъ послушался, а Мстиславъ велѣлъ остричь бороду у посла, послалъ съ нимъ отвѣтъ къ Андрею, и началась война.

Но тогда за чѣмъ бы Ростиславичамъ брать Кіевъ, бывшій еще въ ихъ рукахъ? Какъ могъ бы попасть туда Всеволодъ? Какъ могъ очутиться въ Кіевѣ Михнъ, который, остриженный, былъ отосланъ въ Володиміръ?

Слѣдовательно и это предположеніе не объясняетъ всѣхъ обстоятельствъ.

Странно однакожь, что Андрей въ третьемъ приказѣ не упомянулъ ни слова о взятіи Кіева и плѣненіи брата, а повторяетъ все старое: не «хòдите въ моей воли»...

По всѣмъ симъ соображеніямъ я заключаю опять, что было пространное описаніе княженія Андреева, которое Лѣтописатели различно сократили и неправильно размѣстили, такъ что теперь не достаетъ многихъ среднихъ извѣстій, и оставшіяся представлены сбивчиво. (Сравни сказанное выше о скопленіи всѣхъ сихъ извѣстій *подъ однимъ годомъ* въ Кіевской Лѣтописи, и о замѣшательствѣ въ Суздальской).

Осада Вышгорода Андреевой ратью представляетъ затрудненій еще болѣе. Всѣ полки, не смотря на многія приготовленія къ битвѣ, послѣ долговременной осады, бѣжали вдругъ въ страхѣ и

трепетѣ, лишь только отошелъ отъ нихъ Ярославъ, и осажденному Мстиславу оставалось гнать ихъ и бить, а Андрей со стыдомъ долженъ былъ отказаться отъ своей цѣли. Какъ могло это случиться?

Припомнимъ предыдущія обстоятельства:

Андрей, по отрѣшеніи Ростиславичей, назначилъ Кіевъ брату Михалку. Михалко предоставилъ брату Всеволоду. Ростиславичи отняли у него Кіевъ изъѣздомъ, посадили тамъ брата своего Рюрика, и уладилися съ Михалкомъ. Ольговичи звали Андрея на Ростиславичей, и онъ, оскорбленный, прислалъ наконецъ собранную рать, приказавъ воеводѣ итти къ Святославу Всеволодовичу Черниговскому, «како ся бяшеть съ нимъ свѣщали, и со всею его братьею». Святославъ Всеволодовичь, какъ старшій, и принялъ предводительство. Союзники осадили Вышгородъ, гдѣ заперся главный врагъ Андреевъ, Мстиславъ. Осада продолжалась девять недѣль.

Вдругъ приходитъ Ярославъ Изяславичь Луцкій противъ нихъ же, «ища собѣ старѣйшиньства въ Олговицѣхъ». Замѣтимъ: противъ Ростиславичей же, но не за Андрея. Противъ Ростиславичей, — потому что онъ былъ старше ихъ, старшій двоюродный братъ имъ, а они овладѣли-было Кіевомъ. Онъ хотѣлъ, говоря просто, половить рыбы въ мутной водѣ.

Что значитъ выраженіе: «ища собѣ старѣйшиньства»? Оно значитъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ: ища себѣ Кіева. Это подтверждается и окончаніемъ реченія: «и не ступишася ему Кыева». Послѣ сказано въ этомъ же смыслѣ: «Ростиславичи положи-

ша на Ярославѣ старѣйшиньство, и даша ему Кыевъ».

Ольговичи не уступали Кіева Ярославу Изяславичу: значитъ, что *Кіевъ Андреемъ былъ предоставленъ теперь имъ* (обстоятельство, пропущенное всѣми Лѣтописателями). Безъ воли Андреевой они не могли бы имѣть притязанія на Кіевъ.

Ярославъ, получивъ отказъ отъ Ольговичей, обратился къ Ростиславичамъ, и «урядяся съ ними о Кіевѣ», т. е. получивъ отъ нихъ согласіе предоставить ему Кіевъ, перешелъ на ихъ сторону. Ростиславичамъ естественно было уступить Ярославу, Кіевъ, который уже потеряли, и который пріобрѣсть, при грозѣ Андреевой, не могли — за какое-нибудь вознагражденіе.

Ярославъ пошелъ на помощь къ Рюрику, сидѣвшему въ Бѣлѣгородѣ. А почему не остался онъ помогать осажденному Мстиславу? Можетъ быть, потому, что Рюрикъ собственно уступалъ ему Кіевъ, бывшій въ его владѣніи.

Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала его въ Бѣлѣгородѣ, какъ главная осаждала брата его въ Вышгородѣ. (*Обстоятельство, пропущенное Лѣтописателями*).

Обратимъ вниманіе читателей вотъ на что: Лѣтопись Кіевская говоритъ здѣсь вездѣ именно только объ Ольговичахъ: «приде Ярославъ... ища собѣ старѣйньшиства *въ Олговицѣхъ*, и не *ступишася* ему Кыева... отступи *отъ Олговичь*, и вставъ пойде *отъ нихъ*... И то видивше и убояшася (разумѣется Оль-

говичи), рекучи: уже ся имъ всяко совокупити на ны съ Галичаны и съ Черными Клобукы. И возмятошася *полци ихъ*, и не дождавше свѣта, и въ смятеньи велици не могуще ся удержати, побѣгоша черезъ Днѣпръ. . . . и много отъ вои *ихъ* потопе. . . Мстиславъ выѣде изъ города. . . гнавше дружина его и ударишася на товарѣ ихъ, и много колодникъ изъимаша». О полкахъ собственно Андреевыхъ — ни слова: они оставались какъ-будто удивленными зрителями всего того, что предъ ихъ глазами происходило. О нихъ сказано только въ заключеніи: «и тако възвратишася вся сила Андрея Князя Суждальского»...

Ясно, что она, послѣ бѣгства Ольговичей съ ихъ полками, послѣ присоединенія Ярослава къ Ростиславичамъ, нашла для себя невозможнымъ бороться съ Мстиславомъ, и отошла въ свояси. (Припомнимъ, что среди ея былъ еще природный союзникъ Ростиславичей: полкъ брата ихъ Романа Смоленскаго).

Не было ли еще какой измѣны со стороны Ольговичей, замѣченной Андреевыми воями, которая побудила ихъ еще болѣе оставить осаду? Можетъ быть была и измѣна: по крайней мѣрѣ мы читаемъ въ Лѣтописи, что, по занятіи Кіева Ярославомъ, Святославъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «на чемъ ты цѣловалъ крестъ? вспомни первой рядъ: ты сказалъ мнѣ, что надѣлишь меня, когда сядешь въ Кіевѣ, равно какъ и я надѣлилъ бы тебя, если бы сѣлъ въ Кіевѣ; нынѣ ты сѣлъ, право или криво: надѣли же меня».

Спрашивается: когда былъ этотъ первый рядъ у Ярослава съ Святославомъ?

Не льзя предполагать здѣсь какого-нибудь прежняго ряда, умолчаннаго Лѣтописателями, потому что еслибъ онъ и былъ, то уничтожился бы новыми отношеніями, раздоромъ подъ Вышегородомъ, и упоминать объ немъ было бы невозможно. За что̀ бы просить Святославу надѣленья? Онъ помогалъ Андрею, онъ не уступалъ Ярославу Кіева, который получилъ Князь Луцкій, уже урядяся не съ Ольговичами, а Ростиславичами. Ясно, что Святославъ не имѣлъ права требовать никакого надѣленья, еслибъ дѣло было только такъ, какъ записано. Ясно, что рядъ этотъ, о которомъ напоминаетъ Ярославъ, былъ тайный, подъ Вышегородомъ, т. е. всѣ Князья тамъ сговорились, уладились: Ольговичи, Ростиславичи и Ярославъ. Ярославъ Луцкій получалъ Кіевъ; Ростиславичи освобождались отъ грозы Андреевой, и оставались въ своихъ прежнихъ удѣлахъ; Святославъ Черниговскій получалъ надѣленье изъ Кіевской области. Всѣ переговоры происходили втайнѣ отъ Андреевой рати; а чтобы сохранить личину передъ ней, Ольговичи бросились, какъ-будто испугавшись грозившей Галицкой помощи. Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава, и удалилась. Вотъ объясненіе этого, иначе непонятнаго, происшествія!

Вѣрно дѣло было вотъ какъ:

Андрей разгнѣвался на Ростиславичей за непослушаніе. Ольговичи подожгли его еще болѣе и

обѣщали помощь. Андрей прислалъ войско, и *обѣщалъ Святославу Черниговскому Кіевъ*, лишь бы наказать Мстислава. (На брата своего Михалка, который не хотѣлъ занимать Кіева, онъ долженъ былъ также разсердиться за передачу его къ Ростиславичамъ, а на Всеволода младшаго, однажды уже плѣненнаго, не могъ надѣяться).

Началась осада. Чрезъ девять недѣль пришелъ Ярославъ Луцкій и потребовалъ себѣ Кіева.

Ольговичи не уступали.

Ярославъ передался къ Ростиславичамъ, договорясь о Кіевѣ. Тогда Святославъ, не надѣясь удержать Кіева, *договорился съ Ярославомъ о надѣленьи* (это въ его характерѣ), и оставилъ съ своею братьею рать Андрееву, будто бы въ слѣдствіе испуга предъ Галицкой грозой.

Полкамъ Андреевымъ ничего не оставалось дѣлать предъ Вышгородомъ, безъ помощи Ольговичей, при новыхъ врагахъ.

Когда рать Андреева ушла, и Ярославъ спокойно возобладалъ Кіевомъ, Святославъ и началъ спрашивать договореннаго надѣленья, но получилъ отказъ.

Тогда Святославъ напалъ на Кіевъ изъѣздомъ и занялъ его, а Ярославъ бѣжалъ. Черниговскій Князь захватилъ въ плѣнъ жену Ярославову, сына, дружину, и также *ушелъ*, (что пропущено также всѣми Лѣтописателями). Ярославъ воротился и попродалъ весь Кіевъ.

Ростиславичи, видя, какъ Кіевъ, бывшій въ ихъ владѣніи, по милости Андреевой, переходилъ

теперь изъ рукъ въ руки, и не могъ имъ достаться безъ его помощи, рѣшились смириться и прибѣгнуть опять подъ покровительство сильнаго Князя Суздальскаго. Они послали просить Кіева брату Роману, которому Андрей отдалъ-было его прежде.

Такимъ образомъ Вышегородская неудача его такъ же не причинила ущерба его силѣ, какъ Новогородская, и Кіевъ, какъ прежде Новгородъ, остался въ его распоряженіи, не смотря на отраженіе Суздальской рати.

Андрей постоянно слѣдовалъ по одному пути, и достигъ своей цѣли. Онъ хотѣлъ, чтобъ его слушались, и его дѣйствительно слушались всѣ Князья. Самыя неудачи почти не мѣшали ему ни мало: противники, побѣдивъ его полки, обращались къ нему же съ повинною головою, и его сила стала выше всѣхъ случайностей. Но кромѣ этого послушанія, съ данями и дарами, удовольствіемъ сажать и сгонять Князей, и нѣкоторыми наружными знаками преимущества, Андрей ничего не хотѣлъ, и никакихъ высшихъ политическихъ, государственныхъ видовъ, какъ мы ихъ понимаемъ, не имѣлъ; онъ былъ умнѣе своихъ современниковъ, но не потомковъ; о будущемъ онъ не думалъ, и самое разительное тому доказательство мы находимъ въ событіяхъ по его смерти.

Онъ былъ убитъ случайно, и все зданіе его трудовъ и подвиговъ упало въ ту же минуту, вмѣстѣ съ нимъ: даже Володиміръ не остался за его родомъ; внукъ его, сынъ Мстиславовъ, пропалъ безъ вѣсти въ Лѣтописяхъ; сынъ меньшій, Георгій,

былъ выгнанъ изъ Новагорода на слѣдующій же годъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ многихъ превратностей очутился въ Грузіи. Владѣнія Андреевы сдѣлались предметомъ спора между его родственниками, пока наконецъ, по счастливому стеченію новыхъ обстоятельствъ, достались меньшему брату, имъ нѣкогда изгнанному, Всеволоду.

Скажемъ нѣсколько словъ о его смерти. Это происшествіе—случайное, не имѣвшее никакого отношенія къ событіямъ, нами изслѣдованнымъ. Убійцы, его Бояре и слуги, руководились личною местію. Очень могло статься, что пылкій характеръ Андрея, не знавшаго силѣ своей никакихъ препятствій, подъ старость сдѣлался жестче, суровѣе, и они выведены были изъ терпѣнія его обращеніемъ: — мы слышали языкъ его съ владѣтельными Князьями, не только съ своими Боярами. Но вотъ что замѣчательно: не явилось мстителей убійцамъ; Боголюбцы, хотя-нехотя, приняли ихъ сторону, а Владимірцы остались неутральными только на краткое время; Дворянъ его было такъ мало, что ихъ всѣхъ можно было перебить. Чиновники были ненавидимы. Не раздалось ни одного голоса въ пользу оставшагося семейства. Дѣти его были покинуты, позабыты, лишились совершенно отеческаго наслѣдія, и принуждены были скитаться по чужимъ странамъ. Однимъ словомъ, Андрей взялъ все съ собою въ могилу, ибо все зависѣло въ то время отъ его лично-

сти. Но земля Суздальская была сильна сама по себѣ, и доставшись одному Князю, притомъ умному и доблестному, опять составила могущественное владѣніе, впрочемъ, также на время его жизни.

М. ПОГОДИНЪ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1849, № 9 и 10.)

III.

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЬ

БОГОЛЮБСКІЙ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Сводъ извѣстій изъ Лѣтописей: Суздальской (по Лаврентьевскому списку), Кіевской (по Ипатьевскому), Новогородской (по Синодальному) и Воскресенскому Сборнику (по печатному изданію 1793 года).

Текстъ выбранъ изъ той Лѣтописи, въ коей онъ представляется яснѣе, и означенъ начальною буквою ея списка. На мелкія разнорѣчія (варіанты) не обращено вниманія. Важнѣйшія помѣщены подъ чертою. Извѣстія, находящіяся не во всѣхъ, а только въ одномъ или двухъ спискахъ, помѣщены *въ скобкахъ*, также подъ ихъ начальными буквами. Годы назначены по изслѣдованію; справясь съ нашею таблицею, можно легко отыскать извѣстія и въ Лѣтописяхъ подъ ихъ годами. Происшествія отдѣльныя, хотя и современныя, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ В. К. Андрею, не внесены въ этотъ сводный текстъ о жизни сего Князя).

1155. Л. Иде Андрей отъ отца своего (въ И. безъ отнѣ волѣ) Суждалю, и принесе и дà икону святую Богородицю, юже принесоша въ единомъ корабли съ Пирогощею изъ Царяграда; и вкова въ ню болѣ тріидесятъ гривенъ золота, кромѣ (1) серебра и каменья драгаго и женчюга, и украсивъ ю постави ѝ въ церкви своей (въ *И.* Св. Богородица) Володимери.

1157. Л. Преставися Благовѣрный Князь Гюрги Володимеричь въ Кыевѣ, мѣсяца Мая въ 15 день (въ *И.* въ Среду на ночь).

1157. Л. Ростовци и Суждалци (въ *И.* и Володимерци) сдумавше вси, пояша Андрея сына его (Гюргева) старѣйшаго, и посадиша ѝ въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали (въ *И.* и Володимери), занеже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ. Тѣмже и по смерти отца своего велику память створи: церкви украси, и манастыри постави, и церковь сконча, юже бѣ заложилъ преже отець его, святаго Спаса камену.

1158. Л. Заложи Андрей Князь въ Володимери церковь камену святую Богородицю (въ *В.* Успеніе объ единомь врьсѣ), мѣсяця Априля въ 8, въ день Святаго Апостола Родіона, во Вторникъ; и да ей много имѣнья, и свободы купленыя и съ даньми, и если лѣпшая, и десятины въ стадѣхъ своихъ, и торгъ десятый (2). И городъ заложи болій.

---

(1) Въ И. проче.

(2) Въ И. несправедливо: сверши же церковь 5 верховъ, и всѣ верхы золотомъ украси, и створи въ ней епископью.

1159. В. (1) Тоя же зимы пришедъ Изяславъ съ Половци. и повоева волось Смоленьскую. (И. и тамо много зла створиша Половци, взяша душь болѣ тмы, а иныя изсѣкоша).

В. И посла ко Андрѣеви Юрьевичу въ Ростовъ (2). и проси у него дщере за сыновца своего за Святослава Володимеровича и дасъ за него. *и тояже зимы* (3) пріидоша на Володимерича Святослава Рустіи Князя (*И.* Святославъ Олговичь, и Всеволодича съ нимъ оба, и Рюрикъ съ Кіевьскимъ полкомъ, и Олегъ Святославичь, Романъ и Смоленьска, и Всеславъ изъ Полотьска, Кснятинъ Сѣрославичь съ Галичаны, и стояша около его 5 недѣль) (4).

В. Изяславъ же въ то время посла ко Андрѣеви прося ему помощи. Андрѣеви же посла сына своего Изяслава со всѣмь полъкомь своимь и Муромьскаа помощь с нимь. Святославже Володимеричь бьяшется съ Рускыми князи из града крѣпко

---

(1) Беру этотъ текстъ потому, что здѣсь яснѣе выставляется связь происшествій. Въ Л. и И. прежде говорится о Суздальской помощи, а потомъ о нападеніи на Святослава Владиміровича: испроси... и посла... зане пришли бяхуть Русскіе Князи на...

(2) Въ И. нѣтъ этого слова.

(3) Этого слова, показывающаго раздѣльность событій, нѣтъ въ Л. и И.

(4) Здѣсь встрѣчается ясное доказательство, что наши Лѣтописи въ первоначальномъ своемъ видѣ были гораздо обширнѣе, нежели въ какомъ дошли до насъ. Кіевскій Лѣтописатель, разсказавъ это происшествіе, какъ и прочіе, возвращается къ нему въ другой разъ, какъ будто еще не описанному, и предлагаетъ новыя, лишнія извѣстія, на-примѣръ, это.

ожидая помощи отъ Изяслава стрыа своего и отъ Андрѣя тестя своего. (*И.* Святослава же оба, Олговичь и Всеволодичь, и Рюрикъ (1), и ини князи, слышавше идуча Изяслава Андрѣевича съ силою многою Ростовьскою, убоявшеся, и даша ему миръ. И на томъ цѣлова хрестъ Володимиричь къ Святославу, яко имѣти ему его въ отца мѣсто и въ всей воли его ему ходити; и тако възворотишася въ свояси) (2).

И. Изяславъ же Давыдовичь и Изяславъ Андрѣевичь слышавъ узворотившихся ихъ, иде Изяславъ у Вятичѣ, а Андрѣевичь Изяславъ воротися къ отцю своему Ростову. Съ того же пути иде у Вятичѣ (3)...

(И. И посла къ Новогородцемъ, река имъ: «вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти» — и оттолѣ начаша ся Новгородци мясти и вѣче часто начаша творити) (4).

1160. Л. Прислаша Новгородци къ Андрѣеви къ Гюргевичу, просяще у него сына княжити Новугороду, а Ростиславича Святослава выгнаша, зане бѣ Ростиславъ, отецъ его, изморилъ братью ихъ въ погребѣ и многыхъ имѣнье взялъ (5); Андрѣй же

---

(1) Рюрика нѣтъ въ прочихъ сп.

(2) Это извѣстіе въ И. находится также во второмъ описаніи, а слѣдующее прежде.

(3) Здѣсь въ И. поставлено: «тогда же Андреевну приведоша за Святослава за Володимирича во Вьщижь», — что не вѣрно, (см. выше), ибо еще прежде Андрей названъ тестемъ.

(4) Этого важнаго извѣстія нѣтъ нигдѣ, кромѣ И., даже въ Н.

(5) Въ И. обстоятельнѣе.

князь поча даяти имъ Мстислава, брата своего, они же его не всхотѣша, и посла къ нимъ сыновця своего Мстислава Ростиславича.

Л. Того же лѣта создана бысть церквы Святая Богородица, въ Володимери, Благовѣрнымъ и Боголюбивымъ Княземъ Андрѣемъ; и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгимъ каменьемъ безъ числа, и ссуды церковными, и верхъ ея позлати. по вѣрѣ же его и по тщанью его къ Святѣй Богородицѣ, приведе ему Богъ изъ всѣхъ земль мастеры; и украси ю паче инѣхъ церквій.

1161. (В. и Н.) В. Урядися Ростиславъ со княземь Андрѣемь Юрьевичемъ о Новѣгородѣ. И выведоста Мьстислава Ростиславича внука Юрьева сѣдѣвша годъ, а Святославъ Ростиславичь внукъ Мъстиславль въведоша опять на всеи воли его (1)...

(Въ В. и Л. Того же лѣта почаша подписывати церковъ Святую Богородицю златоверъхую в Володимери. повелѣниемъ В. К. Анъдрѣя Юрьевича и кончаша м. Августа 30).

1162. (И. и В. по И. выгна Андрей епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мьстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передніи. Се же створи, хотя самовластець быти всей Суждальской земли) (2).

Леона же Епископа възврати опять, покаявъся отъ грѣха того, но въ Ростовъ, а въ Суждали не

---

(1) Это извѣстіе есть и въ Н.

(2) Въ Л. очень кратко: идоста Гюргевича Царюграду. Мьстиславъ и Василько, съ матерью и Всеволода молодого пояша съ собою третьяго брата, и дастъ Царь Василкови въ Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость от Скалапа.

да ему сѣдѣти. И держа ѝ 4 мѣсяци въ епископіи. И нача просити у него отъ Въскресенія Христова до Всихъ Святыхъ ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ; епископъ же повелѣ ему одину недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и въ нятокъ, а прочею добрѣ хранити).

1164. (Л. Вста ересь Леонтиніаньская... Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру Епископу Суждальскому живущю, перехвативъ Нестеровъ столъ).

Л. Поча Суждали учити не ѣсти мясъ въ господьскыя праздникы, въ среды и въ пяткы, ни на Рожьство Господне ни на Крещенье и бысть тяжа про то велика предъ б. княземь, предо всѣми людьми, и упрѣ его Владыко Ѳеодоръ. (Въ И. Онъ же про ту вину погна изъ своей земли; и приде Чернигову къ Святославу Олговичу...) (В. и Л. по В. Он же хотя себе оправити, и иде къ Царюграду и тамо упрѣ его предъ Царемъ Мануиломъ Андрѣянъ Архиепискупъ Болгарьскии. Оному же молвящу и на Царя, и удариша ѝ слугы царевы, (Л. за шею), ту сущимъ посломъ всѣмь Кіавскымъ и Чрьниговьскымъ и Сужъдальскы (Л. Илья) и Переяславскы.

(В. Князь Андрѣи Юрьевичь свяще церковь на золотыхъ воротѣхъ въ Володимери).

1164. (Л. и В. по Л. Иде Князь Андрѣй на Болгары, съ сыномъ своимъ Изяславомъ, и съ братомъ своимъ Ярославомъ, и съ Муромьскымъ Княземъ Гюргемъ: и поможе имъ Богъ и Святая Богородица на Болгары, самѣхъ исѣкоша множьство, а стягы ихъ поимаша, и едва въ малѣ дружинѣ утече

Князь Болгарьскый до великаго города; Князь же Ондрѣй воротися съ побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву. Стояху же пѣши съ Святою Богородицею на полчище, подъ стягы: и пріѣхавъ до Святое Богородици Князь Андрѣй, съ Гюргемъ и со Изяславомъ и съ Ярославомъ, и со всею дружиною, удариша челомъ передъ Святою Богородицею, съ радостью великою и со слезами хвалы и пѣсни въздающе ей, и шедше взяша градъ ихъ славный Бряхимовъ, а переди 3 городы ихъ пожгоша. Се же бысть чюдо новое Святое Богородици Володимерское, юже взялъ бяше съ собою благовѣрный Князь Андрей, и принесъ ю со славою, постави ю во святѣй Богородицѣ Володимери въ Золотоверсѣй, идѣже стоитъ и до сего дне).

1165. Л. Преставися благовѣрный и христолюбивый Князь Изяславъ, сынъ благовѣрнаго Князя Андрѣя (въ И. и В. и плакася по немъ отецъ его и братъ его Мстиславъ); и положиша и въ церкви святое Богородици Володимери, мѣсяца Октямьбря (1) въ 28 день (въ И. съ плачемъ великимъ).

1167. Л. Выгна Мстиславъ Володимера Мстиславича изъ Кыева, и иде въ Половци Володимеръ; а самъ сѣде въ Кыевѣ (2).

1167. (Въ И. и В. по И. Володимиръ Мстиславичь (убѣжавшій отъ Берендичей изъ-подъ Ростовца)... уворотяся на Радимичѣ къ Андрееви Суждалю; Андрей же посла противу ему, и рече ему: «иди въ Рязань къ отчицю своему къ Глѣбови, а язъ тя надѣлю»— и иде тамо)...

(1) Въ В. Сентября.

(2) Въ И. и В. подробнѣе.

1167. (Н. (*) Выйде Князь Святославъ изъ Новагорода на Лукы, и присла въ Новъгородъ яко не хоцю у васъ княжити; Новгородьци же цѣловавъше Святую Богородицю, яко не хоцемъ его, идоша прогнать его съ Лукъ; онъ же услышавъ оже идуть на нь, иде Торопьцю, а Новгородьци послаша въ Русь къ Мстиславу по сынъ. Святославъ же иде на Вългу, и въда ему Анъдреи помоць, и пожьже Новый-Търгъ, а Новотържьци отступиша къ Новугороду; и много пакости творяше домомъ ихъ, и села ихъ потрати. а братъ его Романъ и Мьстиславъ пожьгоста Лукы; а Луцяне устерегостася и отступиша ѻни въ городъ, а ини Пльскову. и съложишася на Новъгородъ Андреи съ Смолняны и съ Полоцяны, и пути заяша, и сълы изьмаша Новгородьскыя, вьсьдѣ вѣсти не дадуце Кыеву къ Мьстиславу; а Святослава силою мѣстяце въ городъ, а то слово рекуще: нѣту вамъ Князя иного развѣ Святослава. Новгородци же того не бережаху, и убиша Захарію посадника, и Неревина, и Нѣзду бириця, яко творяхуть ѐ перевѣтъ дрьжаще къ Святославу; и налѣзоша собѣ путь на Вяцька и на Володяря, и иде Даньславъ Лазутиниць съ дружиною Кыеву къ Мьстиславу по сынъ. а Святославъ приде съ Суждалци, и съ братома, и съ Смолняны, и съ Полоцаны къ Русѣ; идоша Новъгородьци съ Якуномъ противу ихъ; они же не дошедъше воротишася, не успѣша бо ничтоже. (Въ Н. Тъгда же даша посадницьство Якунови; и сѣдѣша Новъгородци безъ князя отъ Сменя дни до Велика дни о Якунѣ, жьдуче отъ Мьстислава сына).

(*) Въ В. выписано очевидно изъ Н.

1168. (Н. Приде Князь Романъ Мьстиславиць, вънукъ Изяславль, Новугороду на столъ, мѣсяца Априля въ 14, въ въторую недѣлю по Велицѣ дни, индикта пьрваго; и ради быша Новгородьци своему хотѣнію. Въ тоже лѣто ходиша Новгородци съ Пльсковици къ Полотьску, и пожьгъже волость, воротишася отъ города за 30 вьрстъ. Тому же лѣту изходящу, на весну ходи Романъ съ Новгородьци къ Торопьцю, и пожьгоша домы ихъ, и головъ множьство полониша).

1168. (И. и В. по И. И болши вражда бысть на Мьстислава отъ братьѣ (въ слѣдствіе избранія сына его Новогородцами). Только И. И начашася снашивати рѣчьми братья вси на Мьстислава, и тако утвердившеся крестомъ братья).

1168. Л. Тое же зимы посла Князь Андрѣй изъ Суждаля сына своего Мстислава на Кыевьскаго Князя Мстислава, съ Ростовци, и Володимерци, и Суждалци, и инѣхъ Князей 11: Глѣбъ Переяславьскый, Романъ Смолиньскый, Давыдъ Вышегородьскый, Володимеръ Андрѣевичь, Дмитръ Гюргевичь, Мстиславъ, Рюрикъ съ братомъ съ Мстиславомъ, Олегъ Святославичь съ братомъ со Игоремъ.

И. Сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Куриломъ Ѳеодоровы недѣли, и второѣ недѣли оступиша весь градъ Кіевъ). Мьстиславу затворившюся въ Кіевѣ, бьяхуться изъ города, и бысть брань крѣпка отвсюду; (И. Мьстиславу изпемагающю въ градѣ, Берендичи же и Торци льстяху подъ Мьстиславомъ). И стояша 3 дни у города, (И. и снидоша всихъ кня-

зій дружина Серховицею, и ринушася къ нимъ доловъ, у задъ Мьстиславу начаша стрѣляти, Мьстиславу же начаша дружина молвити: «что, княже, стоиши? поѣди изъ города; намъ ихъ не перемочи).

1169. Л. И поможе Богъ и Святая Богородица, и отня и дѣдня молитва Князю Мстиславу Андрѣевичу съ братьею своею, взяша Кыевъ, его же не было никогда же; а Мстиславъ Изяславичь бѣжа съ братомъ изъ Кыева Володимерю (въ И. на Василевъ), съ малою дружиною, (въ И. и постиже его Бастѣева чадь), а княгыню его яша, и сына его, и дружину его (въ И. много) изъимаша, и весь Кыевъ пограбиша, и церкви и манастырѣ, за 3 дни, и иконы поимаца, и книгы и ризы... Мстиславъ же Андрѣевичь посади Кыевѣ стрыя своего Глѣба, а самъ възвратися Володимерю съ дружиною своею.

1169. (Н. Иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрѣи пълкъ свои на нь, и бишася съ ними; и бѣше Новгородьць 400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгордцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородъць 15 мужь; и отступиша Новгородьци, и опять воротивъшеся възяшя всю дань, а на Суждальскыхъ смьрдѣхъ другую, и придоша здорови вси).

1169. Л. Чюдо створи Богъ и святая Богородица Володимерьская:.... лжаго владыку Ѳеодорца.. изверже изъ земли Ростовьскы.... Не всхотѣ бо благословенья и... послушати христолюбиваго князя Андрѣя, веляща ему ити ставиться къ митрополиту къ Кыеву.... Сь же церкви всѣ въ Володимери затвори... людемъ очи выжигая, и муча немилостив-

нѣ, хотя исхитити имѣніе... изгнанъ бысть, мѣсяца Мая въ 8 день... Посла же его Андрѣй митрополиту въ Кыевъ, митрополитъ же Костянтинъ повелѣ ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику....

1169. Л. Тое же зимы князь Андрѣй посла сына своего Мстислава, со всею дружиною, на Великый Новгородъ (1), и Романъ Смолиньскый князь съ братомъ Мстиславомъ, и Рязаньскый князь сына посла и Муромьскый сына же посла (2): (въ И. и Бориса Жирославица воеводу же своего) пришедше въ землю ихъ, много зла створиша, села всѣ взяша и пожгоша, и люди по селомъ исѣкоша, а жены и дѣти, имѣнья и скотъ поимаша. (Въ И. полци же пришедше сташа далече города, и приходяще полци бьяхуся крѣпко у города. Мьстиславъ же бѣ въѣхавъ ворота, и пободъ мужей нѣсколько, возворотися опять къ своимъ).

1170. (Н. Новгородьци же сташа твьрдо о князи Романѣ о Мьстиславлици, о Изяславли вънуцѣ; и о посадницѣ о Якунѣ, и устроиша острогъ около города. и приступиша къ граду въ недѣлю на Съборъ, и съѣздишася по 3 дни, въ четвьртыи же день, въ среду, приступиша силою и бишася всь день; и къ вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородьци, силою крестьною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Иліѣ, мѣсяця

(1) Въ И. на Романа Мьстиславича.

(2) Въ И. со всѣми полкы Ростовьскыми и Суждальскыми, и Рязаньскыѣ князи посла, и Муромьскыи князѣ посла съ полкы. Въ Н. Придоша подъ Новгородъ Суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мьстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцяны, Муромьци и Рязаньци съ двѣма Князьма, Полоцьскыи князь съ Полоцяны, и вся земля просто Русская.

Феураря въ 25, на святого Епископа Тарасія, овы изсѣкоша, а другыя изымаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху Суждальцъ по 2 ногатѣ).

Л. Не успѣвше ничтоже городу ихъ, възвратишася опять, и одва домы своя яша пѣши опять, а друзіи людіе помроша съ голода; не бысть бо николиже толь тяжка пути людемъ симъ, друзіе бо отъ нихъ и конину ѣша въ великое говѣнье. Се же бысть за наши грѣхи.... преже (бо) тріи лѣтъ... въ трехъ церквахъ Новгородьскыхъ плакала на трехъ иконахъ Святая Богородица.... и сія люди Новогородьскыя наказа Богъ.... рукою Благовѣрнаго Князя Андрѣя (1).

(И. и В. по И. Не глаголеми же: прави суть Новьгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды Князь нашихъ; но злое невѣрьствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ Княземъ преступати, и Князѣ внукы и правнукы обесчествовати и соромляти, а кресть честный къ нимъ цѣловавше переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ ними)!

1170. (Н. Бысть дорогъвь Новѣгородѣ: и купляху кадь ръжи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунъ пудъ; и съдумавъше Новъгородьци показаша путь Князю Роману, а сами послаша къ Ондрееви по миръ на всеи воли своеи).

1170. (И. Посла Андрей къ Ростиславичю къ Рюрикови, да ему Новъгородъ Великій; Рюрикъ же пріѣха, да волость свою брату своему Давидови, а самъ иде къ Новугороду (2)...

---

(1) Въ В. сокращенно.

(2) Въ Н. вниде Князь Рюрикъ Ростиславиць въ Новгородъ, м. Октября въ 4.

1171. (Н. Отя к. Рюрикъ посадницьство у Жирослава Новѣгородѣ, и выгна ѝ изъ города; иде Суждалю къ Ондрееви).

1171. (Л. Выбѣже (1) Рюрикъ изъ Новагорода; потомъ же Новгородци послашася къ Андрѣю Князю) (Н. и присла Жирослава посадницать съ мужи своими) (2).

1172. (Л. и В. по Л. Тое же зимы посла Князь Андрѣй сына своего Мстислава на Болгары, и Муромскый Князь сына своего, и Рязаньскый Князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ, и поидуче не идяху. Бывшю же Князю Мстиславу на Городци, совкупльшюся со братома своима, съ Муромьскымъ и съ Рязанскымъ, на усть Окы, и ждаша дружины 2 недѣли, и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводѣ въ то время нарядъ весь держащю; и въѣхаша въ поганыя безъ вѣсти, взяша селъ 6, семое городъ, мужи исѣкоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же Болгаре въ малѣ дружинѣ Князя Мстислава пришедша, идуща опять съ полономъ, доспѣша вборзѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ, Князю Мстиславу на устьи съ малою дружиною, а всю дружину пустившю отъ собе; и възврати отъ него Богъ поганыя Болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею.

1172. И. и В. по И. Андрееви не любо бяше сѣдѣнье Володимере Кіевѣ (который призванъ былъ

(1) Н. Иде на зиму.

(2) Въ Л. Вмѣсто этого событія, тотчасъ о присылкѣ Георгія: послашася къ Андрѣю... и вда имъ дѣтя свое Георгя.

туда по смерти Глѣба Ростиславичами), и насылаше на нь, веля ему ити изъ Кіева, а Романови Ростиславичю веляше ити Кіеву... рекъ такъ: нарекли мя есте себѣ отцемъ, а хочю вы добра и даю Романови брату вашему Кіевъ.

1172. Л. Преставися благовѣрный Князь Мстиславъ Андрѣевичь, мѣсяца Марта въ 28 день, во Вторникъ; и положиша и 'у святое Богородици въ Володимери, юже церковь учинилъ отець его Князь Андрѣй; (въ И. и плакашася по немъ отець его и вся Суждальская земля).

1172—1173. (И. (*) Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла къ нимъ Михна, река тако: «выдайте ми Григоря Хотовича, и Степаньца, и Олексу Святославця, яко тѣ суть уморилѣ брата моего Глѣба; а то суть ворозѣ всимъ намъ»; сего же Ростиславичи не послушаша, и пустиша Григоря отъ себѣ. И рече Андрей Романови: «не ходиши въ моей воли съ братьею своею, а пойди изъ Кіева, а Давыдъ изъ Вышегорода, а Мьстиславъ изъ Бѣлагорода; а то вы Смоленескъ, а тѣмъ ся подѣлите»; и пожалишаси велми Ростиславичи, оже ихъ лишаеть Руськой земли, а брату своему Михалкови даеть Кыевъ. Романъ же иде въ Смоленескъ, и Михалко же изъ Торцького самъ не иде въ Кыевъ, но посла въ онь брата Всеволода и сыновца своего Ярополка Ростиславича. И сѣде Всеволодъ 5 недѣль въ Кіевѣ.

Ростиславци же, Рюрикъ и Давыдъ и Мьстиславъ, послаша къ Андрееви, рекуче тако: «брате!

(*) Въ Л. сокращенно.

въ правду тя нарекли есмы отцемъ собѣ, и крестъ есмы цѣловали къ тобѣ, и стоимъ въ крестьномъ цѣлованьи, хотяче добра тобѣ; а се нынѣ брата нашего Романа вывелъ еси изъ Кыева, а намъ путь кажеши и изъ Руськой земли, безъ нашеѣ вины; да за всими Богъ и сила крестьная». Андрей же отвѣта имъ не въда.

Ростиславичи же угадавше и узрѣвше на Богъ, и на силу честьнаго креста, и на молитву святѣй Богородицѣ, въѣхавъше въ ночь въ Кыевъ на Похвалу святой Богородици, и яша Всеволода Юрьевича и Ярополка Юрьева внука, и Ляха Володислава и Михна и бояры всѣ, братья же даша Кыевъ Рюрикови. Князь же Рюрикъ, сынъ Ростиславль, вниде въ Кыевъ, славою великою...

...Се слышавше Ольговичи, ради быша (раздору Андрея съ Ростиславичами). Святославъ Всеволодичь и вси братья его послаша мужѣ своѣ къ Андрееви, поводяче ѝ на Ростиславичѣ, а рькуче ему: «кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ; а се мы съ тобою готови».

Андрей же пріимъ съвѣтъ ихъ, исполнився высокоумья, разгордѣвъся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, ражьгся гнѣвомъ и посла Михна мечьника: «ѣдь къ Ростиславичемъ, рци ти имъ: не ходите въ моей воли, ты же, Рюриче, пойди въ Смольнскъ къ брату во свою отцину; а Давыдови рци: а ты пойди въ Берладъ, а въ Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: въ тобѣ стоить все, а не велю ти въ Руской землѣ быти».

Мьстиславъ бо отъ уности навыклъ бяше не уполошитися никогоже, но токмо Бога единаго блюстися: и повелѣ Андреева посла емъше постричи голову передъ собою и бороду, рекъ ему: «иди же ко Князю своему и рци ему: мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ Князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ».

Андрей же то слышавъ отъ Михна, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, и възострися на рать и бысть готовъ. И пославъ собравъ воѣ своѣ: Ростовцѣ, Суждалци, Володимерци, Переяславьци, Бѣлозерцѣ, Муромцѣ и Новгородцѣ и Рязаньцѣ, и сочтавъ ѣ и обрѣте въ нихъ 50 тысячь; и посла съ ними сына своего Юрья и Бориса Жидиславича воеводою, казавъ имъ, Рюрика и Дывыда веля имъ изъгнати изъ отчины своей, «а Мьстислава емъше, не створите ему ничто же, приведете ѝ ко мнѣ»;..... И тако ему казавшю Борисови Жидиславичю, и велѣвшю ему ити къ Святославу Всеволодичю, како ся бяшеть съ нимъ свѣщалъ и со всею его братьею, отъ сѣти многолукаваго дьявола, иже воюеть на крестьяны. Андрей же Князь толикъ умникъ сы, во всихъ дѣлѣхъ, добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, располѣвся гнѣвомъ. Такова убо слова похвална испусти....

Идущимъ же имъ мимо Смолнескъ, казалъ бо бяшеть Романови пустити сынъ свой Смолняны, тако Романъ нужею пусти сынъ свой Смолняны, на братью не хотяся объявити, бяше бо тогда въ рукахъ его;

и Полотьскымъ Княземъ пойти повелѣ всимъ, и Туровьскымъ, и Пиньскимъ, и Городеньскымъ.

И пришедшимъ имъ ко Ольговичемъ, и совокупившимся имъ обоимъ противу Кыеву, ту же придоша къ нимъ Дюрдевича Михалко и Всеволодъ, и Ростиславича Мьстиславъ и Ярополкъ, Глѣбовича, и Переяславьци вси—и перешедше Днѣпръ и въѣхавше въ Кіевъ.

Ростиславичи же не затворилися бяхуть въ Кыевѣ, но шлы бяхуть во своѣ городы: Рюрикъ въ Бѣлѣгородѣ затворися, а Мьстислава затвориша Вышегородѣ и съ Давыдовымъ полкомъ, а Давыдъ ѣха въ Галичь къ Ярославу помочи дѣля.

Святославъ же съ братьею, и Михалко съ братомъ съ Всеволодомъ и со сыновци, и Кыяны совокупивше, и Берендѣичѣ и поросье и всю Рускую землю, полкы поидоша отъ Кыева къ Вышегороду, на Рожьство святыя Владычица нашея Богородица Приснодѣвица Марья; и бѣ всихъ Князей болѣ 20, а всихъ бяше старѣй Святославъ Всевододичь; и отряди Всеволода Юрьевича, Игоря съ моложьшими Князьми, къ Вышегороду.

И пріѣхавшимъ имъ подъ Вышегородъ, видивъ же Мьстиславъ Ростиславичь пришедшюю рать, изрядивъ полкы своѣ и выѣха на болоньи противу имъ, обои бо еще жадахуть боя; и свадишася стрѣльци ихъ и почашася стрѣляти, межи собою гонячеся. Видивъ же Мьстиславъ стрѣльци своѣ смятьшеся съ ратными, и абье устремивъся на нѣ и рече дружинѣ своей: «братье! узрѣвше на Божію милость и на святую мученику Бориса и Глѣба помочь», и

абье поѣха къ нимъ— бяхуть бо ратьніи на 3 полкы стояще, Новгородци, Ростовци, посредѣ же ихъ Всеволодъ Дюрдевичь своимъ полкомъ стоя— и абье Мьстиславъ сшибеся съ полкы ихъ. И потопташа середній полкъ, и иніи ратніи видѣвше объяша ѣ, бѣ бо Мьстиславъ вмалѣ въѣхалъ въ нѣ; и тако смятошася обои. И бысть мятежь великъ, и стонава, и кличь рамня, и гласѣ незнаеміи; и ту бѣ видити ломъ копійный и звукъ оружьиный, отъ множьства праха не знати ни конника ни пѣшьць. И тако бившеся крѣпко и разидоша, много же бѣ раненыхъ, мертвыхъ же бѣ не много. И се бысть одинъ бой первого дни на болоньи Мьстиславу со Всеволодомъ, со Игоремъ и со инѣми моложьшими людьми.

И посемъ придоша всѣ силы и тако оступиша вcь градъ, и приступаху по вся дни; и вырищюще изъ града бьяхуться крѣпко, и много бысть Мьстиславлѣ дружинѣ раненыхъ и смертьныхъ, добрыхъ; и стояша около города 9 недѣль.

Посемъ же приде Ярославъ Лучьскый на Ростиславичѣ же, со всею Велыньскою землею, ища собѣ старѣшиньства въ Олговинѣхъ— и не ступишася ему Кыева.

Онъ же сослався съ Ростиславичи и урядися съ ними о Кыевъ, и отступи отъ Олговичь, и въставъ пойде отъ нихъ изърядивъ полкы къ Рюрикови Бѣлугороду.

И то видивше и убояшася, рекучи: «уже ся имъ всяко совокупити на ны съ Галичаны и съ Черными Клобукы». И возмятошася полци ихъ, и не дождавше свѣта и въ смятеньи велици не могущеся

удержати побѣгоша черезъ Днѣпръ, и много отъ вой ихъ потопе.

И то видивъ Мьстиславъ, и похвали всемилостивѣйшаго Бога и святою Бориса и Глѣба помочь, невидимо гоняще ѣ; и выѣде изъ города съ дружиною своею, и гнавше дружина его и ударишася на товарѣ ихъ, и много колодникъ изъимаша. Мьстиславъ же много пота утеръ съ дружиною своею, и не мало мужьства показа..... И тако възвратишася вся сила Андрея.... смиреніи.... Ростиславичи же положиша на Ярославлѣ старѣйшиньство, и даша ему Кыевъ....

И. (1174) прислашася Ростиславичи ко Князю Андрееви, съ братьею своею, просяче Романови Ростиславичю княжить въ Кіевѣ; Князю же Андрееви рекуще: «пождите мало, послалъ есмь къ братьи своей въ Русь; какъ ми вѣсть будетъ отъ нихъ, тогда ти дамъ отвѣтъ».

1174. И. (*) Убьенъ бысть Великій Князь Андрей Суждальскій, сынъ Дюрдевъ, внукъ Володимерь Мономаха, мѣсяца Іюня въ 28-й день, канунъ святыхъ Апостолъ, день бѣ тогда субота. Создалъ же бяшеть собѣ городъ каменъ, именемъ Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ отъ Кыева, такоже и Богълюбый отъ Володимеря. Сый благовѣрный и христълюбивый Князь Андрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну, душю украсивъ всими добрыми нравы; уподобися царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь

(*) Въ Л. весьма сокращенно.

преславну святыя Богородица Рожества, посредѣ города, камену, созда въ Боголюбомъ, и удиви ю паче всихъ церквій, подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей створи церковь сію въ память собѣ, и украси ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цятами и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, запе вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и Ерусалимъ златъ, съ каменьи драгими, и рѣпидіи многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до деисуса, и всею добродѣтелью церковьною исполнена, измечтана всею хытростью.

Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь силно устроилъ, къ нему же ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную святые Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти; двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякими узорочьи уди-

ви ю, и многими поникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онъбонъ отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна быста удивленію Соломоновѣ Святая Святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. По семъ же иныи церкви многы камены постави различныѣ, и монастырѣ многи созда.

На весь бо церковьный чинъ и на церковникы отверзлъ бяше Богъ сердецнѣ очи, не помрачи ума своего пьяньствомъ, и кормитель бяшеть черньцемъ и черницамъ и убогымъ, и всякому чину яко възлюбленый отець бяшеть, паче же милостынею бяше милостивъ; слыша Господа глаголюща: аще створите братьи меньшіи моей, то мнѣ створисте; и пакы Давыдъ глаголетъ; блажень мужь милуя и дая вся день, о Господѣ не поткнется; мужьство и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; иного добродѣянія много въ немъ бяше, и всякъ обычай добронравенъ имѣяшеть: въ нощь въходяшеть въ церковь и свѣщи въжигивашеть самъ, и видя образъ Божій на иконахъ написанъ, взирая яко на самаго Творця, и вси святѣѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свой, съкрушеномъ

сердцемъ, и уздыханье отъ сердца износя и слезы отъ очью испущая, покаянье Давыдово пріимая, плачася о грѣсѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣненая паче тлѣньныхъ и небесная паче времененыхъ, и царство святыми у Вседержителя Бога паче претекущаго сего царства земльного. и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторый мудрый Соломонъ; бяшеть же и сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разполичное, болнымъ и нищимъ на потребу, и видя всякого нища приходящего къ собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: «еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене»? и тако пріимаше всякого приходящаго къ нему, якоже Христосъ заповѣда, рече: аще симъ меньшимъ створисте братьи моей, то мнѣ створисте, и то помняше слово въ сердци всегда. Тѣмъ достойно отъ Бога побѣдный вѣнець пріялъ еси, княже Андрею, мужьству тезоимените, братома благоумныма святыма страстотерпцема въслѣдовалъ еси, кровью умывся страданія ти; аще бо не напасть, то ни вѣнець, аще ли не мука, то ни дарове: всякый бо держася добродѣтели не можеть бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрей вражное убійство слышавъ напередѣ до себе, духомъ разгорѣся божественымъ и нивочто же вмѣни, глаголя: «Господа Бога моего, Вседержителя и Творьца своего, возлюбленіи людье на крестѣ пригвоздиша, глаголюще: кровь его буди на насъ и на чадѣхъ нашихъ»; и пакы глаголющее слово усты святыхъ Еуангелистъ: «аще кто положить душю свою за другъ свой, можеть мой ученикъ быти». Сей же боголюбивый Князь не за друга, но за самого Творца, создавша-

го всячьская отъ небытья въ бытье, душю свою положи. Тѣмъ въ память убьенья твоего, страстотерпьце княже Андрею, удивишася небесніи вои, видяще кровь проливаему за Христа; рыдаеть же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирыхъ и кормителя, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканеныѣ же убійцѣ огнемъ крестятся конечнымъ, и сожигаеть всякого грѣха купину, рекьше дѣянья. Ты же, страстотерпьче, молися ко Всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати мірови миръ. Мы же на преднее възвратимся.

Се же бысть въ пятницю, на обѣдніи, съвѣтъ лукавы и пагубоубійственный. И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленый имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его Князь велѣлъ казнить, и устремися дьяволимъ паученіемъ, и тече вопія къ братьи своей къ злымъ съвѣтникомъ, якоже Іюда къ Жидомъ, тъсняся угодити отцю своему сотонѣ; и почаша молвити: «день того казнилъ, а насъ заутра; а промыслимы о князѣ семъ»— и свѣщаша убійство на ночь, якоже Іюда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремившеся поимавше оружья, поидоша на нь яко звѣрье свѣрьпіи; и идущимъ имъ къ ложници его, и прія ѣ страхъ и трепетъ и бѣжаша съ сѣній, шедше въ медушю и пиша вино; сотона же веселяшеть ѣ въ медуши и служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя ѣ, якоже ся ему обѣщали бяхуть; и тако упившеся виномъ поидоша на сѣни.

Началникъ же убійцамъ бысть Петръ Куцковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичь, а всихъ невѣрныхъ убійць 20 числомъ, иже ся бя-

ху сняли на окаяный съвѣтъ, томъ дни, у Петра Кучкова зятя.

Постигъши бо ночи суботніи, на память святую Апостолу Петра и Павла, вземше оружье, яко звѣрье дивіи, пришедшимъ имъ къ ложници, идѣже блаженый Князь Андрей лежить, и рече одинъ стоя у дверій: «господине, господине»! И Князь рече: «кто есть»? И онъ же рече: «Прокопьи». И рече Князь: «о паробьче! не Прокопьи». Они же прискочивше къ дверемъ, слышавше слово княже, и почаша бити въ двери и силою выломиша двери. Блаженый же въскочи, хотѣ взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни вынялъ ѝ Амбалъ ключникъ его: то бо мечь бяшеть святого Бориса. И въскочиша два окаяная и ястася съ нимъ, и Князь поверже одиного подъ ся, и мнѣвше Князя повержена и уязвиша и свой другъ; и посемъ познавша Князя и боряхуся съ нимъ велми, бяшеть бо силенъ, и сѣкоша ѝ меци и саблями и копійныя язвы даша ему. И рече имъ: «о горе вамъ нечестивіи! что уподобистеся Горясѣру? что вы зло учинихъ? аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богъ отомьстить вы и мой хлѣбъ».

Се же нечестивіи мнѣвша его убьена до конца, и въземьше друга своего и несоша вонъ, трепещющи отъидоша; онъ же второпѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати въ болѣзни сердца, иде подъ сѣни. Они же слышавше гласъ, возворотишеся опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: «стоя видихъ яко Князя идуща съ сѣній доловъ»; и рекоша: «глядайте его»; и текоша позоровати его, оже нѣтуть, идѣже его отошли убивше; и ре-

коша: «то ть есме погибохомъ, вбозѣ ищѣте его». И тако възжегъше свѣщи налѣзоша и по крови.

Князь же узривъ я идуща къ собѣ, и възрѣвъ руцѣ на небо помолися Богу, глаголя: аще, Господи, и въ семъ осуженіе и конець пріимаю, аще и много согрѣшихъ, Господи, заповѣди Твоя не схранивъ, но вѣдѣхъ яко милостивъ еси, плачюща видиши и противу течеши, обращая блудьнаго»; и въздохнувъ изъ глубины сердецныя, и прослезися, и помяну вся Іевова, и размышляше въ сердци своемъ, и рече: «Господи! аще и время живота моего мало и полно труда и злыхъ дѣлъ, но отпущеніе ми даруй и сподоби мя, Господи, недостойнаго пріяти конечь сей, якоже вси святіи, тако и толины страсти и различныя смерти на праведникы находили суть, како святіи пророци и апостоли съ мученикы вѣнцашася, по Господѣ крови своя прольяша, и тако и святіи священномученици и преподобніи отца многыя напасти и горькыя мукы, различныя смерти пріяша, искушени быша отъ дьявола, яко злато въ горнилѣ; ихъже молитвами, Господи, избраномъ твоемъ стадѣ съ десными овцами причти мя; како святіи правовѣрніи цари прольяша крови, стражюще за люди своя, и еще же и Господь нашь Исусъ Христосъ искупи міра отъ прельсти дьяволя честьною кровью своею» — и тако глаголя тѣшашеся; пакы же глаголаше: «Господи! призри на немощь мою, и вижь смиренье мое и злую мою печаль и скорбь мою, одержащюю мя нынѣ, да уповая терплю; о всихъ сихъ благодарю тя, Господи, яко смирилъ еси душю мою и въ царствіи твоемъ причастника мя створи; и се нынѣ,

Господи, аще и кровь мою пролыють, а причти мя въ ликы святыхъ мученикъ твоихъ, Господи»!

И то ему глаголавшю и молившюся о грѣсѣхъ своихъ къ Богу, и сѣдящу ему за столпомъ въсходнымъ, и надолзѣ ищющимъ его: и узрѣша и сѣдяща яко агня непорочно, и ту оканьни прискочиша, и Петръ же отътя ему руку десную. Князь же възрѣвъ на небо и рече: «Господи! въ руцѣ твои предаю тобѣ духъ мой»; и тако успе. Убьенъ же бысть въ суботу на нощь.

И освѣте заутра въ недѣлю, на память 12 Апостолъ, оканьнiи же оттуда шедше убиша Прокопья, милостьника его; и оттуда идоша на сѣни, и выимаша золото и каменье дорогое и жемчюгъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнiя, и въскладше на милостьные конѣ послаша до свѣта прочь; а сами въземше на ся оружье княже, милостьное, почаша совокупити дружину къ собѣ, ркуче: «ци жъ да на насъ прiѣдуть дружина Володимирьская»? И скупиша полкъ, и послаша къ Володимерю: «ти что помышляете на насъ? а хочемъ ся съ вами коньчати; не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же въ той же думѣ».

И рекоша Володимерьци: «да кто съ вами въ думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ». И разидошася и вълегоша грабить, страшно зрѣти.

И тече на мѣсто Кузмище Кiянинъ, оли нѣтуть Князя, идѣже убьенъ бысть; и поча прошати Кузмище: «кдѣ есть убитъ господинъ»? И рекоша: «лежить ти выволоченъ въ огородъ; но не мози имати его, тако ти молвять вси, хочемъ и вывере-

чи псомъ; оже ся кто пріиметь по нь, тотъ нашь ворожьбитъ есть, а и того убьемъ». И нача плакати надъ нимъ Кузмище: «господине мой! како еси не очютилъ скверныхъ и нечестивыхъ пагубоубійственыихъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ къ тобѣ, или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣждая полкы поганыхъ Болгаръ»? И тако плакася ѝ.

И пріиде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всими волю ему далъ бяшеть,—и рече възрѣвъ на нь Кузмище: «Амбале вороже! сверзи коверъ ли что ли, что постьлати или чимъ прикрыти господина нашего».

И рече Амбалъ: «иди прочь, мы хочемъ выверечи псомъ». И рече Кузмище: «о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а Князь нагъ лежить; но молютися, сверьзи ми чтолюбо», — и сверже коверъ и корзно.

И обертѣ ѝ и несе ѝ въ церковь. И рече: «отомкнѣте ми божницю». И рекоша: «порини ѝ ту въ притворѣ, печаль ти имъ»; уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: «уже тебе, господине, паробьци твои не знають; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли, и аче Латининъ, и до всего хрестьяньства, и до всеѣ погани, и рече: въведѣте ѝ въ церковь и на полати, да видять истиньное хрестьяньство и хрестяться, якоже и бысть, — и Болгаре, и Жидове, и вся погань, видивше славу Божію и укра-

шеніе церковное, и тѣ болма плачють по тобѣ; а сіи ни въ церковь не велять вложити». И тако положивъ ѝ въ притворѣ у божници, прикрывъ ѝ корзномъ; и лежа ту 2 дни и ночи.

На третій день приде Арсеній Игуменъ святою Козмы и Демьяна, и рече: «долго намъ зрѣвшимъ на старѣйшіе игумени, и долго сему Князю лежати? отомкнѣте божницю, да отпою надъ нимъ, вложимы ѝ любо си въ буди, любо си въ гробъ, да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ изъ Володимеря и понесуть ѝ тамо». И пришедъше клирошане Боголюбьскыи, и вземше ѝ внесоша въ божницю, и вложиша ѝ въ гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погребальное со игуменомъ Арсеньемъ.

Горожане же Боголюбьци розграбиша домъ княжь, и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу, золото и серебро, порты и паволокы, имѣніе, емуже не бѣ числа; и много зла створися въ волости его, посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣтскіѣ его и мечникы избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуще глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ много; грабители же и изъ селъ приходяче грабяху.

Такоже и Володимери, олиже поча ходити Микулиця со святою Богородицею, въ ризахъ, по городу, тождь почаша не грабити. Пишеть Апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть; естествомъ бо царь земнымъ подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана вышьши, яко Богъ; рече великій Златоустець: иже кто противится власти, противится за-

кону Божью, Князь бо не туне носить мечь, Божій бо слуга есть. Мы же на преднее възвратимся.

Въ 6 день, въ Пятницю (*), рекоша Володимерцѣ Игумену Ѳеодулови и Луцѣ деместьвянику святоѣ Богородицѣ: «нарядита носилицѣ, ать поѣдемъ возмемъ Князя, а господина своего Андрея»; а Микулицѣ рекоша: «събери попы вси, оболокшеся въ ризы выйдѣте жъ передъ серебреная ворота съ Святою Богородицею, ту князя дождеши»,

И створи тако Ѳеодулъ Игуменъ: святоѣ Богородицѣ Володимерьской съ крилошаны и съ Володимерцѣ ѣхаша по князь во Боголюбое, и вземше тѣло его привезоша Володимерю, со честью, съ плачемъ великымъ. И бысть по малѣ времени, и поча выступати стягъ отъ Боголюбого: и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати. И поча весь народъ плача молвити: «уже ли Кіеву поѣха, господине, въ ту церковь, тѣми золотыми вороты, ихъже дѣлать послалъ бяше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отечьству моему»? И тако плакася по немъ весь градъ. И спрятавше тѣло его, съ честью и съ пѣсньми благохвалными, положиша его у чюдноѣ хвалы достойноѣ у святоѣ Богородицѣ Златоверхой, юже бѣ самъ создалъ.

Се бо Князь Андрей не вда въ животѣ своемъ тѣлу своему покоя и очима своима дреманья, доне-

---

(*) Въ Л. въ 5 день въ Четвертокъ.

лѣже обрѣте домъ истины, прибѣжище всимъ хрестьяномъ, Царици Небесныхъ Чиновъ и Госпожи всея вселеныя, всякого человѣка и многими путьми ко спасенью приводящи. Якоже Апостолъ учитъ: его-же любить Господь, тогоже и казнить, и бьеть же всякого сына, его же пріемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыномъ вамъ обрѣтается Богъ. Не постави бо Богъ прекрасного солнца на единомъ мѣстѣ, а доволѣюща и оттуду всю вселеную освѣщати, но створи ему устокъ и полъдне и западъ: и тако угодника своего Андрея Князя не приведе его къ собѣ туне, а могущаго таковымъ жьтіемъ и тако душю спасти, но кровью мученичьскою умывся прегрѣшеній своихъ, и со братома своима съ Романомъ и съ Давыдомъ единодушно ко Христу Богу притече, и въ райстіи пищи водворяяся неизреченьно съ нима, ихъже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку възыде, яже уготова Богъ любящимъ его, тѣхъ благъ сподобився видѣти въ вѣки. Радуешися Андрею, княже великый, дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣйшему, на высокыхъ сѣдящему Богу, молися помиловати братью свою, да подасть имъ побѣду на противныѣ и мирную державу и царство честьно и многолѣтно, во вся вѣки вѣкомъ, аминъ.

М. ПОГОДИНЪ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1849, № 12).

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002
Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00026262288